

ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ

№ 2(52)

СТРАНИЧКА РЕДАКТОРА
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕМА НОМЕРА
ГЕОПОЛИТИКА
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
ЭКОНОМИКА И ФИНАНСЫ
ДЕБЮТ
«КРУГЛЫЙ СТОЛ»
ПУБЛИКАЦИИ
ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГИ

EDITOR'S PAGE
PRESSING TOPICS
THE ISSUE'S MAIN TOPIC
GEOPOLITICS
FOREIGN AFFAIRS
ECONOMICS & FINANCE
DEBUT
«ROUND TABLE»
PUBLICATIONS
NOTES ON A BOOK'S MARGINS

ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ

Журнал аналитических материалов

Учрежден Институтом стратегических оценок и анализа
Издается при поддержке ГК «Н-Транс»
и Бюро социально-экономической информации

Выходит один раз в квартал

Главный редактор,
Председатель Совета —

Вагиф Гусейнов,
директор Института стратегических оценок и анализа

Первый заместитель
главного редактора —

Юрий Поройков, к. филос. н.

Редакционный совет:

Расим Агаев (*Азербайджан*), к.и.н.

Михаил Делягин, д.э.н., академик РАЕН, председатель президиума, научный руководитель Института проблем глобализации

Владимир Егоров, д. филос. н., профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Сергей Караганов, д.и.н., декан факультета мировой экономики и мировой политики ГУ ВШЭ, почетный председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике

Андрей Кокوشин, академик РАН, декан факультета мировой политики МГУ им. М. В. Ломоносова

Николай Михайлов, д.э.н., советник председателя Совета директоров АФК «Система»

Александр Назарчук, д. филос. н., проф. кафедры социальной философии философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

Алексей Пушков, к.и.н., председатель комитета Госдумы РФ по международным делам, автор и ведущий программы «Постскриптум»

Александр Рар, директор программ России и стран СНГ Германского совета по внешней политике (Германия)

Владимир Рыжков, к.и.н., профессор ГУ ВШЭ, политический обозреватель «Новой газеты», автор и ведущий аналитической программы на радиостанции «Эхо Москвы», колумнист газеты «The Moscow Times», председатель общественного движения «Выбор России»

Леонид Слуцкий, д.э.н., председатель комитета Государственной Думы РФ по делам СНГ и связям с соотечественниками, вице-президент Парламентской ассамблеи Совета Европы

Андрей Фёдоров, директор Фонда «Центр политических исследований и консалтинга»

Александр Ципко, д. филос. н., главный научный сотрудник Института международных экономических и политических исследований РАН

Ответственная
за выпуск:

Мария Кортюнова

СОДЕРЖАНИЕ

СТРАНИЧКА РЕДАКТОРА

- Вагиф Гусейнов. Экономика всему голова5
Слово прощания8

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

- Павел Гуревич. Абсурд как социальный феномен9
Вячеслав Козлов. О борьбе с коррупцией
в правоохранительных органах16
Василий Колташов. И никаких чудес не случится...20

Человеческий фактор

- Геннадий Бочаров. Жизнь короче правды26

ТЕМА НОМЕРА

- Электронная дипломатия: дань конъюнктуре или перспективный
инструмент внешней политики? *Обсуждение проблемы*32

ГЕОПОЛИТИКА

- Владимир Дергачёв (Украина). Геополитическая трансформация
Латинской Америки50

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- Джон Карлсон (Австралия). Ядерные вызовы КНДР и Ирана:
политические аспекты58
Георгий Мирский. Исламское сообщество и «Арабская весна»62
Ноха Бакр (Египет). Ближний Восток: сложные задачи безопасности69
Валерий Бондаренко (Беларусь). Евразийская интеграция
и общественное мнение в Беларуси75
Ксения Боришполец, Станислав Чернявский. Интеграционные зигзаги
украинской элиты84

ЭКОНОМИКА И ФИНАНСЫ

- Валерий Паульман (Эстония). Мрачные грани кризиса93

ДЕБЮТ

- Наталья Протопопова. Особенности современного этапа обновления
политической элиты Египта97

«КРУГЛЫЙ СТОЛ»

- Что такое социальное государство?*103

ПУБЛИКАЦИИ

- Борис Чернышёв. Альтернативность как инструмент подготовки
государственных решений в истории России126
Расим Агаев (Азербайджан). Мерцающие «идеи евразийской
интеграции»135

Увидеть своими глазами

- Мария Кортунова. Шахматный турнир в Михайловском дворце
Русского музея141

Философия и политика

- Алексей Кара-Мурза. Как мысли превращаются в доктрины147

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГИ

- Эльвира Спинова. Похвальное слово капитализму.
*О книге Альберта О. Хиршмана «Страсти и интересы.
Политические аргументы в пользу капитализма до его триумфа»*157

Рецензия

- Аристарх Ковалёв (Эстония). Наука о взаимодействии всеобщих
и общих категорий и закономерностей. *О монографии В.Ф. Паульмана
«К обшей теории политической экономики»*161

- Тезисы статей на английском164

CONTENTS

EDITOR'S PAGE

- Vagif Guseynov. The Economy Heads All5
Farewell words8

PRESSING TOPICS

- Pavel Gurevich. Absurd as a social phenomenon9
Vyacheslav Kozlov. Some problems of fighting corruption
in the law enforcement bodies16
Vasily Koltashev. And no miracles would ever happen...20

Esse Homo

- Gennady Bocharov. The life is shorter than the truth26

THE ISSUE'S MAIN TOPIC

- Electronic Diplomacy: a tribute to the current situation or a foreign
policy promising tool? *Discussion*32

GEOPOLITICS

- Vladimir Dergachev (Ukrain). Latin America's geopolitical
transformation of Latin America50

FOREIGN AFFAIRS

- John Carlson (Australia). DPRK and Iranian nuclear challenges —
political aspects58
Georgy Mirsky. The Islamic community and the Arab spring62
Noha Bakr Ph.D. (Egipt). Security Challenges in the Middle East69
Valery Bondarenko (Belarus). The Eurasian integration
and public opinion in Belarus75
Ksenia Borishpolets, Stanislav Chernyavsky. The Ukrainian elite's
integration zigzags84

ECONOMICS & FINANCE

- Valery Paulman (Estonia). The crisis dark sides93

DEBUT

- Natalia Protopopova. Specifics of the current renewal of Egypt's
political elite97

«ROUND TABLE»

- What is it a social state?*103

PUBLICATIONS

- Boris Chernyshev. Alternative as the state division making tool
in Russia's history126
Rasim Agayev (Azerbaijan). The flickering «ideas
of Eurasian integration»135

Eye Witnessing

- Maria Kortunova. Chess tournament in Mikhalovsky Palace
of Russian Museum141

Philosophy and politics

- Alexey Kara-Murza. The way thoughts turn into doctrines147

NOTES ON A BOOK'S MARGINS

- Elvira Spirova. Panegyric on capitalism.
*About the book by Hirschman, Albert Otto. The Passions and the Interests:
Political Arguments For Capitalism Before Its Triumph*157

Review

- Aristart Kovalyov (Estonian). On Professor V.F. Paulman's,
Dr. Sc. (Economics), monograph on *Towards the General Theory
of Political Economy*161

- SUMMARY164

- OUR AUTHORS178

СТРАНИЧКА РЕДАКТОРА

ЭКОНОМИКА ВСЕМУ ГОЛОВА

В конце апреля одной из главных новостей стали заявления министров экономического блока российского правительства о существенном ухудшении прогноза по основным экономическим показателям РФ — ВВП, промышленному производству и инвестициям. Они, вслед за экономистами, заговорили о возможности рецессии, т.е. спада экономики, хотя и полагают, что ее еще можно предотвратить. Похоже, президент В. Путин также обеспокоен надвигающимися экономическими проблемами, иначе трудно объяснить недавнюю «несанкционированную» утечку его нашумевшего заявления о возможности смены ряда министров и губернаторов.

В регионах, кстати, экономическая ситуация еще хуже, чем в целом по стране. Темпы роста экономики устойчиво снижались всю вторую половину прошлого года и в начале этого. На экономической карте страны появляется все больше новых очагов неблагополучия. По итогам 2012 года в России сложилось два таких больших очага: традиционный — Северный Кавказ, и новый — Северо-Западный федеральный округ. Набор проблем, которые испытывают там регионы, наиболее обширный.

Нарастает напряжение и в Сибири, причем не только в традиционно экономически слабых районах южной части региона, но и в промышленных — Кемеровской области и Красноярском крае. Неожиданный центр неблагополучия формируется из некогда процветавших нефтяных провинций Уральского округа.

В 15 российских регионах уровень промышленного производства упал даже по сравнению с предыдущим годом. Сильнее всего — на 10,6% — в Ненецком автономном округе. Кризисом охвачено производство не только в нефтегазодобывающих округах Тюменской области и на Сахалине, но и в «металлургических» и «химических» — Вологодской, Кемеровской и Мурманской областях, а также в Пермском крае и в Карелии. В шести регионах промышленное производство снижается второй год подряд; на Чукотке и в Ненецком округе — третий; в Чечне — пятый. Причем в Чечне многие годы и в сельском хозяйстве неблагополучно. Сильнее всего темпы роста промышленного производства упали в Ингушетии — на 27,3 п. п. и ушли в минус. Ее примеру последовали автомобилестроительные кластеры: Калужская область потеряла в росте 20,5 п. п., Калининградская — 16,4 п. п.

«Энергетические» прогнозы аналитиков также сплошь нехорошие. CitiGroup предрекает, что «суперцикл роста цен на сырье закончен... 2013 год будет первым годом, когда цены на сырьевые товары в конце года окажутся ниже, чем в начале».

Неутешительные прогнозы потребления нефти содержатся и в апрельском обзоре International Energy Agency: рост потребления нефти в текущем году ожидается ниже 0,9% — существенно меньше, чем в предыдущих прогнозах.

В этих условиях российским властям приходится думать, как жить дальше и что делать в новых мировых экономических реалиях. Размышления на эту тему раскалывают экспертное и чиновничье сообщества практически пополам. Одни говорят, что надо пустить в ход заначку, другие возражают, что деньгами не помочь, пока экономика не может их переваривать, и доходят в рассуждениях до выводов о необходимости серьезных политических реформ. При этом они приходят к выводу, что основные наши проблемы связаны даже не с упомянутым кризисом, а с избавлением от тормозящего воздействия традиционных институтов и интересов. Что-то в этом роде постоянно говорит и премьер-министр Медведев. Выступая на коллегии Минфина, он призывал «провести серьезный анализ тренда замедления темпов роста ВВП и сокращения промышленного производства в январе-феврале 2013 года».

Ситуация стала настолько тревожной, что в конце апреля в Сочи было создано представительное совещание, на которое был приглашен даже экс-министр финансов Кудрин, для обсуждения насущных экономических вопросов, в частности, механизмов стимулирования роста экономики и нейтрализации внешних рисков. Никаких кардинальных решений на совещании принято не было, все обсуждение свелось к рассмотрению ряда технических вопросов вроде административного ограничения маржи госбанков по кредитам.

Президент призывает искать решения макроэкономических задач, но ведь на самом деле это и есть политические задачи. Ясно, что никакого роста ВВП быть не может без роста производительности труда (с чем у нас туго, по данным ОЭСР). А это уже политика, так как рост производительности заставит принимать решения, что делать с высвобождающимися работниками. Потому же и модернизация, и инновации являются вопросами политическими. Роста ВВП не может быть без инвестиций, а для них требуется инвестклимат — чистая политика. Защита частной собственности, независимый суд и прочее, без чего нельзя рассчитывать на процветание, — тоже политика.

Угроза рецессии уже меняет расстановку сил в экономических блоках Кремля и правительства. Совещания по стимулированию экономического роста идут одно за одним. Логика Кремля понятна. Есть некий раскол между желающими продолжать экономическое развитие без политических перемен и теми, кто доказывает невозможность такого сценария. Допустить раскола во власти нельзя, поэтому президентская администрация вынуждена перетягивать контроль над решением этих вопросов на себя.

Граждане страны все острее чувствуют, что надвигаются сложные времена. Это четко зафиксировал недавно опубликованный доклад «Власть — элиты — общество: контуры нового общественного договора», подготовленный по заказу Комитета гражданских инициатив. В нем отмечается, что политические события конца 2011 и 2012 годов разрушили казавшуюся привычной картину идейно-политических предпочтений российского общества.

Инерционное развитие нынешней политической системы, как показало количественное исследование в рамках проекта, однозначно поддерживается лишь четвертью граждан. Пик популярности этого пути развития остался в прошлом, и в обществе существует запрос если не на «перемены вообще», то на видоизменение существующего строя. Однако и «левого поворота» в российском обществе не просматривается: «социалистическим» по советскому образцу будущее России хотели бы видеть 12,5%, что тоже немало. 17,6% видят выход из нынешнего положения в авторитарном режиме «железной руки», однако наиболее привлекательной относительно большинству россиян (38%) видится демократия, во многом похожая на европейскую.

Эти предпочтения «перепахивают» устойчивые электораты: сторонники демократии преобладают над сторонниками других путей во всех электоратах, кроме КПРФ.

Выявленный запрос никак не характеризует демократию, которой хотят наши граждане, но анализ ответов сторонников демократии на другие вопросы исследования свидетельствует, что под этим подразумевается именно сдвиг от нынешнего состояния к большей открытости, плюралистичности, а главное — подотчетности и «отзывчивости» власти. Этот запрос не вставание к власти в оппозицию, а наказ измениться именно в этом, «демократическом» направлении. Это еще и запрос на новые лица и личности в политике.

«Консервативная волна», отмечают авторы, не пользуется всеобъемлющей поддержкой. Однако при явственно обозначившемся расколе общества власть считает важным утвердить себя в роли главного хранителя традиций, гаранта справедливости и не дать традиционной оппозиции набрать очки на этих темах. Тактически такой ход — «проповедь перед обращенными» — понятен: он формирует повестку дня, отвлекающую от иных, например социальных, проблем. Стратегически же он входит в противоречие с широким общественным запросом на демократизацию.

Такая конфигурация политических сил, сложившаяся на старте нового электорального цикла, по определению неустойчива. Ее развитие будет определяться как реакцией общества на социально-экономическую эффективность власти, так и событиями в партийно-политическом пространстве. Ведь низкие темпы экономического роста недостаточны для поддержания стабильности в стране, а проводить реформы никто не решается, опасаясь подрыва стабильности.

Но во всем этом есть и позитив. Если экономика замедляется, как сейчас, то становится очевидным, что все лозунги о создании новых рабочих мест или борьбе с инфляцией невыполнимы. Это заставляет власть предпринять какие-то шаги. Она уже пытается поддержать рост своими силами и, когда это не сработает, а это не сработает, власть вынуждена будет пойти на реформы. Так уже было после кризиса 1998 года, когда Путин в свой первый срок провел много нужных реформ, потому что резервов уже не было.

В. Туседов.

СЛОВО ПРОЩАНИЯ

Так случилось, что по чисто техническим причинам мы не смогли вовремя сообщить нашему читателю о трагической гибели ЮРИЯ НИКОЛАЕВИЧА ЕРЁМИНА, нашего друга и товарища, заместителя директора Института стратегических оценок и анализа и Бюро социально-экономического анализа (2004–2013 гг.).

Он был похоронен 5 марта со всеми положенными офицеру воинскими почестями. Среди провожавших его в последний путь были сокурсники из знаменитого Качинского высшего военного авиационного училища летчиков и одноклассники школы № 3 подмосковного городка Реутова, которую он окончил с золотой медалью, — несмотря на прошедшие десятилетия,

его помнили, любили и оплакивали, не скрывая слез. Судя по их воспоминаниям, он и в юности отличался отзывчивостью, добротой, готовностью прийти на помощь в трудную минуту.

Пройдя достойно все служебные ступеньки до высокого звания полковника, он гордился своей службой в армии и ФСБ. Последним местом его работы на государственной ниве была должность руководителя Службы безопасности налоговой полиции Москвы. Там, где и когда был особо высок градус корысти, а честность и порядочность — единственным оружием немногих тому противодействующих...

Организованный, требовательный к себе и другим, он всегда предпочитал принимать продуманные, взвешенные решения и умел просчитывать свои шаги.

Как ранним субботним утром на пустынном шоссе он, будучи за рулем, мог оказаться на встречной полосе — никто из нас не в силах был ни понять, ни объяснить... Ему шел всего 57 год.

Пишущий эти прощальные слова от имени товарищей-коллег посчитал все-таки возможным добавить к сказанному выше и несколько слов лично от себя. Он любил самолеты и небо, увлекался рыбалкой и фотографированием. Однажды я видел, как он провожал завистливым взглядом пролетающий высоко в небе военный истребитель, на какие-то мгновения забыв о звенящей от натяжения леске с крупной добычей.

Нет, небо и самолеты он любил все-таки больше. Наверное, так же, как и свою семью — жену Валентину и дочь Ксению, много раз снятую им на видео во время тренировок и победного соревнования на юношеском танцевальном чемпионате России по хип-хопу. Этой ее победой он гордился, как если бы победил сам.

Вот в этом совершенно органичном слиянии сильного характера, высоких моральных качеств, деловой хватки и нежных привязанностей к родным и близким и прожил несправедливо отпущенный ему судьбой жизненный срок светлый, цельный, красивый человек, память о котором мы будем хранить, пока сами живем на этой земле.

Институт стратегических оценок и анализа,
Бюро социально-экономического анализа,
Редакция «Вестника аналитики»

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Павел ГУРЕВИЧ

АБСУРД КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН

Жизнь многообразна: есть в ней смешное, гротескное, противоречивое. Но в данном случае речь идет не о психопатологии обыденной жизни по Фрейду, не о социально-критической «воркотне» по поводу разных неистребимых безобразий, не о человеческом цинизме или глупости, которых, понятно, не занимать. Речь об уникальном явлении. Об абсурде. Как феномен он глубоко укоренен в обществе. Он онтологичен, потому что без него здание социума обрушится. Если изъять из повседневного обихода абсурд как иррациональный код, люди перестанут выполнять наставления власти.

Власть может сохранить себя только в том случае, если будет посылать обществу сигналы, которые невозможно реализовать в силу их несовместимости. Только с помощью этих мерцающих и ускользающих смыслов можно сохранить относительную стабильность и единомыслие общества. Но в том-то и дело, что эти призывы диссонантны. Нельзя, например, без изощренных самоувещеваний любить родину и прятать деньги в заграничных оффшорах. Добиваться власти и сохранять стерильную политическую девственность. Бороться с коррупцией и не трогать в этом случае самых близких, сановных назначенцев. Придерживаться радикального либерализма и строить социальное государство. Помышлять о том, чтобы уйти из власти, но не забывать при этом, что произошло с другими политиками в аналогичной ситуации.

Абсурд как социальный феномен далеко небезобиден. Он позволяет затуманивать мозги, приучает к бессмыслию, одновременно он рождает блаженные улыбки на лицах тех, кто капитально ушиблен мешком. Абсурд дает возможность шизофренизировать общество, но вовремя прописать и антидепрессанты. Позже, уйдя из конкретных временных рамок, мы поражаемся всеобщему абсурдному ослеплению. Прозревая, мы осознаем, что повторение исторической трагедии, как подметил Гегель, выглядит уже откровенным фарсом.

Человечество, смеясь, прощается со своим прошлым. Добавим от себя, вслед за Гегелем и Марксом, который его цитировал: «но платит за это дорогую цену».

Что же мешает своевременному ниспаданию пелены с глаз — глупость, страх, социальный конформизм, стереотипность мышления, психологическая усталость, неустранимая психопатология жизни? Что превращает абсурд в норму общественной жизни?

История услужливо предлагает иллюстрации. Средневековые юристы по всем канонам судебных уложений судили козла, виновного будто бы в злоумышленном поступке. Козни усматривали не только у животных, но даже у отдельных предметов. В среде феодалов расточительность уважалась несравненно больше, чем бережливость — важнейшее достоинство буржуа. Степенные американские фермеры чинили расправу над невинным негром, сжигая его заживо. Толпы людей, беснуясь, следовали за фюрером. Народы, протестуя против войны, неожиданно бросались друг на друга. Демократия утверждала себя бомбометанием.

Праведность, как подметил Шекспир, служила пороку. Глупость предъявляла себя в маске мудреца.

Вообще говоря, тема абсурда давно привлекала внимание философов и социологов. Но прежде всего она рассматривалась как сбой логики, нелепость рассуждения. Данная проблема выявилась поначалу при разграничении истинных и ложных рассуждений. Это было особенно важно для риторической и судебной практики. Но уже в эпоху Возрождения было замечено, что в самой жизни, а не только в риторической практике, полно нестыковок: безумие часто выдает себя за разум, порождая абсурдные ситуации. Эразм Роттердамский не уклонился от сарказма, назвав свою книгу «Похвальное слово глупости». «Мужчины рождены для дел правления, а потому должны были получить несколько лишних капелек разума, необходимых для поддержания мужского достоинства», — язвительно писал великий гуманист. Он еще уточнял: «Глупость создает государства, поддерживает власть, религию, управление и суд. Да и что такое вся жизнь, как не забава глупости?» Абсурд — прежде всего недомыслие, неспособность добраться до смысла, завершить траекторию мысли.

Депутат Олег Смолин представил в Государственную думу альтернативный вариант проекта об образовании. В частности, он сказал: «Поклонникам англо-американских моделей, которые вводят ЕГЭ и прочие «новшества», напомним высказывание знаменитого американского просветителя Бенджамина Франклина, сделанное в XVIII веке. У него спросили: почему Вы так много заботитесь о просвещении простолюдинов? Он ответил: простолюдин, стоящий на своих ногах, несравненно лучше джентльмена, стоящего на коленях. Уверен, что

стране нужен закон, создающий равные возможности в образовании, отвечающий принципу «образование — для всех», чтобы каждый гражданин России мог стоять на собственных ногах».

Другой депутат, В.В. Жириновский, похвально отозвался об этом проекте. Но все же заметил, что если этот проект принять к реализации, то в стране все будут хорошо образованны. А это приведет к смуте и распущенности. Нам, мол, не нужна хорошо образованная страна, это плохо кончается.

Французские философы набрали умопомрачительную коллекцию современных глупостей, которые по глубине и затратам вполне тянут на статус абсурда. Возьмем пример из арсенала философа Жака Бодрийяра. Внимание французских политиков привлек Судан. Туда был направлен высокопоставленный чиновник, который должен был изучать потребности суданцев в современных коммуникативных технологиях. В самом деле, пора узнать, умеют ли эти люди общаться? Нельзя ли донести до них европейские земледельческие рецепты с помощью видеокассет? Факт, что они голодают и надо научить их возделывать сорго. Но зачем же посылать туда агрономов при наличии современных коммуникаций? Пусть этот травянистый злак придет к ним на аудио- и видеокассетах. Если не подключить суданцев к современной технике общения, они умрут с голоду. Вот ведь как умно придумано. Власть только забыла учесть элементарные особенности жизни суданцев. В итоге случилась гуманитарная конфузия.

Города и деревни Судана были снабжены видеомагнитофонами. Но местная мафия быстро овладела сетью видеосалонов. Вместо учебных кассет про сорго открылся прибыльный рынок порнографических кассет. Это, впрочем, понравилось населению больше, чем возделывание сорго. Питательный злак или видео — какая разница?

Притча, замечает Бодрийяр, достойная того, чтобы занести ее в книгу абсурда. «Мы живем в постоянном воспроизведении идеалов, фантазмов, образов, мечтаний, которые уже присутствуют рядом с нами и которые нам, в нашей роковой безучастности, необходимо возрождать вновь и вновь», — писал он.

Социальные философы фиксируют: идея прогресса исчезла, но прогресс продолжается. Отныне это, скорее, раковое разрастание, нежели общественное развитие. Вместо шумного переселения народов — тихая азиатизация Европы. Идея богатства, которое предполагает производство, исчезла, но производство как таковое осуществляется наилучшим способом. И по мере того, как исчезает первоначальное представление о его конечных целях, рост производства ускоряется. Все заняты продажей, но трудно понять, откуда берется первоначальный продукт. Идея исчезла в политике, но политические игры, напротив, усилились и разрослись. Телевидение потеряло интерес к тем образам,

которые оно производит. Оно могло бы продолжать свою активность, даже если бы человечество исчезло. Образы вылезли из телевизионного экрана, и теперь их невозможно загнать обратно, как пасту в тубик.

Феноменология абсурда

Абсурд многолик и культурно обусловлен. То, что считалось разумным для одной культуры, оказывается безумным для другой. Логичное и правильное для своего времени воспринимается как ужас в другой эпохе.

Первые христиане, наблюдая за восхождением Христа на Голгофу, надеялись, что сейчас Он явит свой гнев и мощь. Случись бы такое с Зевсом, он закидал бы всех огненными плевками и испепелил бы молниями. Но Иисус не явил своей божественной сути и был распят рядом с разбойником. Верить в такого Бога, с точки зрения язычников, абсурдно. Но ученики Христа, принявшие учение, напротив, были убеждены, что безумно почитать земного кесаря, считать его несравненным. Величие как раз в проповеди Христа.

К чему эти культурно-исторические иллюстрации? А вот свеженькая история о том, как Перун прогневался на Русскую Православную Церковь. 24 марта этого года в Омске по просьбе РПЦ местные власти запретили проводить праздник «Проводы зимы». Оказалось, что митрополит Омский и Таврический Владимир написал губернатору письмо о том, что этот языческий праздник — масленица — оскорбляет чувства верующих. Он совпал с Великим Постом. Но тут вроде прогневался Перун. Не хотите проводить «Проводы зимы», так она засыплет вас снегом. Не видать вам весны, раз отступились от древней веры.

Что делать чиновникам, кому поклоняться? Министерство культуры Омской области поспешно открестилось от табу на языческий праздник. Не гневайся, Перун, прости нас, заблудших, учинивших заворот мозгов. Яви календарное благолепие!

Все смешалось в общественном сознании: языческий праздник и христианская проповедь, желание ухватить божественную частицу мира в виде бозона Хиггса и ежедневные астрологические оповещения, белый дым над собором как Божье воззвещение и надежда, что всем верующим будет большое денежное пособие, Нобелевские премии и агрессивный обскурантизм.

Человек обладает сознанием, которое позволяет ему принять едва ли не любое экстремальное событие. В течение своей жизни он обнаружит, что жизнь не ложится под нас. Она противоречива, полна несогласованностей и разного рода несуразностей. Человек разумен, но часто поступает иррационально. Люди творят новое, но сами же его и разрушают. Человек — удивительное существо. Он все понимает, но

поступает наоборот. Это, впрочем, мысль Сократа. Постоянно углубляющийся опыт рационалистического постижения жизни и кошмарное нежелание реальности укладываться в этот опыт. Неиссякаемый поток творчества, рождающий разрушение. Томление по красоте, избыточно переходящее в манку безобразного. Бесконечность творения и предельность человеческой жизни. Как сохранить трезвость мысли внутри этих парадоксов?

Об абсурде как основе существования писали экзистенциалисты. Особо отметился тут, пожалуй, Альбер Камю. Его называли «певцом абсурда». Он писал о том, что чувство абсурдности поджидает нас на каждом углу. Это чувство неуловимо, но оно реально. Человек живет, но жизнь его бесцветна, неинтересна. «Подъем, трамвай, четыре часа в конторе или на заводе, обед, трамвай, четыре часа работы, ужин, сон; понедельник, вторник, среда, четверг, пятница, суббота, все в том же ритме...». Человек, как греческий Сизиф, наказанный богами, обречен на бесконечное повторение одного и того же бессмысленного действия.

Абсурдный человек, в толковании А. Камю, до встречи с абсурдом живет своими целями: заботой о будущем или об оправдании его. Он оценивает собственные шансы, рассчитывает на своих сыновей, верит, что в жизни все наладится. Ему кажется, что он свободен. Абсурд развеивает все иллюзии: завтрашнего дня нет. Смерть и безумие непоправимы. У человека нет выбора. Камю писал: в итальянских музеях можно видеть маленькие разрисованные ширмы. Священник держал одну из них перед глазами приговоренного к смертной казни, скрывая от него эшафот. Как освободиться от этой идеологической ширмы?

Состояние человека в абсурде выразил Сэмюэль Беккет: «Голый человек на каменистой душе, и пустое небо над ним».

Заложники абсурда

Начало текущего года в России поразило общественность мощными всходами абсурдизма. Актер Депардьё обозначился в наших гостеприимных объездах и отправился на жительство в Бельгию. Общественная палата предложила изъять из школьной программы Гоголя и Щедрина, которые будто бы повинны в либеральной критике государства, повлекшей за собой грозные события 1917 года. Министр образования и науки радостно сообщил, что аспиранты будут освобождены от сдачи кандидатского минимума по философии и смогут теперь сосредоточить свои научные усилия на предьявлении собственных открытий. Но без воспитания культуры ума открытие становится проблематичным. Премьер государства взял на вооружение формулу римского сенатора, который к месту и не к месту повторял курьезную фразу: «Карфаген должен быть разрушен». В данном случае реплика относилась к

«ненужным» вузам. Армия настолько отвыкла от обычных учений, что сообщение об очередной проверке ее боеспособности оказалось новостью номер один.

Уже не выглядит нелепицей сообщение бывшего министра обороны, что дорога к особняку зятя строилась за счет бюджета из стратегических соображений. Не воспринимается как полоумность исчезновение этой дороги в результате вопросов следователя. Вызванная на суд бывшая чиновница Министерства обороны поразила общественность дорожкой дамской сумочкой, которая сразу перевела допрос в неожиданное русло. Известная певица, которая обещала в своей книге рассказать «всю правду», столь нужную пытливым читателям, наконец-то предъявила свою исповедь. Но оказалось, что «вся правда» — это признание в том, что она отдалась неизвестному мужику на скотном дворе, что благотворно повлияло на ее творческую биографию. Государственные деятели неистово заспорили о том, можно ли приравнять политическую проституцию к обычному похотливому разврату. Отрезвляюще прозвучала фраза президента, сказанная по частному поводу, но попавшая в яблочко: «Вы что, с ума сошли?»

Чиновники хотят перечислить фразы, на которые можно наложить табу и уменьшить размеры коррупции. Фраза «Ваши справки нам не нужны» попала в число опальных. Эту мысль служащий должен донести до посетителя в предельно достоверном и не столь откровенном варианте.

Абсурд стал наглым и агрессивным. Тупоумие перешло в атаку. Можно порой подумать, что пациенты больницы Кащенко перестреляли психиатров и захватили власть в этом богоугодном заведении. Не зря законы, обсуждаемые Госдумой, обозвали «взбесившимся принтером». Предлагается немедленно и беспощадно истребить все, что не привязано к коммерческому лотку. Норвежцы, известные своей сдержанностью и медлительностью, неистово пляшут, получив в дар земные недра, сказочно наделенные энергетическими ресурсами. Из 25 исследований, защищенных в Диссертационном совете, 24 оказались плагиатом. Двадцать пятый пишет объяснительную записку. И в самом деле, зачем отбилась от коллектива?

Чиновник, отвечающий на вопросы избирателей, доказывает, как изменилась к лучшему жизнь простых тружеников: «Вон, к примеру, — рассуждает он, — сколько нищих развелось. Значит, улучшилось и благосостояние людей. Никакой это не парадокс. Ведь если человек с утра до вечера стоит на облюбованном месте, значит, ему кто-то подает. Иначе, зачем глаза мозолить, выставлять язвы напоказ и провожать нас безучастно-скорбным взглядом?»

Конечно, по большому счету, особой разницы между попрошайкой и тем, кто пробегает мимо, нет. Все мы нищие. Многое зависит от само-

ощущения или от весьма зыбкой грани. Вот сотрудники фирмы обсуждают проблему безденежья. Выходит олигарх и спрашивает, о чем разговор. «Денег не хватает», — отвечают коллеги. «Да, да, — скорбит отец целой индустрии. — Денег нет». Тогда бойкая дама завершает дискуссию, обращаясь к предпринимателю: «Ваше подключение к разговору делает проблему неразрешимой».

Абсурд освоил логику, которая не знает противоречий. Бессвязность оказывается логичностью. Бред стилизуется под систематизированность. Все пишут президенту, все просвещают его и ждут безотлагательного решения своего вопроса. Вот письмо предпринимателя Котельникова: «Что-то явно не так в нашей судебной системе! Вы обещали нам Диктатуру Закона, и мы все еще ждем ее как благо для всего общества. Что же касается внутренних убеждений слуг Закона — они далеко не всегда чисты и безупречны. Поверьте, убедился в этом на собственном опыте»¹. Предпринимателю мнится, что такое письмо окажется откровением для главы государства. А ведь это все равно что написать: «Милый дедушка, Константин Макарович!.. Христом богом тебя молю, возьми меня отседа. Пожалей ты меня, сироту несчастную, а то меня все колотят и кушать страсть хочется, а скука такая, что и сказать нельзя, все плачу...».

Люди свыкаются с тем, что вокруг царит бессмыслие и лицемерие. Но есть другой путь, который мог бы придать динамику социальному прогрессу. Не следует оценивать абсурд как должное. Не принимать условия игры, в которых звучит хорошо знакомое: «Эники-беники ели вареники».

Абсурду пора противопоставить зрелое гражданское мужество, здравый смысл и социальную терапию.

¹ «Наболело!». Открытое письмо бизнесмена Котельникова президенту России // Аргументы недели. № 11 (353) от 21 марта 2013 г.

Вячеслав КОЗЛОВ

О БОРЬБЕ С КОРРУПЦИЕЙ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ

Уровень коррупции в нашей стране на протяжении длительного периода продолжает оставаться высоким. События в Министерстве обороны, злоупотребления в ОАО «Российские космические системы», мошенничество при использовании бюджетных средств, выделенных на подготовку саммита АТЭС во Владивостоке, примеры покровительства игорного бизнеса прокурорскими работниками, случаи взяточничества в Следственном комитете России — все эти факты свидетельствуют о продолжающихся негативных тенденциях в этой сфере.

Примеров мздоимства можно привести еще много. Печально то, что коррупционные проявления происходят и в тех органах, которые призваны бороться с этим злом. Эти факты имеются во всех правоохранительных органах без исключения, в том числе и в таможенных, когда за совершение коррупционных преступлений под стражу попадала целая смена таможенных инспекторов и их руководителей, осуществлявших таможенный контроль. Одной из причин реформирования МВД России явился достаточно высокий уровень коррупции в его рядах.

Депутатский корпус в нашей стране тоже не является исключением. В газете «Аргументы и факты» (№ 47, 2012 г.) сообщалось, что статус депутата позволяет открывать двери в высокие кабинеты, выбивать финансирование разных программ, получая при этом свою долю, добиваться заключения контрактов с фирмами, которыми руководят друзья или близкие. Особо жадные могут и за 300–500 долл. направлять депутатские обращения и за 2–3 тыс. долл. продавать удостоверения помощников депутатов.

Действительно, сейчас нельзя сказать, что есть у нас государственные структуры (в том числе и правоохранительные органы), не подверженные в той или иной мере коррупции. Больно все общество. Кор-

рупция является следствием происходящих в обществе экономических, политических, социальных и культурных процессов. А только ли наше общество больно? Конечно же, нет. По данным той же газеты, «...только за период 2010–2011 годов за получение взяток были наказаны 3578 кадровых работников Коммунистической партии Китая». За время своего существования с 1952 года Бюро расследований случаев коррупции Сингапура передало в суд сотни дел взяточников, включая трех родственников премьера страны.

В Гонконге работникам министерств разрешено принимать от близких подарки только на таких торжествах, как свадьба или день рождения, на сумму не более 500 долл. При поступлении на госслужбу чиновник обязан предоставить подробный список родственников и друзей и письменно объяснить, как давно он с ними знаком. Банковские счета этих людей подвергаются регулярным проверкам, и в случае выявления на них крупных сумм денег начинается расследование.

Прежде чем определять пути, способы и средства борьбы с коррупцией, необходимо четко представлять ее сущность.

В переводе с латинского коррупция означает подкуп, порчу, упадок, совращение. Общепринято следующее толкование этого понятия: «Коррупция — это моральное разложение должностных лиц и политиков, выражающееся в незаконном обогащении, взяточничестве, хищении и срастании с мафиозными структурами».

Когда это зло появилось? Очевидно, со становлением государства возникла и коррупция как социальное явление. «Коррупция является обратной стороной деятельности любого государства, которое претендует на широкий учет и контроль».

Коррупция имеется и в тех странах, где мерой ответственности за коррупционные преступления является лишение жизни виновного. Но и эти средства ее не могут остановить. Вновь и вновь на смену одних приходят другие, осознающие, что за совершение коррупционных противоправных деяний они могут расплатиться жизнью.

Причина существования коррупции заключается в том, что должностное лицо может распоряжаться не принадлежащими ему ресурсами в виде бюджетных средств, государственной или муниципальной собственности, государственных заказов, льгот и т. д. путем принятия или непринятия тех или иных решений. В правоохранительных структурах коррупционные проявления могут заключаться в принятии решений об освобождении лиц, совершивших противоправные деяния, от уголовной, либо административной ответственности, в незаконных проверках хозяйственной деятельности и захвате предприятий, недвижимости и собственности путем возбуждения так называемых «казачьих» уголовных дел, проведения незаконных оперативно-розыскных мероприятий, задержаний и других процессуальных действий.

Основная опасность коррупции заключается в ее разрушительном воздействии на конституционные основы и государственное устройство.

Коррупция как преступление тесно связана с другими видами антиобщественных проявлений, прежде всего с организованной преступностью, теневой экономикой и терроризмом, подпитывает их и питается от них. Она способствует снижению темпов экономического роста, уменьшению потенциала институтов гражданского общества, ведет к нарушению прав человека и гражданина, оказывает другие негативные воздействия на правовую систему.

Из анализа проводимой работы по противодействию коррупции можно сделать вывод о том, что используемая правоохранительными органами система мер позволяет выявлять и устранять причины и условия, способствующие совершению должностных правонарушений.

Между тем эту систему необходимо совершенствовать таким образом, чтобы она позволяла не только эффективно бороться с последствиями уже содеянного, но и полностью исключить саму возможность наступления противоправного деяния со стороны должностного лица.

Конечно, этому способствуют такие меры, как:

- формирование в обществе нетерпимости к коррупционному поведению;

- общественный контроль;

- антикоррупционная экспертиза правовых актов и их проектов;

- декларирование доходов и расходов своих, супруги (супруга) и несовершеннолетних детей, а также недвижимого и иного имущества указанных лиц;

- учет при назначении должностного лица на вышестоящую должность мер поощрения за длительное, безупречное и эффективное исполнение своих должностных обязанностей;

- обязанность должностного лица уведомлять об обращениях к нему в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений;

- принятие мер по недопущению любой возможности возникновения конфликта интересов;

- усиление уголовной ответственности за коррупционные преступления;

- лишение права при совершении коррупционного правонарушения занимать определенные должности государственной и муниципальной службы по решению суда.

Однако все перечисленные меры, как уже имеющиеся, так и предлагаемые, как представляется, окажут значительное влияние на снижение уровня коррупции, но вряд ли смогут полностью ее искоренить.

Разумеется, возникает вопрос, а что же делать?

Прежде всего, необходимо для добросовестных сотрудников создать такие условия, чтобы они чувствовали защищенность и уверенность в завтрашнем дне.

Для этого необходимо дополнить законодательство России положением, которое исключало бы возможность увольнения добросовестного работника по инициативе администрации, даже в случаях проведения организационных штатных мероприятий.

После окончания испытательного срока в обязательном порядке заключать контракт с работником минимум на 5 лет.

Следующим шагом должно стать так называемое отложенное благо. То есть обеспечение работника жильем, которое в последующем должно стать его собственностью в случае безупречной работы при стаже свыше 20 лет. Обеспечение такого работника достойной зарплатой, а при выслуге лет достойной пенсией. Предоставление ему и членам его семьи качественного медицинского обеспечения, бесплатного обучения его детей в общеобразовательных и высших учебных заведениях. Обязательные материальные и моральные поощрения при достижении высоких результатов в трудовой деятельности.

«Нужно повысить уровень благосостояния чиновников, чтобы они дорожили своим служебным местом», — сказал Президент РФ на декабрьской 2004 года пресс-конференции в Кремле, отвечая на вопрос о том, как Россия может справиться с коррупцией».

Безусловно, на эти цели понадобятся большие материальные ресурсы, которые бюджет страны вряд ли сможет выдержать. Но вопрос стоит таким образом — либо мы боремся всерьез, затрачиваем ресурсы и побеждаем коррупцию, либо продолжаем также неэффективно с ней бороться, что может привести к весьма негативным последствиям.

Василий КОЛТАШОВ

И НИКАКИХ ЧУДЕС НЕ СЛУЧИТСЯ...

Возвращение кризиса в Россию произошло совершенно не так, как этого ожидали многие экономисты. Промышленный спад начался будто бы независимо от глобальных процессов. По данным Росстата, в январе-феврале промышленное производство в России упало на 1,5% по сравнению с аналогичным периодом 2012 года. Рост ВВП в январе составил 1,6%, а в феврале — всего 0,1%.

Возглавляемый Дмитрием Медведевым кабинет оказался перед ситуацией ползучего развития кризиса, возрождение которого можно было предотвратить.

В середине 2012 года в стране была скорректирована экономическая политика. Власти отказались от неуверенного и непреднамеренного, но продуктивного кейнсианства первой половины года. Началось усиление неолиберальных преобразований. Была запущена новая приватизация. Механизмы защиты внутреннего рынка от ухудшения внешней конъюнктуры в конце 2012 года продолжали расстраиваться, чему, прежде всего, помогало ВТО. Новая приватизация в России только ухудшала положение, уменьшая регулирующие возможности государства. Правительство повело борьбу за формальное улучшение инвестиционного климата, что должно было привлечь в экономику иностранные капиталы и тем самым свести на нет действие различных негативных факторов.

Инвесторы не пришли. Ожидания правительственных чиновников, что положительная динамика в экономике сохранится, не оправдались. Рост российской экономики по мере приближения 2013 года выглядел все менее надежным в глазах инвесторов, поэтому наибольшим вниманием пользовалась региональная сфера услуг, а прямое инвестирование в промышленной области шло слабо. После сокращения в конце ноября 2012 года отток капиталов вновь усилился в декабре.

По итогам 2012 года рост промышленного производства составил 2,6%. Проблемы испытывал кредит: без снижения ссудного процента

в 1,5–2,5 раза его роль как стимулятора роста производства и потребления не могла быть достаточно активной. Знаковым являлся застой на жилищном рынке, где рост цен и дорогой кредит придавили потребителей.

Премьер-министр обозначил неурожай в качестве одной из основных причин замедления российского национального хозяйства. Безусловно, спад в европейской экономике и финансовые потрясения с ним связанные оказывали на Россию негативное влияние весь 2012 год. Но воздействие это было непрямым и еще менее очевидным, чем неурожай.

Вопреки стараниям властей улучшить инвестиционный климат из страны продолжается отток капиталов. По расчетам Центрального банка, за 2012 год из России должно было быть вывезено 65 млрд долл. Согласно прежнему прогнозу, ожидалось, что страну покинет всего 40 млрд долл. В ходе сравнительно благополучной для экономики первой половины года из России чистый отток капиталов составил 43,4 млрд долл. За тот же период, как показывает исследование Конференции ООН по торговле и развитию (UNCTAD), объем прямых иностранных инвестиций сократился на 39% и составил всего 16 млрд долл. Среднемировой темп снижения достигал в тот период 8%, тогда как годом ранее — 18%.

По мнению некоторых либеральных экономистов, дело с инвестициями в России должно было улучшиться по мере того, как входили бы в силу нормы ВТО. Однако опыт Украины и наблюдения по России конца 2012 года говорили об обратной перспективе. Спад напал на экономику независимо от поведения рынков. Накануне его первых проявлений обозначились два принципиально важных фактора, работавших на отток капиталов из России. Первый из них — понимание инвесторами, что политика «непреднамеренного кейнсианства» 2012 года носила временный характер. Уменьшились политические страхи верхов — ушла и она. Вторым фактором являлось вступление России в ВТО. После этого шага стало понятно, что выгоднее будет ввозить на отечественный рынок товары, нежели создавать новые производства, которые дублировали бы уже имеющиеся в других зонах мира. Попытки улучшить инвестиционный климат, минуя два этих принципиальных момента, эффекта не имели.

Ситуация в Украине оказалась к началу 2013 года очень поучительной для России. Если Греция была лабораторией кризиса для Евросоюза, то Украина невольно играла подобную роль для своей восточной соседки. Власти страны не без гордости приводили свои показатели по инфляции. Но картина в промышленности была удручающей, а снижение цен лишь указывало на обнищание населения. Дешевизна рабочей силы и членство в ВТО не привели к притоку иностранных капиталов.

Госстат Украины по итогам 2012 года зафиксировал снижение цен в стране. За год дефляция составила 0,2% — в основном за счет сокращения спроса на продукты питания. Показательным является крайне низкий рост цен на мясо и мясопродукты — на 1,1% в декабре по сравнению с январем прошлого года. Овощи подорожали на 26,1%, сахар — на 14,4%, яйца на 5,8%. Осенью произошло ускорение спада промышленного производства. По данным Государственной службы статистики, в сентябре 2012 года сокращение составило 7%. Сокращались финансовые резервы государства. Украинское правительство старалось уверить общество и деловые круги в перспективе укрепления гривны. Однако поиски иностранной помощи не давали нужных результатов.

На фоне тяжелой ситуации в украинской экономике и замедления экономического роста в России в отечественных верхах обозначились острые противоречия. На дороговизну кредита в декабре 2012 года — январе 2013 года все чаще указывали владельцы крупных компаний. По словам Олега Дерипаски, «Центробанк выпил всю кровь из российской экономики». На Международном форуме Греф выступил с критикой неэффективных правительств, живущих в прошлом и не обращающих внимания на реальное положение в экономике. Напротив, премьер-министр России Дмитрий Медведев старался уверить публику в успехах российской экономики и повышении ее привлекательности для инвесторов. Бывший министр финансов Алексей Кудрин на Форуме защищал Медведева от критики. Он заявил, что снижение ставки ЦБ РФ недопустимо, исходя из высокого уровня инфляции в стране.

Борьба за снижение ставки рефинансирования стала борьбой за поддержание роста российской экономики. Без удешевления кредита он мог затухнуть очень быстро. Именно это стало фактом уже к началу весны 2013 года. Правительство одержало победу над своими оппонентами, куда входили как критические экономисты, так и чиновники из окружения Владимира Путина (партия «осторожных»). Переход страны от замедления экономического роста к спаду явился прямым результатом этого успеха кабинета в споре вокруг цены кредита. Снижение ставки рефинансирования Центрального банка могло сдержать развитие негативных процессов в экономике, обеспечив как минимум время для маневра — новой коррекции экономической политики. Но этого не произошло. «Посткризисный» рост остановился. Начался спад.

В результате мировой финансовой стабилизации Россия оказалась в лучшем положении, чем соседние страны. Активизация кредитования при повышении цен на нефть и другие виды сырья сыграла решающую роль во внутреннем оживлении, но его ресурсы были исчерпаны к началу 2013 года. На фоне кризиса в Европе Норвегия (при одобрении

ЕС) усилила давление на «Газпром». Компания сама осложнила свое положение, пойдя на неоправданные, с точки зрения экономической ситуации в Евросоюзе, расходы на сооружение новых трубопроводов. Некоторым консервативным экономистам начало казаться, что уравновесить положение России в глобальной экономике может усиление связей с Китаем. Замедление роста его экономики предупреждало, что к моменту окончания выстраивания коммуникаций рынок Поднебесной мог оказаться не в лучшем положении, чем Евросоюз.

Кризис в Европе оказал на ситуацию в российской экономике большое влияние. При этом власти Евросоюза капитулировали перед спадом в экономике и не предлагали к началу 2013 года никаких действенных решений. Их политика строилась на поддержке финансового равновесия, но не генерации хозяйственного роста. И когда в банковской системе Кипра сложилась острая кризисная ситуация, Евросоюз нанес удар по российскому бизнесу, заставив его платить за рефинансирование кредитных институтов острова. Начало 2013 года подтвердило, что ЕС продолжит политику «бережливости». Даже социалисты во Франции — после неудачи с 70% налогом на доходы богатых — развели руками. Они выразили готовность урезать социальные расходы и экономить вообще. Такая политика в ЕС обещает ухудшить экономическую ситуацию в 2013–2014 годах. Нового курса в настоящее время ожидать не приходится.

Экспортная зависимость российской экономики от Европы в 2012 году отчасти подготовила возвращение кризиса в Россию. Власти Евросоюза говорили в конце прошлого года об угрозе перехода кризиса с Юга на Север, тогда как это давно являлось фактом. ЕЦБ признал факт рецессии в Европе, но пытался вселить надежду на будущее. Однако без создания новой модели интеграции и методик регулирования, чему мешает консерватизм европейских политических верхов, ситуация вряд ли улучшится. При этом Таможенный союз вызывает в Евросоюзе (с его дискриминационной экономической системой) вполне обоснованное беспокойство.

ЕЦБ ожидает в 2013 году сокращение ВВП Евросоюза на 0,5%. В декабре 2012 года его прогноз составлял 0,3%, а в начале осени Банк обещал рост ВВП на 0,5%. По мнению руководства ЕЦБ, рост европейской экономики начнется в 2014 году и составит 1% ВВП. При этом европейские власти пытаются уверить общественность и деловые круги в обоснованности ожидания затяжного кризиса. Управленцы Евросоюза и ЕЦБ игнорируют пессимистические оценки экспертов, хотя по итогам IV квартала 2012 года ВВП еврозоны опустился на 0,6% по сравнению с III кварталом, когда имело место падение на 0,1%. В годовом исчислении за IV квартал с поправкой на сезонные колебания падение составило 0,9%.

В ответ на ухудшение экономической статистики власти ЕС и в первой половине 2013 года не представили никакого плана преодоления кризиса.

Кипрский финансовый кризис напрасно пытаются изобразить виновником спада в российской экономике. Руководство острова продемонстрировало верность ЕС и неготовность к уходу с его финансовой орбиты, а также коренному изменению экономической политики. Кипр остается членом еврозоны. Заморозка и вольное использование депозитов свыше 100 тысяч евро — это сигнал капиталам ориентироваться на большие экономики, а не возможность избежать налогов. Кипр лишь на время избавился от угрозы финансового краха. В условиях усиливающегося мирового кризиса оффшоры лишены перспектив, а их банки не имеют надежной опоры в экономике и государственных финансах.

Рано или поздно капиталам придется покидать оффшоры, но потери их могут оказаться большими.

«Второй волны» глобального кризиса ждали как страшного внезапного удара. Она напозла незаметно, растянув свое зарождение на 2011–2012 годы. В этой связи реакция на нее в России оказалась как минимум растерянной. И хотя с разных сторон кабинет Медведева был предупрежден, он упустил момент начала спада, не подумал о решениях по его остановке. В результате процесс может к осени развернуться: сокращение объема промышленного производства и переход компаний к более экономным схемам работы может привести к ослаблению потребителей, а если власти ко всему девальвируют рубль, то ситуация в экономике может оказаться совсем нехорошей. Но, кроме такого «черного» сценария, существует и другой, более позитивный.

Обсуждение антикризисных мер в российских верхах слишком затянулось. И план в 3 или 5% роста экономики выглядит уже невыполнимым. Но ЦБ, после смены руководителя, может начать активное кредитование бизнеса и потребителей. Однако даже при радикальном снижении ссудного процента работать будет тяжелее, чем если бы меры принимались в период роста. Вытягивать экономику из состояния спада намного сложнее, чем придавать ей дополнительный импульс в условиях пусть и слабого, но роста.

Спор между правительством и администрацией президента России по вопросу управления ЦБ и его политики не разрешен. Согласно заявлению первого вице-премьера Игоря Шувалова, кабинет Дмитрия Медведева не намерен посягать на независимость Центробанка ради краткосрочного «ускорения роста экономики». Ставка рефинансирования в начале апреля оставалась на уровне 8,25%. Кабинет забеспокоился лишь в середине весны, когда объявленная им «пауза роста» начала обретать все более деструктивный характер. Негативную роль

сыграла и новая приватизация, за скорейшее проведение которой ратовало правительство вопреки более осторожной позиции чиновников из окружения президента. В докладе по этой проблеме в декабре 2012 года наш Институт назвал приватизацию разоружением перед надвигающимся на Россию кризисом.

Правительство Медведева показало себя ультраконсервативным. Оно упустило момент, когда можно было поддержать рост и дало экономике войти в полосу сокращения. Спад в экономике грозит стать устойчивым, как это имеет место в Евросоюзе. Только от активного противодействия ему зависит воплощение другого — положительного сценария. Однако главным вопросом здесь остается поддержка или принесение в жертву российских потребителей, внутреннего рынка страны и предприятий, на него ориентированных, ради поддержания рентабельности сырьевого сектора. Под влиянием падения сырьевых цен (в начале апреля нефть марки Brent опустилась до 104 долл. за баррель) в верхах пошли разговоры о девальвации рубля. Эта мера, если она будет реализована, нанесет внутреннему рынку тяжелый удар.

Еще до «паузы роста» в либеральных кругах повышение уровня оплаты труда в России за 2000-е годы стало рассматриваться как проклятье экономики. Удара по этому «злу» вполне можно опасаться. Но ожидать, что эта мера остановит бесконтрольное развитие кризиса в национальном хозяйстве не стоит. Для того чтобы противодействовать спаду, нужны меры обратного порядка.

Поддержка внутреннего спроса не может эффективно работать на местного производителя в рамках ВТО. Развитие своих замещающих производств требует протекционизма. Увеличение государственных расходов нуждается в наращивании доходов казны, что как минимум противоречит приватизации. Вместо укрепления любой ценой экспортного сектора экономики потребуются превращение его в источник средств для стимулирования внутреннего рынка и работающих на него отраслей. Но такой сценарий имеет много сложностей. Прежде всего — политических. Его реализация требует отказа от многих неолиберальных нововведений. Однако рано или поздно страна вынуждена будет к нему перейти.

Внешние условия в 2013 году будут сравнительно слабо влиять на дела в экономике России. Исключение составляет большое биржевое падение, которое вполне может произойти. Сохранение прежних колебаний (оживление, сменяемое спадом с новым оживлением на выходе) накопленных страной проблем не решит: ухудшение экономической ситуации в России не прекратится только из-за небольших улучшений внешней конъюнктуры. Ожидать крупных улучшений на мировом рынке не стоит. И никаких чудес не случится.

Геннадий БОЧАРОВ

ЖИЗНЬ КОРОЧЕ ПРАВДЫ

— Ставила ли жизнь перед вами вопросы, на которые вы так и не смогли ответить?

— По-моему, она только это и делала.

Из интервью К. Симонова Г. Бочарову.

*Эпиграф к книге Бориса Панкина
«Окаянная эпоха»*

Признаюсь: приглашение редакции журнала «Вестник аналитики» публиковаться на его страницах, да еще под рубрикой «Актуальные проблемы», смущало меня. В самом деле: журнал однозначно нацелен на анализ серьезных политических, экономических и социальных проблем страны и мира. Его авторы — авторитетные специалисты, к чему читателям «Вестника» материалы... о человеке? Ведь я всю жизнь писал о человеке с его постоянными тревогами и редкими радостями. Его личных проблемах и переживаниях. Писал о людях и их поступках. Их зачарованности жизнью или отвращении к ней. О людях, совершающих подвиги не ради чего-то, а из-за органически присущего им чувства благородства, живущего — убежден! — в каждом нормальном человеке. И я, конечно, понимал, что тема человека была всегда и будет не менее, если не более, важна, чем все общественные сферы, вместе взятые.

Все начинается с человека и все им заканчивается.

Государство — это всего лишь инструмент, которым Человек, кстати сказать, так и не научился управлять во благо человечества.

Мы постоянно задаемся вопросами, что происходит с нами. Почему горят больницы, унося десятки жизней? Почему целые города оказываются беззащитными перед наводнением? Почему срываются с орбиты или вовсе не выходят на нее дорогостоящие космические аппараты? Вопросов — тысячи. Но озаботиться главным, что происходит с людьми, оказавшимися в бездуховной, безнравственной атмосфере всеобщей беспринципности, нам неинтересно. Или непонятно? Непонятно, как это может быть: при дневном свете, в центре города бандит в течение получаса расстреливает ни в чем не повинных людей, а другие люди в десятках соседних домов с окнами и форточками, через кото-

рые видно все как на ладони, не делают ничего, чтобы вызвать полицию или предпринять хоть какое-нибудь действие, противостоящее чудовищному преступлению.

А между тем именно подобные события и должны бы вызывать острейшие вопросы и потребность искать ответы на них. Искать открыто, оперативно, всем миром. Только так формируется сознание, мышление, позиции человека и общества. Страна испытывает острейшую потребность в человеке размышляющем, умеющем находить нужную тропу в джунглях сегодняшнего вроде бы цивилизованного мира.

Одним словом, я вновь возвращаюсь к теме человека, начатой в предыдущем номере журнала. К своим блокнотам, архивам с их «золотым остатком» — мыслями людей, всегда актуальными, удивительным образом соотносящимися с нашим временем, несмотря на политические системы, тысячелетия и поколения.

Но в начале хотел бы заметить вот что. Цивилизация насекомых, существующая на земле миллиарды лет, не способна постичь иррационализм младенческой цивилизации человека. Муравей никогда не поймет, как можно искать, например, отражение в амальгаме, опасаясь разглядеть свою сущность в зеркале. А человек боится узнать о себе всё.

Если весь путь человечества очистить от малозначительных фактов, историческая наука потеряет свою значимость. Останутся даты войн и несколько неубиваемых временем подробностей. Одна из них — первых попугаев в Германию завезли когда-то крестоносцы.

И еще. Каждый человек способен к добродетели и каждому дана возможность достичь мудрости — самое выдающееся заблуждение великого Сократа.

Не впускай мир в себя

«Не делайте пагубной ошибки. Не приравнивайте честное исполнение человеком своих служебных и профессиональных обязанностей к высокому понятию — подвиг. Это девальвирует сам подвиг. Это развращает души. Опресняет всю нашу жизнь».

Слова Константина Симонова — в моем блокноте. Время, в которое мы сегодня так суетно, так загадочно живем, не предполагает даже упоминания о таких понятиях, как подвиг, по крайней мере, искренне. Прекрасный писатель-фронтовик, с которым мы встречались почти тридцать лет назад, как в воду глядел — время развращения душ пришло. Он и тогда говорил не об отдельных пропагандистских упражнениях властей, а о явлении, тенденции, устремленной в будущее. Он точно предвидел приход наших дней — тревожных, заполненных всем чем угодно, но только не мыслями о душе человека, его нравственном здоровье.

Понадобилось совсем немного лет, чтобы миллионы человеческих душ опустели, как осеннее поле, а сознание отвергло даже лучшие образцы нравственного опыта пусть и не лучшей из эпох.

Еще совсем недавно герои моих очерков в «Комсомольской правде», в «Литературной газете» — такие, как бортпроводница Надя Курченко, убитая бандитами при попытке защитить экипаж и пассажиров угнанного в Турцию самолета, как молодой военный летчик Юрий Козловский, проявивший высочайшее мужество и волю при катастрофе самолета над забайкальской тайгой, как великий спортсмен Шаварш Карапетян, пожертвовавший своим здоровьем и карьерой при спасении 20 человеческих жизней из затонувшего в ереванском водохранилище троллейбуса, — казалось, навсегда останутся в памяти людей не только в Советском Союзе, но и во многих других странах мира, где перепечатывались материалы. Когда редакции газет накрывала гигантская волна писем и телеграмм людей, сопереживавших, восхищавшихся волей и мужеством героев. Не помним.

Не могу себе представить, чтобы то, что произошло 25 лет назад, повторилось в какой-то форме сегодня. Тогда я получил очередное письмо. Его подписали 14 (!) Героев Советского Союза. Они обращались с просьбой «вызволить» из забвения незаслуженно забытую летчицу — их коллегу — Катю Зеленку, впервые в истории мировой авиации совершившую в годы Отечественной войны воздушный таран и уничтожившую фашистский «мессер». Разумеется, 23-летняя летчица погибла. Спустя годы бывшие участники войны нашли друг друга в разных концах огромной страны и, списавшись, обратились к памяти о Кате.

Сотни людей помогали мне восстановить историю ее подвига и жизни. Десятки тысяч писем пришли на публикацию. Астероид в Галактике был назван именем Кати. Но я вспоминаю об этом сегодня только для того, чтобы еще раз повторить: обращение с просьбой оценить подвиг девушки подписали 14 Героев Советского Союза. 14 настоящих мужчин, объединившись, озаботились памятью о девушке, равной в своем мужестве лучшим из лучших.

Нисколько не сомневаюсь, что в наши дни эта история вряд ли бы затронула кого. Да и, скорее всего, не случилась бы вовсе.

Подвиг, как и предупреждал Симонов, перестал существовать как понятие. Правда, совсем недавно с самой высокой трибуны говорилось о героизме шахтеров. В связи с чем? В связи с тем, говорил оратор, что каждый шахтер, спускаясь под землю, знает о том, что в забое может произойти взрыв метана или обрушение кровли. Знает, но спускается. Значит, герой.

Я — бывший шахтер. Три года работал проходчиком на донбасской шахте 3-бис, в Чистяковском районе. Ни один член нашей бригады, в том числе и я, не терзались мыслью о взрывах и обвалах. Это и невоз-

можно — думать о смерти или увечьях из смены в смену, годами, десятилетиями. Это не героизм! Думать надо о том, чтобы ни взрывов, ни обвалов не было — хотя, конечно, они происходят, — а чтобы была надежная техника, защищающая горняка от беды.

Вековая мудрость стремительно рушится под тяжестью современного дезинформационного прессы.

Мир страдает первым: деструкция общественных и политических систем происходит повсеместно.

Вторым страдает человек: шизофрения становится нормой. Ничто в наше время так ловко и уже даже искренне не подменяется одно другим, как ложь и правда. Лгут с высоких трибун. Лгут на заседаниях правительства, Государственной Думы. Лгут в семьях. Лгут в армии. Лгут и не краснеют.

Избирательные кампании проводятся, как правило, в школах. Тысячи школьных преподавателей принимают в них самое непосредственное участие. Массовые фальсификации, махинации с бюллетенями, избирательными списками, происходят на их глазах, а часто совершаются ими самими. Все об этом знают. Но утром те, чьими руками это делалось, и те, кто это видел, появляются перед своими учениками (тоже знающими лишь не на много меньше) и продолжают говорить о светлой и честной жизни. Интересно, задумываются ли официальные, властные лица над последствиями всего этого? А если задумываются, то почему допускают?

Краснеть разучились не только люди. Государство тоже. Разваливается не государство, разваливаются люди. Вот какая невеселая эквилибристика напрашивается.

Кончается время активных, ответственных, целеустремленных людей? Наступает время выносливых, ловких канатоходцев? Увы, ни цирковые, ни природные пропасти не нужны. Каждый прожитый день — это и есть пропасть.

Недавно состоялся двухдневный X съезд журналистов России. Я был его делегатом. Съезд проходил в Колонном зале Дома Союзов. Журналистов приветствовали первые, включая президента, лица страны. В остром, горячем разговоре делегатов о судьбах страны, о бедах и проблемах, о коррупции и преступности, о бездуховности и уродствах жизни принял участие и вице-спикер Думы Анатолий Железняк. Несколько раз «бурными, продолжительными аплодисментами» журналистское сообщество страны пыталось сместить его с трибуны, возмущенное пустословием, передергиванием фактов, провозглашением азбучных, прописных истин, но человек, возглавляющий штурм на СМИ, продолжал удерживаться на трибуне, совершенно не отдавая себе отчета в том, что о нем думают люди и как он собирается завтра с ними работать.

В Думе его встретили как героя...

Станет плохо, когда в мире останутся одни хорошие слова и не останется хороших дел. Хорошие слова быстро сотрутся и окажутся на рыночных прилавках по цене кормовых бананов. Но и это еще не станет их последней ценой. Последней станут пустые души.

Я хорошо знаю цену физической силе. Знаю, в каких изнурительных тренировках она обретается. Но сегодня это происходит чуть ли не исключительно за счет опасного забвения духа. Эта голая физическая сила долго на свободе не бывает — она быстро становится игрушкой в руках другой голой физической силы. Банды накаченных бездуховных недочеловеков все плотнее заполняют пространство страны. Свирепые драки в общественных местах, на улицах, в семьях, на стадионах становятся нормой. Предвидение несравненной русской актрисы Татьяны Ивановны Пельтцер, с которой мне довелось выступать как-то на Центральном телевидении СССР, оказалось пророческим.

В машине, в которой мы ехали вместе («Волгу» вел Андрей Мионов), она сказала мне слова, которые хранятся сегодня в одном из моих архивных блокнотов: «Вот и наступят скоро времена, когда воздействие примеров благородства и рассудительности твоих героев на человеческое сознание достигнет своего низшего уровня».

Достигло! Достигло, дорогая Татьяна Ивановна!

В Чикаго я встретился с человеком, прожившим на свете 100 лет и не утратившим энергии и веры в человека. Его имя почти столь же знаменито, как и имя Чарльза Линдберга, первого авиатора, совершившего беспосадочный перелет через Атлантический океан в 1927 году. Джерри Лидерер был другом Линдберга и столь же легендарным летчиком. Впоследствии я сформулировал его судьбу в своем блокноте в одной фразе: если ты хочешь, чтобы было по-твоему, надо противостоять всему миру.

Сегодняшнему — тем более.

Жизнь всегда короче правды

«Накануне наступления я позвонил Сталину с целью доложить о готовности начать боевые действия. Но его помощник сказал, что товарищ Сталин смотрит кинофильм и попросил перезвонить».

Слова легендарного маршала Отечественной войны Александра Михайловича Василевского — в моем блокноте. Я записывал этот разговор во время нашей встречи на подмосковной даче маршала за несколько месяцев до его смерти.

Слушая слова Василевского, я думал: фильм идет в среднем час-полтора. На всех фронтах гремели ежеминутные смертельные бои. Прикидывал: сколько солдат могло погибнуть за это время, пока Верхов-

ный Главнокомандующий смотрел кинофильм. Значит, и у «отца народов» бывали моменты, когда фильм был для него важнее судеб тысячи солдат.

Думаю, что у Василевского в подсознании могло промелькнуть нечто подобное. Но сказать об этом он, конечно, не мог.

Процесс расчеловечивания человека начался у нас не сегодня и не вчера. Жизнь всегда оказывалась короче правды. Правда о сталинских репрессиях, о числе жертв в годы Отечественной войны пережила самих жертв на долгие годы. Десять лет я летал в воюющий Афганистан. Когда страна узнала правду о 17 тысячах погибших и чуть ли не миллионе искалеченных или спятивших с ума солдат? Опять же вопрос: что происходит с людьми? Что происходит с человеком? И кому это нужно? Государству? Народу? Отдельным уродам? Кто в этом заинтересован?

Вывод напрашивается один: в нашей стране, само ли собой или рукотворно, сложились условия для прорастания самого опасного социально-политического сорняка. И ничто реально этому не противостоит. Как не противостояло и вчера. Преподобной жизни уже нет, она умерла, а правда о ней живет. И рождается новая. Сегодня она глушится полицейскими дубинками, запретительными законами, беззастенчивой ложью приватизированного государством телевидения, а завтра оживут уже все гаечные ключи — гайки пора закручивать. И знаменитый лозунг «Ничего важнее в нашей жизни, кроме человека, нет» станет уже не насмешкой над человеком, а издевательством.

Что ж, духовная жизнь никогда не начинается с первой радости. Ее начало — первые утраты. И объяснять это жестокостью памяти несправедливо. Жестоки утраты и испытания, а не память о них. Ведь есть люди, в судьбе которых тяжелые испытания следует одно за другим, словно жизнь на примере отдельного человека стремится показать всем остальным, как много человечество может вынести.

По-видимому для каждого из нас наступает момент, когда привычное небо становится небесами, стремительное время — временами, а суетная жизнь — земной юдолью.

Жизнь короче правды? Да. Не эта ли реальность позволяет государствам переписывать, переименовывать и грубо исказить то, что является реальной правдой, преступной ложью и великим деянием?

P.S. В мире не было и не будет политической системы, которая не позаботилась бы о собственной невинности перед своим народом.

ТЕМА НОМЕРА

ЭЛЕКТРОННАЯ ДИПЛОМАТИЯ: ДАНЬ КОНЪЮНКТУРЕ ИЛИ ПЕРСПЕКТИВНЫЙ ИНСТРУМЕНТ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ?

*В обсуждении приняли участие: координатор программы ПИР-Центра «Международная информационная безопасность и глобальное управление Интернетом» **О.В. Демидов**, преподаватель кафедры мировых политических процессов МГИМО (У) МИД России **Е.С. Зиновьева**, директор Дирекции по проблемам международного развития Института современного развития (ранее — начальник департамента Администрации Президента РФ) **С.А. Кулик**, советник группы компаний «РКСС-ГОЛЛАРД» **М.А. Макаров**, вице-президент Лиги оборонных предприятий (ранее — зам. секретаря Совета Безопасности РФ) **В.А. Рубанов**, президент Национального института исследований глобальной безопасности, член Президиума Российской академии естественных наук, Чрезвычайный и Полномочный Посланник РФ в отставке **А.И. Смирнов**.*

*Модератор — зав. сектором ИМЭМО РАН, профессор МГИМО (У) МИД России (ранее — начальник Организационно-аналитического управления Российской академии наук) **С.К. Ознобищев**.*

Вопросы для обсуждения:

1. Необходим ли комплексный подход на официальном уровне к кибербезопасности (концепция кибербезопасности), а также (или) включение общих норм в этой сфере в документы по национальной безопасности РФ?

2. Роль и место электронной дипломатии и новых технологий для внешнеполитической работы, приоритетность задач «электронной» дипломатии как инструмента внешней политики России, проблема эффективного распределения имеющихся возможностей.

3. Цели и специфика использования «электронной дипломатии» в отечественной практике, проблема внедрения новых информационных технологий с учетом требований безопасности (сильные и слабые стороны сетевого потенциала государства, формирование концепции развития «сетевой мощи»).

4. Проблемы формирования связки «государство — Интернет — бизнес». Каким образом заинтересовать бизнес в сотрудничестве с государством в этом аспекте внешнеполитического процесса?

5. Что нужно сделать для выработки универсального кодекса ООН «О поведении в информационном пространстве», который определил бы положения о свободном, непрерывном и недискриминационном доступе к ИКТ, включая Интернет и сетевые ресурсы, отразил бы потребность соблюдения основных прав и свобод человек в Интернет-пространстве, предусмотрел бы положения о недопустимости использования ИКТ с целью вмешательства во внутренние дела государств в ущерб государственному суверенитету и национальной безопасности?

Дискуссия велась по правилам «Чэтэм-хаус», когда высказанные мнения приводятся анонимно. Ниже дается обзор основных положений и аргументов, представленных в ходе обсуждения.

Обсуждение феномена электронной дипломатии в российском экспертном сообществе проходит достаточно вяло, в то время как на Западе экспертные дискуссии как по проблемам электронной дипломатии, так и кибербезопасности идут достаточно интенсивно.

Несмотря на расхождения в определениях, в самом общем смысле электронная дипломатия может быть определена как деятельность по реализации национальных интересов государства на международной арене с использованием сетевых моделей коммуникации, реализуемых посредством информационно-коммуникационных технологий. Такое определение позволяет выделить одну из принципиально важных черт рассматриваемого явления: в цифровую эпоху размывается монополия на решение дипломатических задач со стороны собственно дипломатов. К примеру, невозможно решать задачи поддержания и укрепления позитивного имиджа страны в условиях политико-дипломатических кризисов и вооруженных конфликтов.

Не так давно В. Путин говорил о необходимости развития новых технологий. В целях развития этого направления в МИДе, например, создали должность специального представителя. Представляется, что эта структура может и должна быть усилена.

Новые технологии касаются не столько традиционных методов «мягкой силы», сколько использования online-режимов и других средств, в том числе и для проведения политики «мягкой силы».

Есть два объекта использования новых технологий. Первый — внутри-системное принятие решений. Оптимизация процесса принятия решений, выборка мусора — задача профессионалов, которые работают внутри системы. И главное — это использование критерия «затраты

эффективности» с учетом ограниченности ресурсов. Второй — внесистемный — обращение к гражданам, другим странам, или «мягкая сила» с обратной связью. Для определения вызовов, исходящих от западной политики, нужно оптимизировать механизм общего позиционирования, связанный с репутацией страны.

Основы для такого механизма есть, но он не работает в полную силу. Сейчас многое перекладывается на Россотрудничество. В России необходимо создание координирующего центра национального уровня, который, несомненно, привлечет внимание бизнеса.

По «мягкой силе» мы ссылаемся чаще всего на Дж. Ная и его определение «мягкой силы» как убеждения и восприятия. Но есть и третья задача — составление и оформление повесток. Здесь каналов традиционной дипломатии уже не хватает и электронная открывает в этом смысле новые возможности для формирования повесток через нужных людей, принимающих решения.

Как показывает мировой опыт последних лет, все более массовым и эффективным ресурсом решения этих задач становятся действующие автономно от государства сообщества блогеров и социальных медиа. Первым примером выполнения социальными медиа роли «оборонительного средства» в условиях международного информационного противоборства можно назвать поведение израильской блогосферы во время второй ливанской войны. В 2006 году именно небольшая, но чрезвычайно активная израильская блогосфера в основном отражала шквал международной критики, который обрушился на руководство страны не только из арабского мира, но и из многих западных стран и со стороны ООН — особенно после печально известного эпизода бомбардировки г. Каны израильскими ВВС в ночь на 30 июля 2006 года, унесший жизни 28 мирных жителей.

Для России не менее ярким примером активности онлайн-сообществ в условиях агрессивной информационной кампании стали грузинские события августа 2008 года. Во время повального осуждения действий РФ на международном уровне блогосфера стала одной из немногих площадок, на которых активно отстаивалась альтернативная версия событий, не столь негативная для имиджа РФ. По сути, именно блогосфера не позволила российской стороне «всухую» проиграть информационную битву. Российским блогерам и сочувствующим активистам из-за рубежа удалось предпринять ряд действий, которые хотя и не переломили общую картину конфликта в Сети и глобальных СМИ, однако внесли в нее ряд коррективов.

Проблема наших информационных кампаний могла быть снята одним мероприятием — созданием поминутного описания событий 8 августа 2008 года. Причем это должно было быть сделано уже 9 августа 2008 года. И это послужило бы укреплению наших позиций.

У нас есть доктрина информационной безопасности 2000 года — она не работает, она давно умерла, но нового документа не принято.

Дипломатия — это не только противоборство, но и сотрудничество. В США есть специальное агентство, которое занимается этими вопросами. У нас же сегодня из-за политических соображений разрушена такая структура, как ФАПСИ. Современные специальные программно-технические средства — это ресурс, равный по мощности ядерному оружию. У нас этот ресурс находится на службе охраны президента и не является стратегическим оружием.

Инфраструктура в Госдепе США, насчитывающая 150 человек, имеет очень разносторонние возможности и применяет современные методы, использующие, в том числе, и цифровую дипломатию. В МИД РФ есть научно-исследовательский центр информатики, насчитывающий 120 человек, есть Департамент информационного обеспечения — 35 человек, Департамент информации и печати, где три отдела занимаются цифровой дипломатией, — это порядка 25 человек, есть, наконец, Департамент новых вызовов и угроз, в котором работают 7 человек.

21 марта 2013 года войдет в анналы истории, как поворотный путь американской политики. Кристофер Пэйнтер сделал 8-страничный доклад в Конгрессе. Некоторые его ключевые моменты потребуют серьезного изменения наших тактических шагов и долгосрочной политики.

Ключом к пониманию того, что такое цифровая дипломатия, является высказывание канадского социолога Г. Маклея, заметившего, что «смена исторических эпох определяется сменой коммуникационных технологий».

В нашем понимании цифровой, электронной дипломатии мы постоянно путаем Web 1.0 — как «один ко всем» и Web 2.0 — как «многие ко многим». На очереди Web 3.0 — семантический Интернет.

Доклад Пэйнтера означает, что американцы делают мощный разворот в направлении использования электронных средств. Следует обратить внимание на конференции в Лондоне, а затем и в Будапеште, где Х. Клинтон частично признала необходимость правил поведения по обеспечению информационной безопасности. А в Сеуле в октябре 2013 года пройдет следующая конференция, которая должна стать еще одной вехой на этом направлении.

Доклад Госдепа в Конгрессе — это попытка исполнительной власти заручиться поддержкой конгрессменов в корректировке курса. Изменение это в том, чтобы принять предложенные Россией правила, которые мы внесли в сентябре 2011 года вместе с Китаем, Узбекистаном и другими странами. На первых порах это предложение встретило отпор американской стороны и англичан, потому что эти правила предполагают усиление цензуры над Интернетом.

Однако в Конгрессе уже говорят о необходимости поддержать Будапештскую конвенцию по киберпреступности. Ту, которую мы не признаем и которая предполагает проведение следственно-оперативных розыскных мероприятий на территории участников без информирования об этом страны пребывания. В Будапештской конвенции также отсутствует понятие «кибертерроризм».

В силу этого тема продвижения российской Конвенции по киберпреступности, которая сейчас проходит стадию согласования в наших ведомствах, особенно актуальна. Наконец, архиважно не мягкий вариант предложенных в сентябре 2011 года правил, а концепция Конвенции по обеспечению информационной безопасности, которая выставлена на сайте МИДа.

Французы, как родоначальники традиционной дипломатии, создали ресурс AFP et Diplomacy для использования возможностей электронной дипломатии. Они постоянно расширяют его функционал. Там содержится не только рейтинг стран, в котором, кстати, Россия поднялась с 13-го на 14-е место. Там можно выбрать hot spot, но есть и другие серьезные возможности, которые активно используют сотрудники МИДа РФ.

Что касается аналитических систем, то в России уже создан ситуационно-кризисный центр МИДа, использующий ситуационный мониторинг, проблемный мониторинг электронными методами, контент-анализ. Как только контент-анализ выявляет некие предкризисные ситуации, он попадает в программную оболочку, которая занимается кризисным реагированием. Этот же Центр, при необходимости, будет отслеживать и наших граждан с помощью сервисов второго поколения, сервисов, которые доступны на смартфонах и даже на не очень продвинутых телефонах. Т. е. речь идет о системе роуминга, позволяющей в случае, когда ситуация выходит за рамки штатной, оповещать население. Это еще один новый компонент электронной дипломатии — использование новых возможностей в кризисных ситуациях.

Представляется, что необходимо подвигнуть международное сообщество на создание нового документа по информационной безопасности. С момента принятия Стратегии информационной безопасности прошло 13 лет — целая историческая эпоха, возникли новые коммуникационные технологии.

Что можно было бы сделать в этом направлении? Мы могли бы предложить к Сеульской конференции некий проект новой хартии глобального информационного общества.

В Концепции внешней политики РФ есть пункт о «мягкой силе», где говорится, что «мягкая сила» — это новый, нетрадиционный набор инструментариев, опирающийся на информационно-коммуникационные технологии и т. д. Однако необходим внутренний комплексный документ на этот счет.

Электронная дипломатия — это во многом донесение определенных установок через Интернет. Это не переговоры, где работают дипломат с дипломатом, а просто информационная деятельность. Если дипломат с дипломатом могут согласовывать переговорные позиции, то с помощью электронной дипломатии мы можем донести свои идеи до мирового сообщества.

И здесь возникает вопрос о ценностях. С чем мы идем? Что мы пытаемся донести? Если речь идет о проецировании на Интернет-экран Russia Today, то это не то, что нам нужно. Ибо Russia Today — это чисто советский подход к выдаче информации за рубеж. Мы сами не можем понять, к каким ценностям мы обращаемся, по какому пути идет Россия, какие ценности несет. У нас до сих пор отсутствует представление о собственной идентичности. Можно сколько угодно критиковать США, но у них есть некое continuity в развитии ценностей, а у нас возникает вакуум.

Раньше в СССР был Международный отдел ЦК, который являлся весьма эффективным координирующим органом. Сейчас он исчез, координировать стало некому. Зачем блогерам или НКО активно включаться в электронную дипломатию, если завтра у государства возникнут к ним претензии по поводу их участия в политической деятельности и придут какие-нибудь «пожарники» и все закроют.

Следует отметить неразрывную связь проблематики «мягкой силы» онлайн с обеспечением национальной и международной безопасности в информационном пространстве. При всей неоднозначности данных вопросов следует все же иметь в виду, что спектр задач и функций дипломатии в Интернете не должен сводиться исключительно к информационному противоборству. В этом случае речь будет идти о zero-win или lose-lose approach, тогда как технологии сетевой коммуникации открывают перед Россией и другими государствами колоссальные перспективы укрепления их положения в мире, улучшения внешнеполитического имиджа, разъяснения, популяризации и формирования глобальной базы поддержки внешнеполитических стратегий — совсем не обязательно в ущерб другим центрам влияния и «мягкой силы».

Для иллюстрации этого тезиса можно рассмотреть электронную дипломатию как ресурс укрепления «мягкой силы» БРИКС, как формата, чье развитие в данный момент отвечает российским национальным интересам. Во-первых, электронные коммуникации позволяют выстроить положительный образ руководителей стран — участников БРИКС — лидеров, ведущих мир в многополярное будущее и при этом не претендующих на глобальную гегемонию. Важным элементом этого конструкта являются эффективные личные имиджевые стратегии руководителей стран, которые в совокупности могут дать мультиплицирующий эффект и проецироваться на обобщенный имидж БРИКС.

Еще одно звено «мягкой силы» БРИКС — использование Интернета для развития туристического рынка стран группы и укрепления их имиджа туристических и культурных центров — желательно в рамках единой скоординированной стратегии с участием национальных министерств иностранных дел, министерств культуры, ведущих национальных музеев, муниципалитетов, гостиничного бизнеса, а также туроператоров.

Суть цифровой дипломатии в том, что она доносит информацию, актуальную в контексте решения государственных задач, устами многих до многих — при помощи современных технологий сетевой коммуникации. И совокупный эффект такой коммуникации подчас делает то, на что уже не хватает ресурсов официальной и кулуарной дипломатии, — например, превращает тот же БРИКС из причудливой и наполовину искусственной конструкции менеджеров в органичный и взаимодополняющий союз лидеров нового многополярного мира, реализующий себя при помощи привлекательности, а не жесткой силы.

Электронная дипломатия — это использование информационных технологий в целях достижения, реализации внешнеполитических интересов страны. В основном, это публичная дипломатия. Интерактивная дипломатия — это интерактивное взаимодействие с общественным мнением на международной арене. Здесь важна интерактивность. Она позволяет более эффективно доносить позицию страны по различным вопросам. Что касается идейных оснований... Конечно, преимущество США, что у них есть идейные основания, которые заложены и в Интернет, и в бизнес-модель крупных интернет-компаний, таких, как Google. В то же время конкретные дипломатические задачи и цели прагматичны. Например, могут использоваться НКО, чтобы с помощью цифровой дипломатии более эффективно включать российскую науку, образование в мировую научную, инновационную сферу. На этом направлении уже были сделаны первые шаги — использование элементов online-взаимодействия, ИКТ для реализации задач и целей внешней политики РФ.

Обсуждение выходит за рамки термина дипломатия. По сути, здесь обсуждается вопрос внешнеполитического влияния страны с помощью интерактивного взаимодействия.

Важный аспект — вопросы сотрудничества по информационной безопасности и кибербезопасности. Если есть угроза кибертерроризма, главное в борьбе с кибертерроризмом — это инфраструктура. На чем построены все системы управления? Они построены на программном обеспечении, которое, в основном, американское. Его тестируют, существуют специальные компании, которые занимаются вопросами имитации атак и т. д. И мы, например, в рамках изучения Microsoft

обнаружили «дырку». Скажите, мы Microsoft об этом скажем? Или мы эту «дырку» будем использовать?

Это к тому, реально ли ставить вопрос о сотрудничестве. Американцы это знают, но в рамках Европейской концепции они договорились между собой. Потому что далеко не каждая страна обладает сетевыми возможностями, позволяющими защититься от чужих атак. Поэтому наши специалисты по безопасности не будут рекомендовать такое сотрудничество в таких форматах.

Современные средства защиты исключают возможность негосударственного вмешательства. Кибертерроризм возможен только с использованием государственной мощи.

Теперь о влиянии и поведении в киберпространстве. Если взять внешнеполитическое позиционирование, то здесь следует отметить Google и Facebook, которые являются инструментами, дающими США полное представление о мире. У них нет проблем, чтобы узнать, куда заходит человек, чем он интересуется, а научно-технической разведке не составляет труда выяснить, какие идут запросы. У них такие мощности, что они могут это делать. Эта проблема, на которую следует обратить внимание.

Что касается того, используют ли это спецслужбы, — безусловно. Если взять экономику, то среди специалистов известно, на чем зарабатывает Google. У них есть досье на любого политика.

Теперь о вопросах, связанных с новыми технологиями. Конечно, на первое место выходят профессиональные сервисные сети. Здесь не мы первые начали этим заниматься, хотя никто нам не мешал, но так получилось, что серверы Facebook находятся не у нас. Наиболее популярные социальные сети находятся за нашими пределами, что доставляет нам много неудобств. Безусловно, Facebook — это инструмент. Кто как этим инструментом пользуется — они против нас, мы — против них?

Поэтому на первое место здесь выходят не средства, а контент, идеи, люди, авторитеты.

По поводу бизнеса. Сегодня существует глобальное институционально-техническое пространство, где, например, по поводу любой конструкции в Сети может быть получена информация о том, где любая деталь произведена, где взять запчасти и т. д. Если это массовое производство, то оно систематизируется. Россия в эту систему, в это пространство не входит, поэтому уже в ближайшее время нас ждет горькое разочарование. В западных странах невозможно входить в тендер на поставку высокотехнологической продукции, если не работаешь в этой системе. У нас же нет даже внутренних каталогов. Поэтому нашу продукцию покупают Индия, Китай для определенных целей. Другие страны и покупать не будут.

Ряд стран объявили некие стандарты открытых взаимоотношений между обществом и государством, и мы в это партнерство вошли. Здесь проблема по поводу реальной открытости в отношениях между обществом и властью. Поэтому принять партнерство легко, но трудно выполнить его условия. Если мы будем условия партнерства выполнять на уровне других стран, у нас улучшится имидж. Что же касается нашей внутренней секретности, то эти вопросы не решаются, а если они не решаются, то никакие ИКТ не смогут ничего сделать.

О блогах и других сообществах. Мы слишком уповаем на социальные сети и забываем, что сервисные сети — это технологии, связанные с переносом в интернет-пространство социальной инженерии. Если, например, при заходе в Facebook есть возможность оскорбительного тона общения, то какой приличный эксперт туда пойдет? Значит, там не может быть нормального экспертного сообщества, скорее, это «клуб городских сумасшедших».

На самом деле здесь должны быть отработаны определенные модели поведения. Если специалист заходит с целью обсудить какой-то закон, то должно быть ясно, что этот закон обсуждается реально. Такие сервисы должны быть сделаны. И необязательно использовать для этого Facebook. Поэтому переход к Web 2.0 требует мощного социального инжиниринга. Но мир в этом плане особо не продвинулся. И у нас есть шанс сделать это, навязать свои стандарты реального взаимодействия между правительством и экспертным сообществом.

По поводу Web 3.0. Это неподъемная задача. Не будет никакого Web 3.0. Есть некоторые договоренности между компаниями, которые создали консорциум. Это тоже российский потенциальный ресурс, потому что эти технологии в мире не развиты. Их объявили и на этом застряли. Застряли на работе смыслового плана. В таких технологиях мир, безусловно, нуждается. Web 3.0 — это работа со смыслами. И наибольшее противоборство будет между смыслами. В рамках нынешних информационных технологий проблема состоит именно в избытке информации, а не в ее отсутствии.

Вопрос не в изобретении какого-то нового термина — публичная дипломатия, инновационная дипломатия. Вопрос заключается в том, что есть работа внутри системы, есть вне ее, есть ниши. У нас внимание экспертов, в основном, обращено на работу вне системы. Следует рассматривать не только вопрос о публичной дипломатии, но и об эффективности принятия решений. Самое главное сейчас для экспертного сообщества — выдвинуть эту тему на первый план. Потому что при современных проблемах отношений с бизнесом в вопросах электронной дипломатии мы рано или поздно исчерпаем свой ресурс. К тому же эта работа в России пока что не имеет мощной экспертной поддержки,

на другой же стороне работают страны с соответствующим экспертным аппаратом.

Нужно развивать и другие направления электронной дипломатии под эгидой более мощного центра в МИДе. Почему в МИДе? Потому что МИД является головной структурой во внешней политике, в том числе и во внешнеинформационной политике.

О проблемах. Если мы будем говорить об эффективности сетевой дипломатии, мы должны говорить о привлечении экспертов, не только непосредственно взаимодействующих с МИДом, с другими государственными структурами, но и о подключении экспертов внутри системы, как это делают американцы и другие страны. С точки зрения корпоративности МИД — одна из самых сильных корпоративных структур.

Нам необходимо усилить ротацию экспертного сообщества, как это делается в ведущих странах. Что и происходит с электронной дипломатией в США. Там намного более серьезную эффективность обеспечивают представители бизнеса, которые курируют эти вопросы, а также приглашенные эксперты, которые работали в различных компаниях, исследовательских центрах и периодически приходили на работу в Госдеп.

Для реализации задач сетевой дипломатии такая ротация нужна. Имеются в виду не какие-то региональные департаменты, а профильные департаменты, которые занимались бы этим вопросом. Человек поработал, потом ушел, например, в МГИМО. Отсутствие этой ротации — одна из серьезных проблем. Абсолютно необходимо и своевременное решение проблем секретности.

Важная проблема иного плана — необходимость сотрудничества с НАТО по кибербезопасности, однако такого желания у сторон до сих пор нет, хотя постановка проблемы и ее наднациональный характер — налицо.

Помимо интернет-сообщества одним из ключевых ресурсов и субъектов российской цифровой/электронной дипломатии должен стать транснациональный бизнес «с российским лицом». Принято считать, что наше присутствие на мировых рынках ограничено сегментами углеводородов и оружия, но как раз в сфере ИКТ существуют примеры, которые вполне могут быть использованы для укрепления российской «мягкой силы онлайн».

Например, как минимум с 2011 года сложные вирусы на Ближнем Востоке изучаются, обнаруживаются и блокируются частными компаниями при поддержке государств в рамках официального партнерства МСЭ с Международным многосторонним партнерством против киберугроз (ИМПАКТ-МСЭ). Только с начала 2012 года сотрудничество МСЭ и ИМПАКТ позволило выявить несколько серьезных киберугроз — вирусы Duqu, Flame, Ma(h)di и Gauss, а также не применявшихся на

практике «родственников» Flame. При этом в число ключевых участников ИМПАКТ, наряду с Symantec Corporation, F-Secure, Trend Micro, Microsoft, входит и российская Лаборатория Касперского, фактически ставшая мировым лидером в части обнаружения изоэтранных ближневосточных вирусов и противодействия им.

Однако потенциал этого механизма пока не раскрыт на 100% — на Россию до сих пор не распространяются услуги ИМПАКТ по обеспечению кибербезопасности, в отличие от 144 других государств. Между тем, имея в резидентах Лабораторию Касперского — выдающийся международный центр компетенций с уникальной историей успеха, — Россия могла бы сделать сотрудничество с ней стратегическим имиджевым активом в Ближневосточном регионе, где репутация и «мягкая сила» Москвы за последнее время понесли ряд чувствительных ударов.

Кроме того, потенциал частного сектора может быть задействован применительно к проблематике электронной дипломатии и в ином ключе — для стратегирования и определения приоритетов дипломатической деятельности в Сети. Несмотря на укрепляющееся осознание важности цифровой дипломатии, в России до сих пор не сформирована ни базовая система ценностей и приоритетов, которые мы пытаемся продвигать на международной арене за счет этого механизма, ни иерархия задач, решаемых с его помощью. Внести существенный вклад в продвижение по этим вопросам может опять же привлечение к выработке конкретной повестки онлайн-дипломатии в РФ частных структур — например, лидеров рынка стратегического и политического консалтинга (BCG, McKinsey, Accenture, Минченко Консалтинг и др.). Ключевым препятствием здесь выступает неготовность делегировать частным структурам задачу стратегирования одного из ключевых направлений официальной дипломатической деятельности. С другой стороны, есть ряд других, более частных вопросов — например, до какой степени частным структурам может быть позволено участвовать в формировании общих концептуальных основ и базовых целей курса РФ в области электронной дипломатии.

Вопросы криптографии и крипт-аналитики — это наш конек. Были две страны — Россия и США, которые этим занимались. Мы входим в Клуб. Касперский за счет чего выиграл? За счет того, что в те времена в РФ был запрещен ввоз иностранной шифровальной техники. У Касперского во многом были искусственные условия для роста. Потому что закрывали крипт-аналитику западной техники и ставили либо Касперского, либо Галицкого. Это фактически пример государственной поддержки, а не новых разработок.

Компания Касперского занимает на рынке 4%. Рынок коммерческого шифрования у нас убит государственными службами. Сегодня

рынок информационной безопасности — это 20% от стоимости инвестиционных систем.

В конце 1990-х — начале 2000-х годов азиатские рынки не хотели иметь американскую монополию на информационные системы безопасности. Но мы этот рынок потеряли. Поэтому неверно заявлять, что на фоне чего-то Касперский вырос — не мешает посмотреть, сколько мы потеряли на азиатском рынке! Мы могли бы 20% иметь на этом рынке, особенно на рынке Юго-Восточной Азии. И Федеральная служба охраны никогда не даст иностранным компаниям конкурировать на российском рынке. Коммерческое шифрование — это совсем другое, чем государственные шифры! Люди из ФСО не хотят делать разницы между ними.

Если говорить об отношениях государства и бизнеса в рамках электронной дипломатии, то здесь одним Касперским не обойдешься. У нас есть определенный потенциал в использовании бизнеса в сфере ИКТ. Но наш бизнес без государственного заказа в эти схемы входить не будет. Поэтому мы критикуем не бизнес, а бюрократию, которая этими вопросами сейчас не занимается. Возьмите последний ведомственный указ по поводу защиты информации 31С, он направлен на защиту внутри системы, а по электронной дипломатии ничего не принято, все тянут. Например, взять тот же Таможенный союз: 70% казахов к нему относятся отрицательно. Значит, нужна соответствующая серьезная работа. Поэтому не надо скидывать всю вину на МИД. Речь идет о серьезной политической игре и общем механизме.

Все нужно отдать бизнесу на саморазвитие. Нужно дать понять людям, принимающим решения, что государство должно быть остро заинтересовано в тех вещах, о которых мы здесь с вами говорим, и создать бизнесу нормальные институциональные условия, более того — сформировать для него пакет заказов в этой нише.

Следует прокомментировать тезис о недостатке сотрудничества России с НАТО. Это частично имиджевая проблема — она возникла не из воздуха, а в 2008 году после двух эпизодов, когда имели место невыясненные по своему источнику массированные компьютерные атаки на Эстонию, государство — член НАТО, и Грузию, которая стремилась получить членство в этой организации. На Западе придерживаются мнения, что это были российские атаки, причем политически мотивированные. Твердых доказательств нет и по техническим нюансам их быть не может, но есть некая общая убежденность Запада. Если мы не хотим раскрывать друг другу такие вещи, как обмен данными о критически важной информационной инфраструктуре, все равно есть ряд вещей, таких, как создание совместных центров мониторинга аномальной активности 24/7, для этого не нужно раскрывать какую-то критическую информацию.

Натовцы испытывают к нам острый недостаток доверия из-за того, что нам приписываются агрессивные и недружественные действия. Это тоже работа, в которой потенциал сетевой дипломатии должен использоваться для того, чтобы переломить ситуацию. Это во-первых.

Во-вторых, НАТО резко увеличила свою роль как потенциального автора правил в этой большой геополитической игре по выработке подходов к мировому регулированию киберпространства. В начале апреля этого года вышел труд, который готовился несколько лет, — это книга Таллиннского центра киберобороны «The Tallinn Manual», где впервые предлагается систематизированный фундаментальный подход по адаптации существующих норм международного гуманитарного права к киберконфликтам. Это та платформа, с которой будут с нами говорить США в ближайшее время, в том числе на Сеульской конференции по киберпространству. То есть речь идет не о выработке отдельных специальных норм и не о принятии каких-то специфических норм, аналогов которым не существует в международном праве, а об адаптации. Зачем это нужно? Потому что это позволяет ограничиться сугубо техническими вопросами и вопросами конфликтов и уйти от обсуждения вещей, которые играют главенствующую роль в правилах поведения, которые мы предложили в 2011 году в концепции Конвенции об обеспечении международной информационной безопасности.

Это вещи, связанные с использованием контента, социального значения информации как военно-политического инструмента. Подход, основанный на адаптации международных норм гуманитарного права, сводится, в основном, к обеспечению ненападения на объекты критической инфраструктуры и другим вещам, которые этому контенту места не оставляют. Поэтому весьма спорно, что на Сеульской конференции наши позиции с Западом, США сблизятся. Они пошли на обсуждение самой постановки вопроса о том, что правила нужны. Хиллари Клинтон это сделала, все подхватили. Но они по-прежнему закладывают в это несколько другое содержание. Скорее всего, нам еще придется проделать большую работу, чтобы прийти с ними к общему знаменателю.

Никто не ожидает, что на Сеульской конференции будут приняты исторические решения. Президент РФ на своей «большой конференции» в конце 2012 года сказал, что действия США в Ираке и расширение НАТО — вот что рождает и поддерживает недоверие. Может, стоит заняться важными, насущными, организационно-техническими вещами, которые объединяют наши интересы вне политики и недоверия.

Когда инициатива по поводу гуманитарного права выдвигалась ранее, она не была поддержана, потому что она легитимизирует саму возможность информационного противоборства. А это является неприемлемым

с позиций нашего подхода, и мы хотели бы исключить саму по себе эту возможность. То есть, с одной стороны, мы сближаемся, признается наличие военно-политической составляющей (до этого были только террористические и преступные угрозы), но по мере решения этой проблемы выясняется, что подходы диаметрально противоположные.

Все равно эту тему, даже при отсутствии широкого диалога, нужно потихоньку обсуждать, в том числе и с натовцами. Рано или поздно ситуация может измениться, а с НАТО она вообще меняется постоянно.

Теперь насчет истории. В 2009 году в Словакии на встрече министров иностранных дел стран НАТО ставился вопрос по кибербезопасности. Выступил эстонский полковник касательно инцидента с кибератаками 2008 года и сказал, что источника нападения они не знают и не считают, что российская сторона имеет к этому отношение. Тогда же выступил канадский генерал, занимающийся проблемами кибербезопасности, который подтвердил, что, с точки зрения инфраструктуры НАТО, претензий к России нет. Они понимали уже тогда, что это не приказ из Москвы, а какие-то другие источники...

Европа имеет ряд структур, которые занимаются защитой Сети от компьютерных атак. Поэтому когда в 2006 году мы возглавляли Большую восьмерку и там возник вопрос по поводу кибертерроризма, мы призывали их спланировать совместные меры. Нам тогда ответили, что у стран Запада есть международная система реагирования на компьютерную преступность. То есть у них уже есть структуры, и мы к ним либо присоединяемся, либо нет. Поэтому здесь роль экспертов очень важна, чтобы не было политической мотивации. Ибо возникает проблема восприятия — друзья мы или враги, а это уже накладывает отпечаток на поведение наших компаний.

Несколько слов о китайском опыте. Китайские специалисты хорошо помнят учения НАТО, когда по легенде объектами атаки были Эстония и Венгрия. И по легенде же это была африканская страна, атаковавшая этих бедных натовцев. Был задействован механизм противодействия, т.е. «возмездие всеми имеющимися средствами». Это как раз доказательство того, как натовцы готовятся к сеульским баталиям.

Теперь о Китае, где дела в этой области обстоят немного по-другому. Мы вместе с китайскими коллегами направили в сентябре 2011 года документ в Генеральный Секретариат ООН. Китайцы были самыми продвинутыми с точки зрения понимания угроз. Очень серьезная задача, которую китайцы ставят на философском, «конфуцианском» уровне, — они считают, что американцы проигрывают со своими контрреволюциями, потому что все свои виды электронной дипломатии, информационное противоборство направляют на подъем протестных движений, на объект целевого воздействия.

Информационная модель объекта целевого воздействия китайцев иная. Что такое информационная модель? Это желаемое состояние объекта, описанное и понятное для компьютера. Американцы говорят: есть «жесткая сила», есть «мягкая сила», нужно лишь складывать — есть 0, есть 1, то есть $1 + 0 = 1$. А китайцы говорят: нужно умножать. $1 \times 0 = 0$. То есть если какой-то силы нет, то нет субъектов международных отношений, нет влияния, нет воздействия на процессы и так далее. Это чисто философский вопрос. А теперь перейдем к более практическому вопросу.

В рамках Инфофорума 5 февраля 2013 года был проведен мастер-класс, который броско назывался «Мягкая сила 2.0, или холодная война 2.0». Там собралась половина участников Инфофорума, в том числе и китайцы. Китайцев больше всего заинтересовала система управления в социальных сетях. Эта система примитивна, но смысл в том, что, используя алгоритмы описания информационной модели, будь то персона, организация, государство, международная организация, можно использовать социальные сети, влиятельных владельцев аккаунтов, либо создавать новых владельцев. Есть, например, система «Призма», которую использует структура «поиск ИТ», есть системы, которые французы показывают достаточно открыто, — например, конфликтные точки (5 точек). А это и есть электронная дипломатия. Французский опыт заслуживает внимания, так же, как и стремление Китая к практическому сотрудничеству, потому что сообща с Китаем мы можем противостоять НАТО.

Комментарий по поводу Инфофорума. Реальных продуктов ИТ мы не имеем. Значит, мы должны с поставщиками программных продуктов и поставщиками оборудования обсуждать проблему безопасности. К счастью, ФСБ это поддержало, и поддержало конструктивно. Инфофорум начался, когда представители ФСБ сели и начали обсуждать безопасность софта. Спонсорами были именно иностранные компании. При отношении, что «с иностранцами общаться нельзя, ибо это подрывается информационная безопасность», Инфофорума скоро не будет. Таково следствие политических настроений.

Профессионалы без политиков нашли способы открыть коды, нашли способы, как решить вопросы работы с шифротехникой и т.д. Экспертное сообщество должно предлагать решения, а государство говорить, что ему нужно.

Необходимо выработать центральную политику, создать некий координационный центр или передать эту функцию нескольким ведомствам. Это все бюрократические вещи, но они очень важны. Следует решить и вопрос о том, кто в Администрации президента будет это координировать.

Кроме структуры, безусловно, важна содержательная часть, с чем Россия выходит и кто это предлагает. В какой системе координат мы

видим развитие этой темы? И как найти позитивный трек развития этого процесса? Какая здесь система практических мероприятий?

Многие IT-компании высказывались, что они заинтересованы в оказании государством помощи в продвижении и рекламе на азиатских рынках, где просматривается большой потенциал сотрудничества. Внимание к бизнесу позволило бы более активно задействовать его и в электронной дипломатии. Следует шире использовать тот же Yandex, который представлен на постсоветском пространстве, тот же mail.ru, их взаимодействие с русскоязычной диаспорой или в организации краудсорсинговых инициатив, через АТЭС. Так, продвижение интересов российских интернет-компаний (ярмарки, выставки и иные формы государственной поддержки), а также поддержка включения соответствующих тезисов в международные соглашения (как, например, предложения по тарификации интернет-трафика по стране происхождения на ВКМЭ-2012) может способствовать интенсификации взаимодействия государства и бизнеса.

Такой организации, как интернет-сообщество, не существует. Поставить необходимые вопросы может только экспертное сообщество. Потому что, если придут блогеры, экспертам они рот не дадут открыть.

Важно также расставить правильно приоритеты. В сочетании «электронная дипломатия» существительное — «дипломатия», а «электронная» — прилагательное. Поэтому об электронной дипломатии можно говорить лишь тогда, когда будет ясна внешнеполитическая стратегия.

У России есть потенциал и нужен большой проект, который будет поддержан государством. Но когда мы говорим, «давайте соберем IT-компании» для решения стратегических задач», то вряд ли дождемся от них инициативы. Другое дело, если поставить им конкретную задачу «сверху», тогда, может быть, процесс пойдет.

Экспертное сообщество и блогерское сообщество — круги, которые совпадают лишь в небольшой степени. Живущие по законам российской блогосферы блогеры являются главным ретранслятором мнений, главным аккумулятором обсуждений, комментариев, «агентом влияния» в русскоязычном сегменте Интернета. Эту блогосферу, не очень корректную, не очень культурную, нельзя стерилизовать, изменить корректным общением среди экспертов. Это убьет ее влияние. Она — неудобная реальность, с которой надо работать. Те же американцы не стесняются работать с нею.

Контент Интернета огромен — Google, Facebook и остальные ресурсы его не «перелопачивают». Google индексирует меньше 10% всех материалов и в каких-то областях выступает средством «мягкой силы». Не все материалы можно найти там с первого раза, надо приме-

нять специальные методы. Facebook и Twitter — те же платформы, но существующие «вовне», и проводить в них дипломатию — все равно что играть на чужом поле.

В Евросоюзе есть информационные сайты, которые работают в контент-менеджменте, предоставляют их видение электронной дипломатии, собирают новости со всего мира и представляют новости так, как выгодно Евросоюзу. Точно так же можно было бы под брендом МИДа создать некий информационный ресурс, который собирал бы новости со всего мира. Семантика англоязычных новостей и русскоязычных новостей фактически не пересекается. Русскоязычные новостные агентства пишут про иные новости, чем англоязычные. Создание информационного ресурса, который писал бы на темы с позиции России, — один из выходов.

Наиболее перспективно, как уже отмечалось, — на первом этапе создать координирующую структуру в МИДе. Тем более, что МИД у нас — это основная направляющая организация по внешней политике.

Что касается отношений государства, Интернета и бизнеса. Здесь следует иметь в виду не только бизнес в интернет-сообществе, но и крупный бизнес, который вкладывается в различные крупные мероприятия, не забывая о блогерском сообществе. Надо вовлечь крупный бизнес, который участвует в проектах по позиционированию России, но эта работа проводится пока еще недостаточно эффективно. Когда будет такая связка, то, помимо создания определенной структуры в МИДе, можно организовать взаимодействие государства с крупным бизнесом, включая интернет-бизнес, на площадке Россотрудничества с более узкой сферой объектов влияния и целевого воздействия.

Что касается экспертного сообщества, то оно должно сейчас расширять работу по этой тематике, которая рано или поздно нас «накроет», и мы в очередной раз будем пытаться срочно что-то придумывать. Надо также расширять круг участников. Тема электронной дипломатии сейчас является востребованной. Люди ждут экспертные ответы на определенные вопросы. Простор для работы экспертов здесь очень большой.

При всей любви и уважении к МИДу последний руководствуется принципом, что «политику определяет президент». Идея привлечения более независимого Россотрудничества — очень интересная и значимая.

Предложение в этой области заложено в Указе Президента от 7 мая 2012 года, где было поручено МИДу и Минфину совместно с Россотрудничеством и Минэкономразвития определиться с организацией, которая будет координатором, действуя аналогично американскому Агентству международного развития. По имеющимся сведениям вопрос о создании такой структуры на 90% решен.

В этой связи представляется необходимым запустить процесс концептуальной стратегической проработки с привлечением представителей государственных структур, экспертного и бизнес-сообщества. А также процесс реального создания документа, в котором будут отражаться, прежде всего, общее видение повестки дня и будут задаваться ориентиры в области целеполагания, в области формата. Затем на основе концептуального документа можно разработать программные документы с обозначенными временными ориентирами. Цели в области сетевой дипломатии очень быстро меняются, они очень динамичны. Запустить такой процесс — главная цель предстоящей работы.

ГЕОПОЛИТИКА

Владимир ДЕРГАЧЁВ (Украина)

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

Латинская Америка выходит на мировую арену после «веков одиночества». Идут перманентные интеграционные процессы. Бразилия демонстрирует социал-демократическую модель с отечественной спецификой. Популярна модель социализма XXI столетия, создателем которой является президент Венесуэлы Уго Чавес. Левое движение в Латинской Америке представлено также партизанами, ренессансом индейских народностей (Боливия, Перу) и левокатолическим движением. Колумбия провозгласила решительный бой наркоторговле путем достижения мира с местной повстанческой группировкой.

Важнейшей составляющей геополитической мощи Латинской Америки является консолидирующая сила духа — регион является по числу верующих мировым оплотом католицизма. Геополитическая мощь Латинской Америки прирастает экономикой, регион производит 8% мирового ВВП, а Бразилия, Мексика и Аргентина входят в Большую двадцатку. Выделяется два экономических локомотива — Мексика в Мезоамерике и Бразилия в Южной Америке. На Латинскую Америку приходится 20% мировых запасов нефти (второе место после Ближнего Востока). Но по объемам доказанных запасов нефти на первое место в 2011 году вышла Венесуэла (296,5 млрд баррелей), а Саудовская Аравия впервые за последние десятилетия уступила лидерство (265 млрд баррелей). Россия (88,2 млрд баррелей) занимает 8-е место в мире.

Латинская Америка эффективно противостоит мировому кризису, за последние годы индекс экономического роста в несколько раз превышал аналогичный показатель постиндустриальных стран. В 2010–2011 годах в среднем по региону экономический рост составлял от 4 до 6%. Регион стал привлекательным для международных инвесторов, особенно из Китая.

Геополитическая трансформация Латинской Америки представляет интерес для России и постсоветского пространства в связи с богатым опытом проб и ошибок на пути либерализации экономических отношений и противоречивых интеграционных проектов. Сторонники евразийской доктрины, основанной на пограничной комплементарности и консолидации восточно-славянских и тюркских народов, должны, прежде всего, обратить внимание на цивилизационные особенности Латинской Америки.

Латиноамериканская пограничная цивилизация. Латинская Америка характеризуется как региональная молодая пограничная цивилизация, формирующаяся на рубежах индейско-метисной, африкано-мулатской и иберийско-европейской рас. В результате еще не сложился цивилизационный архетип. У латиноамериканцев преобладает влияние языка, культуры и обычаев романских (латинских) народов — испанцев и португальцев. Большинство латиноамериканцев являются потомками эмигрантов, пошедших на риск и преодоление опасностей ради новой жизни¹.

ДЛЯ СПРАВКИ

Население Латинской Америки за 1920–2010 годы выросло с 88 до 570 млн человек, из них в Бразилии проживает 201 млн (5-е место в мире) и в Мексике — около 114 млн человек. К латиноамериканцам, кроме испано- и португалоязычных народов Центральной и Южной Америки, относят франкоязычные народы Карибского региона. Условно выделяют белые латиноамериканцы, которые составляют в Аргентине и Уругвае более 80% населения и в Бразилии — немного более половины населения. В Мексике и Чили доминируют метисы, а в Доминиканской Республике — мулаты и негры. В Боливии, Перу, Гватемале и Южной Мексике преобладают индейцы. Президент Венесуэлы Уго Чавес даже предложил восстановить историческую справедливость и переименовать Латинскую Америку в Индейскую Америку в честь коренного населения.

Сложная комбинация человеческих контактов латиноамериканской пограничной цивилизации приводит к слабости институционализации и правового начала и стремлению ее компенсировать на путях спонтанных харизматических действий. К ним относятся популистские идеологии и вождизм, теневая экономика². О молодости цивилизации свидетель-

¹ Майданик К. Латиноамериканская цивилизация в глобализирующемся мире // Мировая экономика и международные отношения. 2003, № 5; Дергачёв В. Латиноамериканская цивилизация. В кн.: Дергачёв В.А. Глобалистика. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005.

² Шемякин Я.Г. Европа и Латинская Америка. Взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории. — М.: Наука, 2001.

ствуют нескончаемые карнавалы и революции (перевороты). На фоне критического разрыва в доходах между богатыми и бедными (как в России) у многих латиноамериканцев по сравнению с продажными политиками пользуются популярностью «хорошие» популисты, диктаторы, бандиты и партизаны. Политический карнавал Латинской Америки, вероятно, самый пестрый, с диаметрально противоположной красочной палитрой. Вот несколько имен: Симон Боливар, Сальвадор Альенде и Аугусто Пиночет, Хуан и Эва Перон, Фидель Кастро и Эрнесто Че Гевара, Сильва де Лука, Эво Моралес, Ольянта Умала, Уго Чавес и другие.

«Другое небо» Нового Света. Христофор Колумб в глубине души был убежден, что открыл земной рай. Но почему такое разительное отличие в уровне и качестве жизни в Соединенных Штатах и Латинской Америке? Как рассуждал философ Мераб Мамардашвили, в Новом Свете европейцы встретились со своим собственным мифологическим прошлым. Миф не знает личности и истории. А междивилизационный контакт, акт понимания возможен внутри истории. У современных цивилизаций нет контакта с инкскими сооружениями или с египетскими пирамидами, а с греческими памятниками установлен. Древняя Греция продолжает быть частью непрерывного контакта, на котором вся история расположена³.

В Новом Свете американцы пришли туда, где у них не было прошлого. Они смели начисто все, загнав оставшихся в живых индейцев в резервации, «совершив жуткую несправедливость и жестокость». В результате американцы имели дело с чистым (не имеющим прошлого) пространством. В нем они создавали свою историю, используя энергетику ренессансного человека. На своем знамени американцы несли правовую идею Великой хартии, все остальное зависело от человека, от того, что он есть. И Новый Свет действительно произошел не в образе совершенного и идеального райского общества, а страны с особым образцом свободы. В Латинской Америке конквистадор имел дело со своим собственным, непереваренным, непонятым прошлым, с которым не мог установить контакт. Завоеватели несли индейцам символы христианства, а те не понимали, что это благо. Тогда приходилось «внедрять» передовую веру с помощью огня и меча. В отличие от США «во всех испано-американских странах испанцы уселись на индейцах. И получился кентавр. Потому что они срослись — в себе, на этой подавленной основе. В Северной Америке не было этого срастания. У североамериканцев была только одна априорная идея, которую они принесли с собой»⁴.

³ Мамардашвили М. Другое небо (интервью). В кн.: «Три каравеллы на горизонте». — М.: Международные отношения, 1991.

⁴ Там же.

Против бескультурья и язычества, прикрытого христианством, испанских конквистадоров выступали иезуиты, выработавшие идею прав человека. Парадоксальный факт: историческим источником Декларации прав человека и гражданина, провозглашенной Французской революцией, стало покорение Америки. Права человека изобретены испанскими иезуитами. Завоеватели Южной Америки стали участниками движения за права человека.

Геополитическая доктрина Монро: «задний двор» Америки. После длительного периода преимущественно испанского и португальского владычества Латинская Америка стала «вотчиной» США. В послании американского президента Джеймса Монро (1758–1831) Конгрессу 2 декабря 1823 года была провозглашена декларация принципов внешней политики США. Эта декларация, получившая название «доктрина Монро», была разработана в связи с угрозой интервенции Священного союза в Латинскую Америку и возможного восстановления господства Испании в ее владениях. Она стала первой геополитической доктриной Соединенных Штатов, выдвигающей принципы разделения политического влияния в мире между Европой и США. Доктрина провозгласила главенствующую роль США в Латинской Америке, отделила Северную и Южную Америку от Старого Света по признакам абсолютной гегемонии Соединенных Штатов. Латинская Америка признавалась зоной, закрытой для колониальных и политических притязаний европейских государств, в том числе Российской империи. Доктрина рассматривала Латинскую Америку как «задний двор» Вашингтона, осуществляющего здесь военно-политический, экономический и демократический контроль.

После Второй мировой войны Советский Союз расширяет связи с экономическим лидером Южной Америки Аргентиной, а советский лидер Иосиф Сталин предложил создать латиноамериканским государствам интеграционное (антиимпериалистическое) объединение Соединенных Штатов Южной Америки⁵.

В настоящее время латиноамериканская зона «жизненных интересов» США находится под «патронажем» Южного командования Вооруженных сил США в зоне Центральной Америки (USSOUTHCOM), штаб-квартира которого находится в Майами (Флорида). Американские военные контролируют театр военных действий, осуществляют полицейские «миротворческие» функции и «операции подавления». Официально американские военные базы присутствуют на острове Куба (Гуантанамо) и в Гондурасе.

⁵ Россия — СССР — Аргентина: становление отношений. — М.: Институт Латинской Америки, 1984.

В Соединенных Штатах накоплен большой опыт по устранению (убийству) неугодных политиков в Латинской Америке. Здесь в 1970–1980-е годы диктаторскими латиноамериканскими режимами под патронажем ЦРУ осуществлялась террористическая операция «Кондор» по уничтожению политической оппозиции коммунистов и социалистов. Жертвами террора стали около 60 тыс. человек, в том числе 30 тыс. аргентинцев и 3 тыс. чилийцев. Этот опыт пригодился после теракта 11 сентября 2001 года, когда Белый Дом разрешил ЦРУ создавать секретные подразделения для уничтожения боевиков «Аль-Каиды». Эти задачи были возложены на частную охранную фирму Blackwater. Как пишет журналист Эван Райт в книге «Generation Kill» («Поколение убийц»), американское правительство впервые отдало на внешний подряд тайные заказные убийства. Таким образом, был заложен фундамент пиратской геополитики.

Выступая в Гарвардском университете, президент Аргентины Кристина Фернандес, сторонница антиимпериалистического курса Уго Чавеса, образно высказалась о геополитической роли США в Латинской Америке — в Соединенных Штатах не может быть государственных переворотов, потому что в стране нет американского посольства.

После распада СССР не произошло усиления роли США в регионе. Американские агрессии на евразийском континенте не позволили Вашингтону уделять больше внимания традиционной зоне американского влияния. Соединенным Штатам не только не удалось превратить Латинскую Америку в свой «демократический» протекторат, но и в условиях кризиса «плавильного котла» и демографических факторов возникла угроза латиноамериканизации Соединенных Штатов. США отгородились от Латинской Америки (Мексики) Великой высокотехнологичной стеной протяженностью 3 тыс. км. Но это не спасает от мигрантов-латиносов. В США насчитывается свыше 40 млн граждан и 11 млн. нелегалов латиноамериканского происхождения.

Уроки бездумной геоэкономической трансформации. После Второй мировой войны Латинская Америка стала полигоном для международных финансовых институтов, где доминируют США. Методом проб и ошибок были апробированы различные подходы к антиинфляционной политике. Неолиберальная стратегия стабилизации, основанная на монетаристской макроэкономической теории, делала упор на сокращение денежной массы, отсутствие контроля над ценами и зарплатой, сочетание мер бюджетной политики с регулированием валютного курса. Этот подход лежал в основе программ стабилизации Международного валютного фонда. Монетаристский подход, примененный к латиноамериканским странам с неразвитым рынком, потерпел полный провал.

В Латинской Америке была апробирована и стратегия регулирующей стабилизации, позволяющая избежать резкого и социально опасного спада производства. Первоначально программа дала сенсационные результаты, доведя инфляцию до нуля. Она пользовалась огромной популярностью у населения, но медовый месяц сменился признаками нарастания диспропорций, контроль цен стал сдерживать производство товаров.

В 70-е годы XX столетия между Латинской Америкой и Юго-Восточной Азией развернулось соревнование за лидерство в индустриализации. Казалось бы, стартовые позиции Латинской Америки были наиболее предпочтительны. Регион раньше Азии и Африки вступил в фазу промышленного развития. Великая депрессия 1930-х годов и застой международной торговли во время мировых войн породили мощные стимулы к замещению импорта. Историческая связь с Соединенными Штатами, разнообразные сырьевые ресурсы и квалифицированные кадры способствовали индустриальному развитию. Предпочтение отдавалось производству потребительских товаров кратко- и среднесрочного пользования. Время показало, что реальным геоэкономическим лидером стал Азиатско-Тихоокеанский регион, формирующийся как зона преимущественно японского влияния. Япония была ближе в социокультурном отношении к другим азиатским странам и сама прошла путь догоняющей страны. На Востоке не принято руководствоваться чужими советами, они могут носить преимущественно рекомендательный характер. Преобразования в Латинской Америке осуществлялись под патронажем международных финансовых институтов, не всегда владевших местной спецификой.

Неудачи с экономическими экспериментами в Латинской Америке под мудрым руководством МВФ и США, глубокое социальное расслоение в обществе привели к популярности «хороших» бандитов. Экономическая столица Колумбии — «город вечной весны» Медельин — в последней четверти XX столетия была одновременно столицей мирового наркобизнеса. Здесь находилась штаб-квартира лидера колумбийского (медельинского) картеля Пабло Эскобара (1949–1993), латиноамериканского мафиози и «Робин Гуда» или Эрнесто Че Гевара преступного мира. Наркобарон был одним из самых богатых людей мира, с состоянием в 30 млрд долл., и, в отличие от российских олигархов, покупал не только яхты и зарубежные футбольные команды, но и строил массовое жилье для бедных. Пользовался невероятной популярностью у колумбийских крестьян.

Перманентные интеграционные проекты. В Новом Свете выделяют Большие геополитические пространства Северной Америки (США и Канада) и Латинской Америки, включающей Центральную Америку с

Карибским регионом и Южную Америку, где различаются Тихоокеанское (Андское) и Атлантическое латиноамериканские пространства. На геополитическую трансформацию и региональную интеграцию оказывают влияние природные факторы — не только географическая удаленность от Старого Света, но и тектонические особенности континента.

Вдоль западного побережья Южной Америки проходит Тихоокеанская сейсмическая зона. Здесь Южно-Американская тектоническая плита наплывает на погружающуюся под нее океанскую тектоническую плиту Наска. В результате сформировался глубоководный Перуанско-Чилийский желоб с глубинами, превышающими 8 км, а перепад высот с ближайшими вершинами Анд достигает почти 15 км. Территории Перу и Чили находятся в исключительной сейсмоопасной зоне. Из многочисленных землетрясений выделяется самое катастрофическое в истории Америки Перуанское землетрясение 1970 года (более 100 тыс. погибших и 358 тыс. раненых). В результате катастрофического землетрясения и последующего цунами в Чили в 2010 году погибло более 800 человек и около 2 млн чилийцев осталось без крова. Власти государств вынуждены в своих геополитических приоритетах учитывать этот природный фактор. Поэтому в интеграционных проектах ориентируются на экономические сверхдержавы, способные оказать не только гуманитарную помощь.

В бурлящем политическом и экономическом латиноамериканском котле популярны идеи интеграции в целях наращивания экономической мощи, в том числе для преодоления крепкого объятия США. Несмотря на множество интеграционных проектов, они привязаны к основным геополитическим пространствам: Андское сообщество (1969), Карибское экономическое сообщество КАРИКОМ (1973), латиноамериканское экономическое объединение МЕРКОСУР (1991), Боливарианский альянс для народов нашей Америки (2004), Сообщества стран Латинской Америки и Карибского бассейна (2011), Тихоокеанский экономический альянс (2012) и другие.

Боливарианский альянс для народов нашей Америки (ALBA) был создан в 2004 году по инициативе «заклятых друзей» США — президентов Венесуэлы и Кубы (Уго Чавеса и Фиделя Кастро). Хотя цели этой субрегиональной группировки заключаются в содействии торговле и кооперации между странами, альянс проводит жесткую антиамериканскую политику. В состав ALBA входят Боливия, Венесуэла, Куба, Эквадор, Никарагуа, Доминика, Антигуа и Барбуда, Сент-Винсент и Гренадины. «Боливарианские» страны стремятся дистанцироваться от крепкого объятия США. Альянс активно взаимодействует с другими латиноамериканскими странами. Иран и Сирия имеют статус приглашенных членов ALBA, декларировала свои намерения Россия (но передумала).

В 2011 году лидеры 33 американских государств подписали в Каракасе (Венесуэла) соглашение об образовании Сообщества стран Латинской Америки и Карибского бассейна (CELAC), выступающего за окончательную ликвидацию «заднего двора» Соединенных Штатов в регионе. В это крупное региональное объединение западного полушария не входят США и Канада. Таким образом, новое Сообщество будет конкурировать с Организацией американских государств (ОАГ), где доминируют США. CELAC с населением в 600 млн человек, крупнейшими в Новом Свете запасами нефти и пресной воды, претендует на роль одного из центров многополярного мира во главе с Бразилией. Время покажет, сможет ли новое объединение выжить на фоне многочисленных других региональных группировок. В 2012 году создан Тихоокеанский экономический альянс (Мексика, Колумбия, Перу и Чили) с населением более 200 млн человек и 40% ВВП Латинской Америки (2011). Стратегическая цель нового блока заключается в развитии экономических связей со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, особенно с Китаем, США, Австралией и Новой Зеландией. Мексика, Перу и Чили являются также членами АТЭС. В геополитическом плане Соединенные Штаты рассматривают Альянс как противовес леворадикальному Боливарианскому альянсу. Происходит геополитический сдвиг или возвращение Мексики в Латинскую Америку. Де-факто Альянс нацелен на формирование нового экономического полюса Латинской Америки во главе с Мексикой в противовес Бразилии. Это своеобразный вызов Южноамериканскому общему рынку (МЕРКОСУР) во главе с Бразилией. Одновременно Мексика является членом Североамериканской зоны свободной торговли (НАФТА), куда входят США и Канада.

(Окончание в следующем номере)

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Джон КАРЛСОН* (*Австралия*)

ЯДЕРНЫЕ ВЫЗОВЫ КНДР И ИРАНА: ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

От КНДР и Ирана исходят основные вызовы региональному и глобальному миру и безопасности. И хотя (во всяком случае, в настоящее время) оба эти случая качественно различны, вызовы сходны. Оба эти государства нарушили договоры: ДНЯО и соглашения МАГАТЭ о всеобъемлющих гарантиях — и оба игнорируют резолюции Совета Безопасности ООН.

Если Совет Безопасности и более широкое международное сообщество окажутся не в состоянии принять действенные меры в отношении серьезных нарушений международного права, будет подорвано доверие в рамках подчиняющейся определенным правилам системы международных отношений. Это приведет к неблагоприятным последствиям как для режима ядерного нераспространения, так и для ядерного разоружения, где доверие к принятым на себя обязательствам по соглашениям жизненно необходимо для более основательных и широких сокращений ядерных вооружений.

КНДР произвела ядерное оружие в нарушение ДНЯО (до сего времени единственное из государств, которое предприняло такой шаг) и вышла из Договора о нераспространении. К тому же это единственное государство, которое вслед за этим провело три ядерных испытания и угрожает другим странам ядерным нападением. У Ирана, как выяснилось, имеется ядерная программа с составляющими военного применения, он явно стремится, по меньшей мере, к обладанию возможностями производить ядерное оружие и тоже угрожал другим государствам. Обе страны активно разрабатывают программы создания баллистических ракет (в нарушение резолюций Совета Безопасности) и сотрудничают друг с другом в ракетной области. Обе вовлечены в военные напа-

* Дж. Карлсон является советником организации «Инициатива по снижению ядерной угрозы» (NTI). Высказанное в данной статье отражает взгляды автора и необязательно соответствует позиции NTI.

дения (непосредственно или опосредованно) против соседних государств.

Действия КНДР вынудили Японию и Республику Корея призвать США к возобновлению обязательств по расширению зоны ядерного сдерживания, а также подкрепить взгляды тех, кто ратует за ядерное сдерживание. Иранская угроза вызвала сходные призывы на Ближнем Востоке. В то же время в ряде государств получили хождение призывы создать систему независимого ядерного сдерживания. К тому же такое положение дел обострило заинтересованность в размещении систем противоракетной обороны, вызывающем острые споры в некоторых регионах. Таким образом, развитие событий в КНДР и Иране никоим образом не способствует ни нераспространению ядерного оружия, ни ядерному разоружению.

В то время как происходит основательная переоценка ядерных вооружений, действия этих двух государств тянут назад и несут в себе опасность. Сегодня все больше сомнений в практической пользе ядерных вооружений: последствия их применения были бы слишком ужасны и опасно непредсказуемы, а их использование почти наверняка шло бы вразрез с международным человеколюбивым правом. Само наличие таких вооружений чревато серьезной опасностью их использования по ошибке или просчету, равно как и несанкционированного применения. Понимание этого привело США и Россию к существенным сокращениям ядерных арсеналов, наряду с усилиями по проведению гораздо больших сокращений и вовлечению всех обладающих ядерным оружием государств в разоружение. Такой благоприятный ход дел может быть поставлен под угрозу дальнейшим расползанием ядерных вооружений, в особенности, если действия КНДР и Ирана спровоцируют других на аналогичные действия.

Что можно сделать для остановки того, кто намеренно способствует распространению ядерного оружия? Вероятно, это величайший современный вызов для международной дипломатии, и он требует безоговорочной приверженности всех государств, выступающих против ядерного распространения. КНДР и Иран сумели воспользоваться нежеланием поддержать применение более строгих санкций. Нераспространение ядерного оружия слишком важно, чтобы идти на компромисс во имя иных интересов: расползание ядерных вооружений несет опасность национальным интересам всякого государства.

Добиваться обладания ядерным оружием — это политическое решение, которое в конечном счете следует рассматривать в политических категориях: необходимо исследовать мотивацию данного конкретного государства. Сами по себе санкции недостаточны, если данное государство настроено вполне решительно, его необходимо убедить, что смена направления развития окажется благотворной для его нацио-

нальных интересов. Насущно необходимо конструктивное вовлечение, невзирая ни на какие трудности этого, чтобы помочь такому государству лучше осознать свои собственные интересы и лучше спрогнозировать свое будущее.

Создание ядерных вооружений (или возможности их производить) дает лишь временное преимущество, если вообще дает. Если другие страны видят в каком-то государстве стратегическую угрозу и если деятельность этой страны подстегивает региональную гонку вооружений, то дело кончается тем, что состояние безопасности этой страны резко ухудшается. Любую подлинную обеспокоенность КНДР или Ирана по поводу национальной безопасности можно более действенно и основательно разрешить другими средствами. Президент Казахстана Назарбаев высказался по этому поводу кратко и красноречиво: «Мы считаем несостоятельным довод некоторых стран, что обладание ядерными вооружениями является абсолютной гарантией безопасности. Основываясь на нашем собственном опыте успешного государственного строительства последних двух десятилетий, мы уверены, что подлинные долгосрочные гарантии безопасности являются результатом устойчивого социально-экономического развития наряду с мирным и взаимовыгодным сосуществованием»¹.

Частью итогов переговоров с КНДР и Ираном предполагается готовность П5² при необходимости дать коллективные гарантии безопасности. Частью решения могло бы также стать создание безъядерной зоны или зоны, свободной от оружия массового уничтожения, в Северо-Восточной Азии и на Ближнем Востоке. Оба государства только выиграют от конструктивного участия в дальнейшем развитии этих принципов.

Нуждаются в рассмотрении и некоторые более широкие вопросы, в том числе придание новых сил ДНЯО и достижение новых соглашений, касающихся стадий производства ядерного топлива, чувствительных с точки зрения распространения ядерного оружия.

Ирану удалось воспользоваться поляризацией мнений в отношении к ДНЯО, когда многие неприсоединившиеся государства строят свое отношение к ДНЯО, основываясь на категориях различий между «Севером» и «Югом». Частью дипломатических трудностей в ситуации с Ираном является необходимость поощрять более здравое понимание важности ДНЯО для международного мира и безопасности, а значит, и для национальной безопасности каждого государства, а также налаживать поддержку усилий, направленных на повышение

¹ Статья в Washington Times от 5 апреля 2013 года. — URL: <http://www.washingtontimes.com/news/2013/apr/5/a-model-for-curtailing-nuclear-proliferation>

² Пятерка постоянных членов Совета Безопасности ООН: США, Россия, Великобритания, Франция, Китай.

действенности ДНЯО. Очень важная составная этих усилий — необходимость внести изменения в политическую дискуссию, вернув ее от риторики по поводу национальных «прав» к международной заинтересованности в ядерном нераспространении и разоружении. Особенно важно отказаться от представления, будто ДНЯО позволяет создать возможность производства ядерного оружия под прикрытием мирной программы (ядерная страховка).

Единственный надежный способ рассматривать вопросы ядерной скрытности и страховки состоит в том, чтобы заручиться международной поддержкой в отношении альтернатив национальному контролю за чувствительными сторонами производства ядерного топлива. Необходима новая международная структура, действующая на основе ярко выраженного международного сотрудничества. Инициатива России о создании международных центров по циклическому производству топлива задает верное направление: ключевые элементы новой структуры должны включать многосторонние центры циклического производства топлива, международный топливный лизинг с гарантиями топливных поставок и международные банки топлива.

Выводы

Нет ничего необычного в предположении, что мир приближается к поворотной точке в том, что касается ядерных вооружений. Медленный рост по сей день числа государств, обладающих ядерным оружием, возрастающая заинтересованность в разоружении — эти тенденции не обратить вспять. Если КНДР и Иран будут способны и дальше идти той же дорогой, что и ныне, количество государств, создающих ядерное оружие или, по крайней мере, возможности для его быстрого создания, ожидаемо возрастет, соответственно возрастет и международная напряженность и опасность ядерных войн. Сузятся перспективы разоружения, а кое-кто из нынешних ядерных государств вполне может начать наращивать свои арсеналы в соответствии с новыми ожиданиями угроз.

Избежать столь катастрофического итога можно, для этого государства должны отставить в сторону свои разногласия и сделать предотвращение дальнейшего распространения ядерного оружия своим наивысшим приоритетом.

В конце концов, насущно необходимым окажется убедить КНДР и Иран, что интересам их безопасности лучше всего служат налаживание отношений и союзов, а не изоляция и противостояние. Всем государствам следовало бы задуматься над словами президента Назарбаева — самые надежные гарантии национальной безопасности состоят в устойчивом социально-экономическом развитии и мирном сосуществовании.

Георгий МИРСКИЙ

ИСЛАМСКОЕ СООБЩЕСТВО И «АРАБСКАЯ ВЕСНА»

Ислам можно назвать самой сильной и жизнеспособной религией современности. Ни в одной другой религии, наверное, нет такого процента верующих, страстно и самозабвенно преданных своей вере. Ислам ощущается как основа жизни и мерило всех вещей. Он привлекает все больше сторонников. Простота и непротиворечивость устоев этой религии, отсутствие сложных метафизических конструкций, способность дать целостную и понятную картину мира и общества — все это привлекает к исламу новые массы.

Следует четко разграничить два понятия — ислам как религия и мусульманское сообщество (умма). Мусульманин всегда должен ощущать свою принадлежность к «умме», всемирному сообществу единоверцев. Отсюда — мусульманская солидарность, осознание общности, братства.

Ислам — это «больше, чем религия», это и фактор идентичности. Мусульманская цивилизация объединяет людей, которые при всем различии в менталитете и традициях осознают свою принадлежность к некоей не только религиозной общности. И эти люди понимают, что их страны еще не смогли преодолеть отсталость, доставшуюся им в наследие с доколониальных времен.

На протяжении столетий в мусульманском обществе доминировали богословы-правоведы (улемы), больше всего заботившиеся о том, чтобы не допустить нововведений (бида). Их ригидность, узколобость, одержимость идеей сохранения традиционных исламских устоев преграждала путь притоку новых общественных идей, прогрессу в материальной и технологической сферах, поскольку все это шло с Запада и уже поэтому было неприемлемо. Ведь нельзя было заимствовать что-либо у « неверных ». Духовными наследниками средневековых консерваторов можно считать нынешних фундаменталистов, исламистов.

Уже давно вошли в обиход термины «исламский фундаментализм», «исламизм», «политический ислам», все чаще говорят и об «исламском терроризме», что совершенно некорректно. Хотя большинство

«международных террористов» в современном мире сейчас — это действительно мусульмане, но никто, например, не называет колонизацию Африки в XIX веке «христианской» на том основании, что колонизаторы были выходцами из христианской Европы.

Фундаментализм неравнозначен политическому радикализму и тем более не порождает сам по себе терроризм. Фундаментализм — призыв вернуться к истокам веры, к первоначальной чистоте религии, искаженной и извращенной отступниками. Фундаментализм может быть присущ любой религии. Поборники мусульманского фундаментализма (по-арабски *салафийя*, от слова *салаф* — предки) призывают очистить свою религию от темных и позорных наслоений, искаживших ислам по вине нечестивых, неправедных правителей и погрязшей в роскоши и разврате верхушки общества.

Можно быть фундаменталистом и в то же время осуждать экстремизм, а тем более терроризм. Ислам как религия не призывает к насилию и террору, не поощряет его и никак не может быть в ответе за преступления террористов.

В то же время можно утверждать, что путь к исламистскому (именно не исламскому, а исламистскому) терроризму, как правило, начинается с фундаментализма — разумеется, в головах организаторов, а не исполнителей террористических актов. Это звенья одной цепи: фундаментализм — политический радикализм (исламизм) — экстремизм — терроризм. Данная цепочка может прерваться после первого же звена, но может и продолжиться вплоть до «Аль-Каиды» и Усамы бен Ладена.

Исламский радикализм берет свою силу в жгучем ощущении несправедливости, которое испытывают люди в Азии и Африке, особенно же в арабском мире. Отсталость, низкий жизненный уровень, нищета, безработица — это фон, на котором процветает экстремизм. Во всем этом обвиняют старого врага — Запад, вчерашнего колонизатора и хозяина. Мусульмане гордятся своей древней и богатой цивилизацией, но видят, что в мировой иерархии их страны стоят на низшей ступени по сравнению с Западом. Убежденные в превосходстве своей культуры и в том, что только ислам является религией, содержащей истину, они с горечью видят, что в мире властвуют, задают тон другие. Сила, мощь, влияние в сегодняшнем мире — не у них, а у Запада. А Запад сегодня — это, прежде всего, Америка. Все это и порождает ощущение господствующей в мире несправедливости, комплекс неполноценности, осознания своей совершенно незаслуженной «второсортности» в глазах Запада, стремящегося «подавить и растворить в своей безбожной материалистической цивилизации» традиционные ценности мусульманского мира.

Все светские системы правления — от западной парламентской демократии до насеровско-баасистского «социализма» — были испро-

бованы и закончились провалом. Не мудрено, что все громче стали раздаваться голоса, утверждавшие, что первопричиной всех бед арабов был отход от истинного, праведного ислама, от заветов Пророка, стремление рабски копировать системы, созданные чуждой, немусульманской цивилизацией, что привело лишь к порче нравов, упадку традиционных ценностей, росту своекорыстия и разложения верхов общества, пресмыкательству перед империализмом. Вестернизация, имитация западных образцов жизни была объявлена главным злом, зазвучал лозунг «Ислам — вот решение».

Мусульмане никогда не объявляли своим врагом христианство как религию — ведь это одна из трех авраамических конфессий, и приверженцы ислама чтят в качестве пророков и Авраама, и Иисуса. «Салафийя» в своей основе направлена не против христианства как религии, а против пагубного влияния Запада (и не столько христианского, сколько материалистического, марксистского или безбожного). У фанатиков-террористов ненависть к Западу, в первую очередь к Америке, имеет в качестве первопричины не религиозные факторы.

На западное общество потребления исламисты смотрят с отвращением. Главной опасностью объявляется угроза исламской культуре, духовным ценностям, всему образу жизни мусульман — угроза, исходящая от безбожного, погрязшего в материализме и разврате Запада (а не от христианской религии как таковой). Радикалы-исламисты внушают людям мысль, что, поскольку невозможно бороться на равных против технологически неизмеримо превосходящего их противника, единственно эффективным оружием является вооруженная борьба. Ислам должен либо смириться со своим упадком, ведущим к гибели всего дела Пророка, либо в целях самозащиты нанести беспощадный удар по растлевающему его Западу — и прежде всего, конечно, по Америке, этому воплощению Запада, его квинтэссенции, средоточию всего пагубного и антиисламского. Несомненно, именно такого рода идеи воодушевляли людей, направивших 11 сентября 2001 года самолеты на нью-йоркские небоскребы. Это был их джихад.

Исламисты, ненавидящие Америку как авангард безбожного, нечестивого, враждебного Запада, отвергают, естественно, и западную демократию как систему, несовместимую с шариатом. При демократии люди имеют власть издавать законы, разрешать и запрещать то, что они хотят, в то время как в исламе люди не должны обладать полномочиями решать, что разрешено и что запрещено Аллахом.

По существу, речь идет о перманентном состоянии войны, в котором держат исламский мир его духовные авторитеты; краеугольным камнем их идеологии остается, как и тысячу лет тому назад, концепция противостояния Дар аль-ислам и Дар аль-харб (мира ислама и мира войны), т.е. вечной конфронтации. Это и есть то поле, на котором так

удобно произрастать идее джихада в его воинственной интерпретации — идее, логически ведущей к оправданию террора.

Поэтому, отвечая на часто задающийся вопрос «Что же не в порядке с миром ислама?» — можно утверждать, что неладно дело обстоит с духовным руководством мусульман, которое не смогло предотвратить появление злокачественной опухоли в организме своей религии. А джихадисты спекулируют на таком феномене, как мусульманская солидарность. Они понимают, что одними призывами и пропагандой нельзя мобилизовать мусульманское общество. Они создали организации, образующие целую сеть ячеек так называемого социального ислама. Исламистские группы занимаются благотворительной деятельностью, медицинским обслуживанием населения, создают школы, обеспечивают людей хоть каким-то заработком — словом, берут на себя те функции, которые не может или не хочет осуществлять государство.

Наиболее известной из исламистских организаций всегда были «Братья-мусульмане», возникшие первоначально в Египте, но затем распространившие свою деятельность и на другие арабские страны. А самая могущественная из террористических организаций — «Аль-Каида». Ее руководитель Усама бен Ладен после того, как он создал «Фронт борьбы с евреями и крестоносцами», издал фатву, содержащую слова: «Приказ убивать американцев — это священный долг».

Беда в том, что джихадизм — это не какое-то чуждое, неисламское течение. Даже если его назвать злокачественной опухолью на теле ислама, который — стоит повторить это еще раз — никак не может считаться религией насилия и террора, все равно приходится признать, что джихадизм, исламизм базируются на одной из аутентичных исламских традиций, берущих свое начало в глубокой древности, в военных походах пророка Мухаммеда. Это лишь одна из традиций, но она имеет свои корни в исламе, а не привнесена откуда-то извне. Именно поэтому ей страшно трудно противостоять, но необходимо. Ислам не смог выработать в себе противоядия против экстремизма — вот в чем проблема.

Джихадисты стремятся к возрождению Халифата, но не обязательно. Главное — обеспечить доминирование ислама в мире, а для этого — беспощадная борьба с неверными, которые никогда не откажутся от намерения погубить ислам.

Салафит стремится не столько к воссозданию Халифата, сколько к образованию исламского государства у себя. Например, талибы создали эмират в Афганистане, и этого было им достаточно, а подлинным джихадистам, боевикам «Аль-Каиды», они просто дали убежище. Отсюда бен Ладен намеревался вести планетарную борьбу везде, на любом участке земного шара, ведь он вменил джихад в обязанность любого мусульманина.

Многочисленные террористические акты в Европе, Африке, Азии привели лишь к гибели нескольких десятков военнослужащих западных стран и сотен мирных жителей. Со «второй сверхдержавой», Соединенными Штатами, не удалось справиться так, как это, по мнению бен Ладена, получилось с Советским Союзом. А широкое применение тактики акций смертников-шахидов, даже продемонстрировав всему миру волю и фанатизм джихадистов, имело и контрпродуктивные последствия. Если сначала казалось, например, что чуть ли не все мусульмане Западной Европы поддерживают такие действия, то последующие опросы показали, что в Англии акции смертников одобряют всего 4% мусульман. И хотя 87% египтян в 2008 году одобряли стремление «Аль-Каиды» заставить американцев вывести войска из мусульманских стран и прекратить поддерживать Израиль, 74% опрошенных в Египте считали, что акция 11 сентября имела негативное значение для мусульманского мира. В Саудовской Аравии в 2007 году положительное отношение к «Аль-Каиде» высказали лишь 10% опрошенных.

Обратимся теперь к «Арабской весне». То, что произошло, — не единый поток, не одна модель, а ряд специфических ситуаций.

Но у них есть одно общее — требование свободы.

Это не классовая революция, не война бедных против богатых, не межплеменные и межконфессиональные распри (хотя все это в той или иной мере присутствует в калейдоскопе событий с совершенно неясными линиями фронтов). Нет никакого единого идеологического дискурса. Ясно только, что арабы, о которых привыкли думать, что они способны лишь на борьбу с колонизаторами или на военные перевороты, восстания под зеленым знаменем ислама, — показали себя в ином, доселе неизвестном качестве. «Надоело! Не верим! Не боимся!» — сказали люди. Назрело желание перемен (что, кстати, отличает арабское общество от большинства российского населения, похоже, опасаясь любых крутых изменений).

Свержение диктаторских и авторитарных режимов привело, естественно, прежде всего, к торжеству свободы слова — так всегда бывает после победы революции. Для людей, привыкших к монотонной жвачке официальной пропаганды, особенно для молодежи, через Интернет знакомой с обстановкой в демократических странах, возможность свободно критиковать власть, выдвигать какие-то свои идеи, знать, что твой голос слышат, — великое достижение.

В тех арабских странах, где дело дошло до взрыва, падение сурового brutalного режима приводит к эффекту «лопнувшего обруча». Все, что было десятилетиями подморожено, загнано под землю, вырывается наружу — культурные, ментальные и исторические различия, давнишняя взаимная неприязнь, старые счеты и обиды. Наступает

момент, когда самым различным, внезапно появившимся группам кажется, что все можно наверстать, все ухватить, выйти на авансцену, добиться доминирующей позиции. В вакуум, неизбежно образующийся вследствие краха авторитаризма, который оставил после себя политически выжженную землю (без реальной оппозиции, идейных течений, авторитетных лидеров, властителей дум), врываются все кому не лень, начиная от мыслителей-богословов, фундаменталистов, дождавшихся своего часа, и кончая популистами и демагогами всех мастей, нахрапистыми атаманами и полевыми командирами. Пришла вольница, все ловят рыбку в мутной воде. Это цена свободы. Джинн выпущен из бутылки...

Один из ключевых вопросов: не превратится ли Египет в исламское государство, не станут ли доминировать в стране «Братья-мусульмане»?

Нельзя отрицать экстремистский и террористический характер прошлой деятельности «Братьев». Созданная в 1928 году школьным учителем Хасаном аль Банной, эта организация сразу же зарекомендовала себя как яркий представитель мусульманского фундаментализма. В течение нескольких последних десятилетий, однако, братство зарекомендовало себя в качестве относительно умеренной организации (по исламистским меркам). Это не «Аль-Каида» и не алжирские исламистские головорезы. «Братья» всегда шли на парламентские выборы, а поскольку они были официально запрещены, их кандидаты выставлялись как независимые.

Можно ли доверять умеренности «Братьев» и полагаться на то, что, получив большинство голосов на свободных выборах, они станут просто одним из крыльев легитимного политического процесса? Никто не в силах ответить на этот вопрос. Оптимисты уверены, что, придя к власти, «Братья» будут руководствоваться прагматизмом, отдавая лишь риторическую дань своим убеждениям. Но это еще вопрос — смогут ли и захотят ли они менять кожу или хотя бы постепенно избавляться от своих броских исламистских одежд, которые и создали им репутацию. А если при этом еще и с экономикой дела пойдут не так, как ожидает народ, всегда надеющийся на быстрые перемены к лучшему после избавления от ненавистной старой власти? На братство обрушатся и единомышленники — салафиты — за отход от исламских принципов, и светские силы, включая военных — за неспособность вывести страну из кризиса. Тогда, безусловно, можно ожидать раскола внутри организации, и поднимут голову все ее враги.

Но не только мер экономии добивается Запад, прежде чем финансировать новый египетский режим. Нужны гарантии того, что не будет никакой радикальной исламизации. Каирским властям нужно возрождать туризм, получать кредиты из-за рубежа, звать, приглашать

иностранных инвесторов. Но ради этого придется чем-то жертвовать, отказаться от введения шариата в его максималистском значении, близком к мракобесным установкам «Аль-Каиды» или Талибана.

Итак, исламисты, играющие сейчас первую скрипку на политической арене Египта и Туниса, оказались между Сциллой и Харибдой: идти по пути исламизации и внедрения шариата в суровой пуританской форме, как это предписывает их идеология — означает риск оттолкнуть от себя Запад и не получить ни кредитов, ни иностранных инвестиций. Тогда экономика может рухнуть окончательно, и разочарованное, рассвирепевшее население сбросит исламистов с вершин власти — вероятно, надолго, если не навсегда. А отказаться от давно разработанной и разрекламированной идейной платформы салафитского типа — значит подставить себя под удар более радикальных, экстремистски настроенных единомышленников.

Несомненно, за исходом этого эксперимента самым внимательным образом будут следить не только в таких арабских странах, как Ливия, Марокко, Иордания, государства Персидского залива, где исламисты в ходе «Арабской весны» существенно укрепили свои позиции, но и в мире ислама в целом. Исламское сообщество, давно привыкшее смотреть на себя как на нечто особое и уникальное, переживает «момент истины». Речь идет не больше и не меньше как о важнейшей принципиальной проблеме: совместим ли ислам с демократией?

Ноха БАКР (*Египет*)

БЛИЖНИЙ ВОСТОК: СЛОЖНЫЕ ЗАДАЧИ БЕЗОПАСНОСТИ

В последнее время Ближний Восток столкнулся с серьезными задачами в сфере безопасности, вызвавшими во всем мире опасения нагнетания этой серьезности и воздействия на глобальную безопасность. Ни одно государство не может надеяться распространить свою власть по всему земному шару, не имея доступа на Ближний Восток или минуя его. Никто не может также игнорировать роль стран Персидского залива в снабжении горючим вооруженных сил всего мира, в питании энергией мировых экономических систем и в установлении мировых цен на источники энергии.

Традиционные вызовы безопасности на Ближнем Востоке

Терроризм по-прежнему остается основным вызовом безопасности на Ближнем Востоке. Террористические сети, такие, как «Аль-Каида», все еще существуют в таких районах, как Пакистан и Йемен. Обучение методам противодействия терроризму всегда было естественной областью сотрудничества ближневосточных государств и различных международных силовых структур и входило в число региональных приоритетов. Учитывая переходный послереволюционный период, который переживают сейчас некоторые ближневосточные страны, есть опасения, что сотрудничество в борьбе с терроризмом не развернется во всем своем объеме, поскольку ряд стран Ближнего Востока сосредоточивает внимание на внутренних сложных задачах экономического, политического и социального развития.

Существуют и другие опасения глобального характера по поводу воздействия нестабильности в этом районе, которая может привести к тому, что террористические группировки станут приобретать доставленное контрабандой оружие или получают доступ к оружию массового уничтожения, которое может появиться в любом из государств Ближ-

него Востока. То же самое относится и к государствам, на которых негативно сказывается отсутствие безопасности и стабильности в регионе и которые предоставляют убежище террористическим группировкам.

Второе. Иран, чьи ядерные устремления по-прежнему воспринимаются как основной вызов безопасности на Ближнем Востоке. Ядерный Иран — такая возможность является очень сложной задачей в сфере безопасности для международного сообщества, тем не менее, эти устремления находят большое понимание за некоторыми из закрытых дверей на Ближнем Востоке.

Сведения о создании ядерных вооружений в любом ближневосточном государстве зачастую приводят к тому, что в регионе общественную поддержку получают призывы к его созданию в других государствах для обретения сдерживающей мощи, что способно привести к хаосу на всех уровнях. Стремления превентивного нацеленного удара по Ирану губительно скажутся на всем регионе в плане безопасности, в социальной, экономической и экологической сферах.

Третье. Арабо-израильский конфликт, он по-прежнему остается главным источником вызовов безопасности на Ближнем Востоке. У этого конфликта глубокие исторические корни, в нем переплетены бесчисленные интересы крупных держав¹. Израиль сталкивается с неопределенностью, вызванной переменами (особенно недавними революциями), происходящими в регионе. Внутренние конфликты среди палестинцев еще больше усложняют достижения решения в отношении Палестины. Группы «Хамас» на палестинских самоуправляемых территориях получают поддержку со стороны Ирана, который снабжает их оружием и даже обеспечивает военную подготовку, что и привело к тому, что «Хамас» полностью овладел Газой. Тем временем «Фатах» по-прежнему не в силах поддерживать закон и порядок, а более десяти других палестинских фракций налаживают связи и получают поддержку как изнутри, так и извне региона. Тем временем Израиль продолжает создавать поселения, оставляя очень мало земель, о которых можно договариваться.

Этнические и расовые распри по-прежнему остаются главным источником вызовов безопасности на Ближнем Востоке. Что касается суннитов и шиитов, двух основных направлений в исламе: Иран активно поддерживает и поощряет шиитское большинство в Ираке на про-

¹ *Öjendal J., Schulz M., Swain A. Security in the Middle East — Increasingly Multidimensional and Challenging (Аджендал И., Шульц М., Суайн Э. Безопасность на Ближнем Востоке: возрастающая многомерность и усложненность. Academia.edu, август 2009 г.). — URL: http://www.academia.edu/382039/Security_in_the_Middle_East-Increasingly_Multidimensional_and_Challenging*

возглашение независимого шиитского государства, в то время как в Бахрейне шииты сталкиваются с серьезной маргинализацией, а Саудовская Аравия поддерживает суннитов в зоне Персидского залива, опасаясь роста иранского влияния. В Сирии после Башара Асада, как ожидается, отношения между суннитами и шиитами станут основным вызовом безопасности, тогда как в Ливане положение всегда было на грани открытого соперничества.

Курды, не имеющие государственности, расовое меньшинство, проживающее вдоль границ или на территории Ирака, Сирии, Ливана и двух других соседних региональных держав, также являются источником вызовов безопасности. В Турции и Иране также имеется значительное курдское меньшинство. Всего в регионе около 27 млн курдов, они составляют от 15 до 20% населения Ирака, 8% — Сирии, 7% — Ирана². Новообретенная полунезависимость курдское население Северного Ирака (имеет собственный парламент и флаг) вызывает серьезные беспокойства у трех других стран, воспринимающих такое развитие событий как прямую угрозу их собственной внутренней безопасности³. Возможно усиление трений в Ливии с ее племенным устройством, равно как и в Египте, если судить по сообщениям о христианах-коптах и живущих на юге нубийцах, которые страдают от дискриминации (приметы которой отыскать в высшей степени легко) и выражают недовольство.

Нетрадиционные вызовы безопасности

Страны Ближнего Востока с начала 2010 года прошли через период внутреннего спроса на перемены для достижения благоприятного государственного управления. В ряде стран это выразилось в осуществлении внутренних реформ, тогда как в других это привело к буре революций, которые назвали «Арабской весной». Исход этих революций колеблется от избрания исламистских политических режимов, переноса вызовов переходной фазы справедливости на экономический и политический уровни до такого крайнего выражения, как гражданская война в Сирии. Все это порождает вызовы безопасности, которые выплескиваются через границы и негативно сказываются на соседних странах (региональный уровень), равно как оказывают воздействие на сферу безопасности на международном уровне.

Первое. Исламистские политические режимы. После революций пали такие тиранические лидеры, как Хосни Мубарак, Муаммар Каддафи, Бен Али и Али Абдуллах Салех, последовали выборы. Явным

² CIA World Factbook («Всемирная книга фактов ЦРУ»).

³ Аджендал И., Шульц М., Суайн Э. Указ. соч.

победителем на них в Египте и Тунисе оказался политический ислам, чего нельзя сказать о Ливии. Международное сообщество наблюдает за деятельностью таких группировок, как исламистские партии салафитов и «Мусульманское братство», за тем, насколько верны они оказываются своим международным обязательствам, что делают для достижения терпимости и уважения к правам этнических, религиозных и расовых меньшинств и женщин.

Второе. Сложные задачи безопасности, существующие во времена переходные, в изобилии представлены на Ближнем Востоке. Большинство стран на Ближнем Востоке уже свергли у себя авторитарные режимы и сталкиваются с вызовами безопасности. Для Египта это поток контрабандного оружия из Ливии и Судана, а также серьезные трудности в сфере безопасности на египетском Синае, которые несут в себе главную угрозу из-за общей границы с израильтянами. Доступное изобилие оружия, не находящегося под контролем государства, отсутствие стабильности и безопасности, а также воздействие этого на развитие являются значительным вызовом безопасности. То же самое относится к Ливии, Тунису и Йемену, где способность обеспечить безопасность до сих пор является весьма сложной задачей.

Третье. Избыточный поток беженцев в регионе. В Сирии наличествует один из основных вооруженных конфликтов «Арабской весны», число погибших в котором растет день ото дня, а число беженцев достигло одного миллиона. В регионе же и без того находятся незаконные мигранты, считающиеся значительной угрозой безопасности. Проблема беженцев (не лучшим образом) сказывается на соседних странах, которые и так испытывают экономические трудности.

Сирийцы по-прежнему испытывают тяжкие страдания и внутри, и вне страны. Сектантская борьба между меньшинством алавитов, включающим в себя семейство Асада, и другими сектами в обществе оборачивается человеческой катастрофой. Падение режима в Сирии способно активизировать «Хезболлу» и даже привести к вооруженному столкновению с Израилем, которое может выйти из-под контроля и пагубно сказаться и на Иордании, поскольку сирийские перебежчики или те, кто поддерживает режим, могут попытаться подорвать стабильность Иордании⁴.

Четвертое. Нехватка воды представляет собой существенный вызов безопасности на Ближнем Востоке. Количество и качество запасов пресной воды здесь, как и во многих других частях света, убывает

⁴ Laipson E. The Changing Middle East: Updating The Security Agenda. — Stimson, August 02, 2012 (Лэйнсон Э. Меняющийся Ближний Восток: обновление повестки дня в сфере безопасности). — Стимсон, 2 августа 2012 г.). — URL: <http://www.stimson.org/spotlight/the-changing-middle-east-updating-the-security-agenda>

в результате загрязнения среды, растущего спроса и расточительного использования.

Борьба за контроль над бассейном реки — одна из самых обсуждаемых тем в литературе «водных конфликтов»⁵. Еще один вызов безопасности имеет отношение к нехватке воды: напряженность привносит в регион злокозненное употребление некоторыми государствами подземных вод.

Рекомендации

По иранскому делу. Применение силы в качестве ответа на иранские вызовы не является идеальным решением, что дает основание рекомендовать международному сообществу продолжать воздействовать на ядерную деятельность Ирана посредством многосторонней дипломатии. Переговоры между Ираном и пятью постоянными членами Совета Безопасности ООН (П5) и Германией необходимо наращивать с целью ослабления напряженности в регионе. В дополнение к поискам новых подходов необходимо уделять внимание созданию зон, свободных от оружия массового уничтожения, а также пересмотру ДНЯО, избавив его от двойных стандартов в отношении обязательств ядерных и неядерных государств.

По арабо-израильскому конфликту. Важно отметить, что суматоха в арабском мире, возникшая в процессе поисков демократии после революций, начавшихся в этом регионе в 2010 году, делает попытки достичь мира в арабо-израильском конфликте еще более насущными, чем прежде. Достижение решения на основе двух государств в рамках «Арабской инициативы» нельзя сбрасывать со счетов. Международному сообществу необходимо призвать израильское правительство прекратить создание поселений, поскольку это еще больше усложняет процесс мирных переговоров.

По вызовам безопасности, вызываемым гонкой среди государств региона за обладание контролем над водными ресурсами. Не контроль, а, скорее, сотрудничество необходимо для наилучшего использования скудных запасов воды. Дальнейшие соглашения между странами бассейна в отношении использования международных водных бассейнов в регионе для общей пользы всех прибрежных государств.

По новым исламским режимам после арабских революций. Международному сообществу необходимо проявлять терпимость к выходу на передний план политического ислама. Есть международное обязательство работать с теми официальными лицами, которые были всенародно избраны своим народом, наставлять их и поддерживать, добиваясь

⁵ *Аджендал И., Шульц М., Суайн Э. Указ. соч.*

благопристойного государственного управления, на политическом, экономическом и социальном уровнях. На сирийском фронте международному дипломатическому вмешательству необходимо наращивать усилия для достижения выхода из человеческих бедствий сирийцев и для помощи в прорисовке сирийцам их будущего после Асада, которое не ввергнет всю страну в полнейший хаос.

У каждой страны, оказавшейся на переломе, есть свои собственные важные задачи в сфере безопасности, а потому каждая нуждается в поддержке в разных аспектах. Не считая Ливии, международная экономическая помощь оказала бы большое воздействие для ограничения возможностей нарушения мира на Ближнем Востоке. Странам, находящимся на стадии переходной справедливости в регионе, необходимо обрести стабильность и безопасность.

Лигу арабских государств можно наделить полномочиями и дать ей право посредством дальнейшего сотрудничества и координации деятельности с ООН играть главную роль в поддержании мира и безопасности в регионе, оказывая содействие странам в этом регионе, находящимся в стадии переходной справедливости, усиливая гражданское общество, создавая силы по поддержанию мира и развивая сотрудничество «Юг — Юг» на экономическом уровне.

Валерий БОНДАРЕНКО (Беларусь)

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ И ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ В БЕЛАРУСИ

Процессы Евразийской интеграции вызывают различные мнения и позиции в белорусском обществе — и не только в белорусском. Это вполне естественно и нормально. В этом контексте все более отчетливо проявляются мнения и позиции, которые отражают обычную для многих стран обеспокоенность судьбой своей «национальной идентичности» и «национального самосознания», что тоже естественно и нормально. Но не менее естественно возникает вопрос: а удержатся ли эти нормальные процессы в «нормальных рамках»? Не приведут ли они к такому росту национализма — этнического и политического, — который будет реально препятствовать более глубоким процессам интеграции, как это задумано в Москве? Или вся интеграция ограничится Таможенным союзом или даже зоной свободной торговли (ЗСТ), как это задумано в Киеве и, видимо, не только в Киеве? Российское руководство не единожды ошибалось в оценках ситуации в ближнем зарубежье...

Vox Populi — Vox Dei. Глас народа — глас Божий?..

Отвечая на вопросы участников Всероссийского молодежного форума «Селигер-2011», В. Путин сказал, что создание единого государства России и Беларуси по образу СССР «очень желательно и полностью, на 100 процентов, зависит от волеизъявления белорусского народа»¹.

Конечно, никто не сомневается в том, что «историю делает народ» и что «Vox Populi — Vox Dei». Есть различные трактовки глубинного смысла этой фразы, но если ее понимать буквально, то получается, что известные «пробуксовки» в союзном строительстве тоже зависят «от волеизъявления белорусского народа»?

¹ URL: <http://www.charter97.org/ru/news/2011/8/2/41150>

Но если так, то почему же до сих пор Россия не работает с гражданским обществом соседних стран столь же масштабно и продуктивно, как это делают Евросоюз и США? Российское руководство не слышало о политике «мягкой силы» («soft power»)? Или российская элита не считает нужным тратиться на эту *неприбыльную* сферу? Или ей просто нечего сказать гражданскому обществу соседних стран?

Эти вопросы нередко звучат в контексте Евразийской интеграции в экспертных кругах соседних стран². Но сегодня Россия практически не оказывает поддержки каким-либо неправительственным организациям (НПО/НГО) в ближнем зарубежье. Она не имеет каких-либо структур, фондов, программ, наподобие американских или европейских TACIS, TEMPUS, EIDHR, еврорегионы, USAID и т.п.

Сегодня в арсенале Кремля лишь «индивидуальная работа» с официальными лидерами стран-соседей, а также Газпром и санитарная служба России. В результате имеем то, что имеем.

Жарким летом 2010 года, в разгар очередной информационной войны между Москвой и Минском, в белорусских СМИ появлялось немало публикаций с заголовками типа «Белорусское общество избавляется от пророссийских настроений»³. Отмечалось, в частности, что за последние 10 лет в Белоруссии в два раза (!) сократилось число граждан, поддерживающих Союз Беларуси и России: сегодня «40% белорусов считают, что Белоруссия и Россия должны активно развивать Союзное государство — 10 лет назад в поддержку Союзного государства высказывались 80% белорусов. Только чуть больше 2% белорусов сегодня считают, что Беларусь должна войти в состав Российской Федерации как регион». Также отмечено, что информационный фон серьезно влияет на общественное мнение: «Если антироссийская пропаганда продолжится, то будет только укрепляться желание белорусов жить без любых объединительных проектов»⁴.

Накал информационных войн «приятно» удивлял даже тех украинских наблюдателей, которые «москальскими приправами» привычно сдабривают все свои политологические блюда. (Ах, какая неожиданность, кто бы мог подумать...)

После декабря 2010 года — после почти сенсационных московских соглашений Беларуси и России о Таможенном союзе — информационный фон в СМИ резко изменился. Изменились также, но уже не столь существенно, оценки и суждения в общественном мнении.

² «Путин должен быть более жестким к Украине». — URL: <http://www.newimperia.ru/magazine/article/putin-doljen-byit-bolee-jestkim-k-ukraine>

³ URL: <http://www.news.tut.by/society/188156.html>

⁴ Там же.

Реформа политической системы в Беларуси

В 2013 году в Беларуси предполагается некоторое изменение Избирательного кодекса и избирательной системы: часть парламента, вероятно, будет избираться по партийным спискам. Эту тему глава государства высказал в 2012 году в своем ежегодном Послании народу и парламенту: «Мы должны прийти к нормальной цивилизованной партийной системе»⁵. Это надо понимать как усиление роли парламента и политических партий. Что это означает для России?

Ранее руководство России, по старой советской традиции, «решало вопросы» в соседних странах-партнерах только с лидерами этих стран, не утруждая себя — и лидеров этих стран — работой с гражданским обществом, с политическими партиями, с независимыми экспертами. (Не это ли приводило к серьезным ошибкам в оценках ситуации?)

Эта практика имела и достоинства, и недостатки, приводила и к сенсационным успехам, и к «неожиданным» провалам. Но в условиях многопартийного парламента даже у самого авторитарного лидера появляется возможность уйти от «кулуарного решения вопросов» под вполне благовидным и демократичным предлогом «надо посоветоваться с парламентом»...

Очевидно, что это вызывает — или должно вызывать — более значительный интерес к партстроительству и к возможному раскладу сил. Иллюзий никто не питает, но политическая структура парламента союзного государства — Беларуси — должна интересовать российскую элиту хотя бы из академических соображений.

В настоящее время в гражданском обществе Беларуси отчетливо обозначаются *три принципиально различные позиции* или *три группы мнений*. Для краткости и для наглядности их можно назвать, по исторической аналогии, «западники» (сторонники вступления в ЕС и категорические противники Евразийской интеграции), «славянофилы» (или «евразийцы», т.е. сторонники Евразийского союза) и «центристы» (подробнее см. ниже). Собственно, даже теоретически иного расклада позиций по данному геополитическому вопросу и быть не может, но именно это — теоретически нормальное и ожидаемое распределение — придает убежденность в обоснованности данной типологии. Ранее в белорусской блогосфере явно преобладало прозападное большинство и даже «большевизм прозападного толка» — «либеральный тоталитаризм», — что явно не отражало реального расклада мнений⁶.

⁵ URL: http://www.ng.by/ru/issues?art_id=68340

⁶ См. напр.: *Бондаренко В.* Модернизация Беларуси и «большевизм» гражданского общества.

В недалеком будущем эти три группы мнений могут стать основой трех различных общественно-политических движений: геополитическая тематика в Беларуси, как и в Украине, гораздо более популярна, чем в соседних странах.

Современная ситуация: главный «геополитический ориентир белорусов — карман»... и политическая малограмотность

Всего по состоянию на 1 января 2012 года в Республике зарегистрировано 15 политических партий и 2402 общественных объединения. По направлениям деятельности преобладают физкультурно-спортивные (595), благотворительные (394), молодежные (211) и «прочие» (545) общественные объединения. Разумеется, нет какой-либо надежной статистики по геополитическим симпатиям зарегистрированных НГО, как и по политическим симпатиям вообще. Но статистика геополитических предпочтений граждан есть и она свидетельствует, как отмечено в одном исследовании, что главный «геополитический ориентир белорусов — карман»⁷.

И, добавим, политическая малограмотность. Так, результаты ряда обследований показывают: примерно 17–20 % «хотели бы жить в ЕС»; примерно 20–25 % — в Беларуси, не входящей в союзы, и примерно поровну (по 28–30 %) — в союзе с Россией... и в союзе с Россией и ЕС одновременно!

Что ж, можно считать, что белорусы благоразумно высказываются за идею генерала де Голля и Президента В. Путина «Европа от Атлантики до Урала или до Тихого океана». В понимании президента Беларуси А. Лукашенко эта идея звучит как «интеграция интеграций»: «Нам нельзя замыкаться в этой интеграции (т. е. в Евразийской. — В.Б.). Евразийский союз я вижу как неотъемлемую часть общеевропейской интеграции»⁸.

«Ценностная мотивация геополитического выбора отсутствует практически полностью», подчеркивают многие эксперты. А это означает, наряду с прочим, что в обществе нет устойчивых геополитических предпочтений... Казалось бы, в этой ситуации сторонники В. Путина и российского видения Евразийского союза должны, как минимум, активизировать свою политику «мягкой силы»!

Интересно, что в соседней Украине, при всем разнообразии и обилии политических партий, примерно такой же расклад геополитических предпочтений и примерно такой же уровень политической гра-

⁷ См. напр.: «Геополитические предпочтения белорусов: слишком прагматичная нация?». — URL: <http://www.belinstitute.eu/ru/node/847>; http://www.navyiny.by/rubrics/politic/2010/05/24/ic_articles_112_167925

⁸ URL: <http://www.zn.by/my-predlagaem-integratsiyu-integratsii-lukashenko.html>

мотности населения. Достаточно сказать, что в Киеве (!) примерно 25–30% составляют сторонники откровенно профашистской, антисемитской и русофобской партии «Свобода», а из них примерно 35–40% (!) выступает за Таможенный союз с Россией... Похоже, и в Беларуси, и в Украине политическим деятелям пора активничать не только в Интернете и на своих тусовках, но также «идти в народ», как это делали их предшественники 100–130 лет назад.

Идеология и геополитические установки современных западников, евразийцев и центристов

Западники. Идейный арсенал и лозунги «западников» хорошо известны: «Беларусь — в Эуропу!» и «Холодом веет от Кремля». Идеологиемы Запада (свобода, демократия, рыночная экономика) почти неоспоримы: теоретически этим идеям почти невозможно противопоставить некие равноценные идеи. Однако практика реализации этих идей столь богата абсурдными и даже маразматическими примерами, что политическая необходимость в теоретических дискуссиях отпадает. Если в центре европейской цивилизации мэрии городов как бы «стесняются» устанавливать рождественские елочки — как еще надо агитировать доброго обывателя и избирателя против «западных свобод»?

Военно-полевые методы «демократизации» ряда арабских стран и «цветные революции» в СНГ — тоже убедительный аргумент в виртуальных дискуссиях о «либеральных европейских ценностях». Для действующих властей и для большинства законопослушных граждан в Беларуси — как и в любой другой стране СНГ — этого более чем достаточно для принятия верноподданного геополитического решения НЕ в пользу западного вектора.

Престиж ЕС заметно упал в белорусском гражданском обществе также в связи с известными изменениями в тактике ЕС относительно распределения грантов для деятельности НГО: ранее этих грантов было просто больше, и распределялись они на конкурсной основе. Сегодня грантов стало меньше и существенно изменился порядок их распределения: конкурсы проводятся лишь для формальности, а грантодатели давно и хорошо знают, кого из белорусских НГО предстоит одаривать. Так это или нет на самом деле — иной вопрос, но такое мнение существует и оно не только поддерживается тезисом о «пятой колонне», но и само по себе укрепляет доверие к этому тезису.

Экономическая аргументация «западников» для Беларуси вообще устремлена «в далекое светлое будущее»: сегодня, как и 10–15 лет назад, ЕС ничего предложить просто не может, кроме очередных обещаний.

Пропагандистам «западного вектора» в этой ситуации не позавидуешь, приходится все более серьезно искать весомые аргументы. Ранее это было не столь актуально, но сегодня появились оппоненты и контраргументы у этих оппонентов: у «евразийцев» и у «центристов».

Однако, несмотря на все текущие проблемы и просчеты, западный вектор по-прежнему весьма востребован и обществом, и государством. Запад для большинства населения — это реальный образец и символ высокой культуры труда и быта, это высокие стандарты качества во всех сферах, это модернизация и прогресс и т. п. Едва ли есть в Беларуси сколько-нибудь вменяемые люди и силы, которые НЕ хотели бы нормальных, добрососедских и конструктивных отношений с Западом.

Известная идея генерала де Голля «Европа от Атлантики до Урала» (или до Тихого океана, до Ванкувера и т. д.) вызывает серьезный практический интерес у влиятельных лиц не только в Минске и Москве, но и, что важнее в данном случае, в европейских столицах. Но где и как делается европейская политика — это вопрос... Мудрый европеец У. Черчилль заметил со знанием дела: «Можно быть уверенным, что Америка обязательно изберет правильный путь — после того как перепробует все остальные».

«Евразийцы» в своем пропагандистском арсенале имеют, прежде всего, очевидные экономические аргументы: Таможенный союз, огромный российский рынок (в том числе емкий рынок рабочей силы), российские энергоносители. Эти экономические аргументы в высшей степени убедительны и неоспоримы практически. Теоретически можно рассуждать о чем угодно — и о том, что Беларусь, мол, «на нефтегазовой игле», и что «Москва все поглотит», и что она «политически давить будет»... И даже — о, ужас! — в процессе евразийской интеграции может быть введен ужасный российский рубль! Ситуация на рынке труда — это когда «голосуют ногами» — вообще оставляет всяких теоретиков и пропагандистов без слушателей, ибо «все ушли за длинным российским рублем».

Однако евразийский вектор, в отличие от западного, пока не опирается на столь же мощную идеологическую платформу. Имидж России тоже не способствует ее коалиционной привлекательности. Денежная Россия не очень щедра на «мягкую силу» («soft power»), да и не очень изобретательна в этой сфере и в современных методах PR. «Откаты» в сфере грантов на идеологическую работу в ближнем зарубежье тоже, как говорится, никто не отменял. Считается, что отсутствие идеологии и неясность отдаленных политических и организационных перспектив Евразийского союза являются серьезными препятствиями.

В настоящее время сторонники евразийского пути в Беларуси предлагают рассматривать в качестве идеологической платформы либо

известную в общих чертах, но очень «громоздкую» концепцию евразийства, либо концепцию западноруссизма.

Концепция евразийства, как и западноруссизма, весьма глубоко разработана и очень интересна сама по себе. В этом смысле она вполне способна стать основой идеологии некоего общественно-политического движения. Но мы живем в мире политтехнологий, а не теоретических концепций, а в этом контексте идеи евразийства (как и западноруссизма) пока НЕ технологичны. Эти идеи пока невозможно выразить в форме двух-трех доходчивых рекламных слоганов типа «Liberte, Egalite, Fraternite» («свобода, равенство, братство»), известных со времен Французской революции. Если же идеология не выражена в доходчивых лозунгах, она не работает: неясно, что же надо скандировать на митингах. Не кричать же, в самом деле, «Москва — Третий Рим, а четвертому — не бывать!»...

Евразийцы НЕ позиционируют себя как оппозиционное движение, своей программной задачей считают общественно-политическую поддержку интеграционных процессов и инициатив на постсоветском пространстве. Но надо ли сегодня властям дополнительная — общественная поддержка евразийских интеграционных процессов? Надо ли властям неподконтрольное евразийское движение — и движение вообще?

Центристы имеют серьезное преимущество по определению: они — лоялисты и, теоретически и практически, могут опереться на весь идейный, политический, организационный потенциал государства. Геополитическая позиция центристов полностью совпадает с установкой руководства РБ на многовекторную внешнюю политику. В сфере социально-экономической политики и политэкономии (приватизация, госсобственность) они считают нынешнюю белорусскую модель наиболее приемлемой для Беларуси и, возможно, для соседних стран.

В ответ на критику «с запада и с востока» центристы предлагают, нередко, довольно убедительные аргументы — во всяком случае, более убедительные и более неформальные по сравнению с официальной пропагандой. Например, в ответ на известный тезис о том, что белорусская модель существует только благодаря российским дотациям, белорусские центристы приводят такие контраргументы:

— Россия имеет собственные ресурсы, но не умеет ими распорядиться столь же эффективно для большинства населения;

— благодаря белорусской модели и, в частности, благодаря сильной авторитарной власти руководство Беларуси в труднейших условиях обеспечило суверенитет и политическую независимость страны, обеспечило возможность для развития белорусской национальной идентичности и самосознания.

В плане реальной политики именно инициативной группе молодых центристов удалось в ноябре 2012 года организовать в Минске неформальный «круглый стол» с участием довольно высоких представителей ЕС и белорусского внешнеполитического ведомства. Это — реальный результат.

Возможно, позиция «центристов» — это именно тот случай, о котором говорят, что «истина лежит посередине». Возможно... Но пока в геополитике отчетливо проявляется такая закономерность: «Посередине (т. е. между двумя глобальными силами) находится НЕ истина, а проблема». Пример — соседняя Украина и удаленная Ливия. Бывшая Ливия.

Перспективы «партстроительства»: пророссийские НГО без поддержки России

Сегодня можно говорить лишь о том, что эти позиции или группы мнений могут быть объединяющими идеями для общественно-политических движений. «Движение» от «партии» отличается тем, что «движение» может объединять различные партии и людей с разными взглядами по любым вопросам, выходящим за рамки этого движения. «Движение» не имеет постоянного членства и некой структуры управления, не имеет формальных партийных функционеров. Сегодня похожие процессы уже прослеживаются в белорусском гражданском обществе.

Если же дело дойдет до образования политических партий на трех названных платформах или, того и гляди, до объявленной реформы избирательного законодательства, то в оригинальных белорусских реалиях возможны весьма забавные конструкции. Особенно безрадостной выглядят перспективы пророссийских и/или евразийских НГО.

Ненастной весной 2012 года в Минске состоялся учредительный съезд Евразийского народного союза (ЕНС), который продемонстрировал высокий потенциал этого движения. Но за пару месяцев до этого события в блогосфере появились размышления, напоминающие подзабытый жанр... «политический донос»: дескать, создаваемая «пророссийская» общественная организация русскоговорящих писателей, поэтов, ученых-западурусистов (т. е. ЕНС) может содействовать... «пророссийскому» государственному перевороту! И далее — предложение властям своих услуг по борьбе с этим «москальским» общественным движением... Приведу пару цитат: «Создание ЕНС является прямым вызовом безопасности государства в целом, а не только его политической верхушки»⁹.

⁹ См. напр.: «Евразийский народный союз: кто «за» и кто «против». — URL: <http://www.regnum.by/news/1503452.html>

Далее авторы вполне резонно предполагают, что в сложившейся геополитической ситуации (ссоры с Западом и «замирение» с Россией) белорусским властям было бы «неудобно» открыто противодействовать созданию проевразийской (пророссийской) НГО, а потому «более рациональным видится нейтрализация пророссийских сил внутри Беларуси руками другой общественно-политической структуры при поддержке властью». (Очень мило, не правда ли?) Остается добавить, что ЕНС было отказано в госрегистрации в строгом соответствии с действующим законодательством. Что и предсказывали многие опытные наблюдатели.

Гораздо более оптимистичными выглядят перспективы на «центристском поле». Современные «центристские» НГО, скорее всего, станут частью некоей «партии власти», которая уже практически существует. Роль политического «центра» будет выполнять, вероятно, Республиканское общественное объединение «Белая Русь», созданное «сверху» лет 10 назад, после очередных президентских выборов¹⁰. Сегодня практически все готово для преобразования этой общественной организации в «партию власти», даже оргструктура в виде обкомов и горкомов: какая же без них «партия власти».

И только «западники», как и прежде, в прежнем виде и в полной готовности примут участие в новых политических реалиях и, видимо, в новом парламенте.

Многолетняя системная и грамотная политика «мягкого влияния» Запада дает свои плоды даже в «самой советской республике» бывшего СССР.

¹⁰ URL: <http://www.belarus.by>

Ксения БОРИШПОЛЕЦ, Станислав ЧЕРНЯВСКИЙ

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ЗИГЗАГИ УКРАИНСКОЙ ЭЛИТЫ

На протяжении всего постсоветского периода руководство Украины ориентировало страну на динамичное расширение хозяйственных связей с европейскими государствами и вовлечение в многостороннее сотрудничество по линии ЕС. Результатом этой политики стало существенное сокращение масштабов участия украинской стороны в экономическом взаимодействии со странами СНГ и заметный рост экономических связей на европейском направлении. Однако реального разворота хозяйственной системы Украины в европейском направлении не произошло.

Хотя установившийся к 2003–2004 годам примерный паритет объемов российских и европейских инвестиций к настоящему времени нарушен и по официальным заявлениям инвестиционная доля ЕС за 20 лет украинской независимости составляет около 80%, сотрудничество со странами СНГ, прежде всего с Россией, остается главной несущей конструкцией украинской экономики.

На современном этапе в общем объеме украинского товарооборота торговля с членами СНГ (где Россия является доминирующим торговым партнером Киева) составляет 40%, а торговля со странами ЕС примерно 28%. Помимо стоимостных показателей особую роль играет номенклатура товарообмена, при котором Украина получает из стран СНГ большие объемы стратегического сырья и использует рынки восточных соседей для экспорта своей «условно рентабельной» продукции. Что касается европейских рынков, то возможности поступления на них традиционных украинских товаров остаются ограниченными, а объемы технологического импорта не отвечают потребностям модернизации украинской экономики.

Учитывая постоянные трудности с выполнением бюджета, проблематичность получения дополнительных финансовых средств за счет внешних заимствований и уже имеющиеся долговые обязательства, составляющие более половины ВВП страны, необходимо констатиро-

вать, что вопросы модернизационного развития в партнерской связке, как с ЕС, так и с СНГ, являются для Украины весьма желательной, но все же только гипотетической перспективой. Очевидно, что в ближайшие три-четыре года речь может идти лишь о мерах по обеспечению функционирования украинской хозяйственной системы и поэтапного восстановления ее производственного потенциала. Поэтому ставка на реальный сектор экономики и его отрасли, сохранившие традиционную сопряженность с Россией и другими странами СНГ, является для Украины фактически единственным рациональным выбором. Дополнительным фактором, требующим повышенного внимания к реальному сектору экономики, выступает необходимость значительного увеличения экспортного потенциала страны.

Внутриэлитные проблемы и нестабильность внешнеполитического выбора

Основные сферы экономики страны контролируют более десяти финансово-промышленных групп, активно лоббирующих свои интересы в политике¹. При этом, хотя богатейший бизнесмен Украины — Р. Ахметов (Донецк) считается главным «спонсором» правящей партии (Партия регионов — ПР), в целом, только треть из 50 самых богатых людей Украины являются выходцами из восточных регионов страны.

В персональном плане круг украинских олигархов не отличается ни постоянством состава, ни сплоченностью, ни совокупным размером капиталов, основной характеристикой олигархического бизнеса выступает успешное увеличение европейских активов². При этом число новых проектов в реальном секторе экономики Украины за последние десять лет ничтожно мало, как невелико и число крупных бизнесменов, имеющих инвестиции в странах СНГ³. В целом, олигархический капитал контролирует производство до 90% ВВП Украины (в России, по оценкам авторитетных специалистов, — примерно 35%),

¹ В целом, по авторитетным оценкам 200 богатейших украинцев обладают активами в размере более 90 млрд долл., что почти вдвое превышает государственный бюджет. Среди ведущих фигур обычно называют Д. Ахметова, Д. Фирташа, В. Пинчука, И. Коломойского, Г. Боголюбова, О. Бахматюка, П. Порошенко, О. Мкртчана, С. Таруту, К. Григоришина, В. Нусенкиса, Б. Колесникова и ряд других, причем в последнее время к ним причисляют также и А. Януковича.

² Лидерами по темпам «евроинтеграции» эксперты считают Д. Ахметова и Д. Фирташа, а по количеству компаний, открытых в Европе, — ФПГ И. Коломойского и Г. Боголюбова, а также структуры бизнесменов К. Жеваго, В. Пинчука, и В. Нусенкиса.

³ Считается, что российский вектор представлен частью бизнеса П. Порошенко, К. Григоришина, В. Нусенкиса и Б. Колесникова.

однако основные фонды предприятий в подавляющем большинстве исчерпали свой ресурс в связи с чем конкурентоспособность украинской продукции постоянно снижается. Основные производственные отрасли реальной экономики — машиностроение, металлургия, химическая промышленность и агропром — находятся в тяжелейшем кризисе, причем относительно благоприятные перспективы металлургического и химического производств связаны с возможностями модернизации, но не имеют источников финансирования для обновления основных фондов. В целом, система доминирования олигархической собственности поставила современное украинское общество перед перспективой необратимой деиндустриализации⁴, которая, с учетом конъюнктуры мирового рынка и масштабной внешней задолженности (обусловленной в основном корпоративными займами), может наступить примерно через три года.

Украинские олигархи обладают устойчивыми связями как в правительственных, так и в оппозиционных структурах, что усиливает возможности влияния на процесс принятия решений, но в экономическом плане они с все большей очевидностью превращаются в балласт, паразитирующий на внешних сырьевых и финансовых ресурсах, от которых, хотя и по-разному, зависит бизнес и «энергетика» Д. Фирташа, и «металлурга» Д. Ахметова, и стоящий относительно особняком по своей специализации бизнес В. Пинчука.

Предпринятые в начале 2013 года шаги президента В. Януковича по ограничению круга олигархических группировок, имеющих доступ к бюджетным потокам, очень осторожны. Кроме того, с учетом амбиций его сына А. Януковича, организационного воплощения будущих проектов по добыче сланцевого газа, реверсных газовых поставок из Восточной Европы и ряда аналогичных начинаний, эти шаги означают не стратегический разворот на снижение социально-политической роли олигархов в украинской жизни, а лишь активизацию курса по увеличению числа олигархических структур и упрочению президентского контроля за их лояльностью.

Сформированная по итогам октябрьских 2012 года выборов Верховная Рада 7-го созыва отражает неустойчивость актуального баланса основных политических сил на Украине. Ее состав подтверждает, с одной стороны, ведущую роль правящей Партии регионов (ПР), а с другой — отсутствие у нее конституционного большинства и высокий электоральный потенциал оппозиции, который в ближайшем будущем не позволяет значительно усилить влияние ПР. При этом объективные предпосылки взаимодействия между основными оппозиционными партиями («Батькивщина», «Удар» и «Свобода») выше,

⁴ Подробнее см.: URL: <http://www.regnum.ru/news/1628852.html>-23.02.2013

чем предпосылки сотрудничества с ПР, а их потенциальный блок фактически повторяет контуры «оранжевой коалиции», выигравшей борьбу за власть с помощью многочисленных демонстраций своих сторонников («Майдан»). Хотя в последнее время все попытки добиться масштабного повторения массовых антиправительственных выступлений неизменно терпели поражение, затяжное блокирование работы украинского парламента в начале февраля 2013 года стало для оппозиционных лидеров вполне успешным опытом мобилизации, аналогичной периоду раннего «Майдана». Другими словами, вероятность регулярной эскалации конфликтных ситуаций в парламенте Украины стала реальным риском, что существенно повышает затратность обеспечения ведущего положения ПР в украинской политической жизни.

«Парламентский майдан» останется источником повышенной напряженности украинской политики. Однако, поскольку традиционный регионализм и отсутствие публичных лидеров с положительной харизмой в обозримом будущем будут препятствовать сплочению украинской оппозиции, роль «парламентского майдана» не следует переоценивать в контексте принятия командой президента В.Януковича важнейших государственных решений.

Таким образом, в сфере формальной и неформальной украинской политики сложилась патовая ситуация, препятствующая обеспечению как функционирования, так и развития национальной экономики. Разворот в европейском направлении, опосредованный позицией большинства представителей олигархических групп, может, во-первых, привести к ускоренному разрушению хозяйственной системы страны, а во-вторых, спровоцировать волну нестабильности в связи с сопряженными с европейским вектором проектами радикального перераспределения земельной собственности, де-факто становящейся главным национальным богатством Украины.

Специфика регионального дисбаланса

Важнейшим и постоянно присутствующим фактором политической жизни Украины является регионализм. Региональный формат нынешнего правительства отражает усиление влияния восточного сегмента украинской элиты в системе государственного управления. Одновременно произошло существенное ограничение представительства столичного (киевского) сегмента и численности выходцев из западных украинских областей. Изменения неформального регионального баланса объективно повышают управляемость центрального административного аппарата, но блокируют расширение социальной базы режима В. Януковича, усиливают оппозиционные настроения в среде киевской номенклатуры. Кроме того, при распределении прави-

тельственных и других высоких государственных постов сохраняется конкуренция «донецких» и «днепропетровских» кадров, которые ориентируются на различные олигархические группировки. Хотя вероятность открытого столкновения интересов внутри «восточного» блока украинских элит пока относительно невелика, но также невелика и вероятность безусловного объединения их политических ресурсов, тем более что позиции «днепропетровских» кадров активно укрепляются.

Двухлетний период пребывания у власти президента В.Януковича отмечен заметной консолидацией государственного управления, однако, в целом, властная вертикаль, опирающаяся на традиционную поддержку населения южных и восточных регионов Украины, остается неустойчивой. Несмотря на все усилия, политическое влияние правящей партии в лице ПР не удалось расширить за пределы юга и востока страны, где сосредоточено три четверти ее электората. При этом заметная часть потенциальных сторонников ПР продемонстрировала недоверие к ее политике, поддержав во время парламентских выборов 2012 года партию коммунистов (КПУ).

Признаки неустойчивости основной массовой базы нынешнего украинского режима отмечаются в контексте протестных акций шахтеров и железнодорожников, состоявшиеся в начале 2013 года в Донецке, Луганске и Харькове, которые сопровождались не только социально-экономическими, но и социально-политическими требованиями к действующим властям регионального и центрального уровней.

На современном этапе осложнилась обстановка и внутри правящей ПР. С одной стороны, это связано с новым усилением позиций днепропетровской группировки, уступившей около восьми лет назад свое неформальное лидерство представителям донецких кадров, а другой — с ростом бюрократизации ПР и обособления правительственных чиновников от депутатского корпуса и рядовых членов партии. Однако украинское руководство во главе с В.Януковичем не располагает ресурсами для удовлетворения амбиций даже основных номенклатурных кланов ПР и, вероятно, будет вынуждено прибегать к различным формам давления для поддержания внутрипартийной лояльности. В целом, нынешняя правящая партия Украины вступила в период перестройки с достаточно неопределенными результатами на ближайшие полтора-два года.

Вынужденные ориентиры интеграционного сотрудничества

Украинская элита далека от установления оптимального баланса между «западным» и «восточным» векторами интеграционного сотрудничества. Более того, состояние неопределенности согласуется с интересами влиятельной части предпринимательских и политических

кругов, стремящихся сохранить «серые схемы» управления экономической страны. Другими словами, в ближайшем будущем украинская сторона продолжит ситуативную ориентацию на интеграционные проекты как «восточного», так и «западного» форматов.

Каковы реальные шансы выбора восточного или западного направления?

1. Восточное направление. Состоявшаяся летом 2012 года ратификация Украиной соглашения о Зоне свободной торговли СНГ (ЗСТ СНГ) демонстрирует возросший прагматизм украинского руководства в вопросах международного сотрудничества. Если еще недавно, при обсуждении перспектив вступления Украины в Таможенный союз (ТС), реакция основных политических оппонентов президента В. Януковича была резко отрицательной, а отношение правящей Партии регионов фактически повторяло негативные настроения антироссийских кругов, то на современном этапе вопрос об участии в «мягкой» интеграции по линии СНГ был решен положительно. Противники этого участия оказались в меньшинстве, как на уровне массовых слоев населения, которые, согласно опросам общественного мнения, в основном предпочитают российский вектор европейскому, так и в украинском парламенте.

Важнейшую роль сыграла также активная позиция президента В. Януковича и премьер-министра Н. Азарова, публично озвученные высшими должностными лицами данные о планируемом росте экономических показателей и обещания продолжить переговорный процесс в целях оптимизации цен на энергоносители. Существенными аспектами обоснования правительственного подхода к партнерству в формате ЗСТ СНГ стали намерения добиваться сокращения списка товарных изъятий во взаимной торговле с Россией, продвигать идею участия Украины в системе российских ГТС, а также заверения, что интеграционное сотрудничество в рамках ЗСТ СНГ не противоречит правилам ВТО. Эффективным аргументом сторонников расширения интеграционного сотрудничества по линии СНГ явилось парафирование 19 июня 2012 года Украиной и ЕС соглашения о зоне свободной торговли, которое подтверждало официальный тезис о соблюдении баланса направлений международного сотрудничества.

Вместе с тем, позитивные сдвиги в подходах украинской стороны к интеграционному сотрудничеству в рамках СНГ пока вряд ли можно рассматривать как окончательный этап формирования внешнеэкономического курса страны. Ощутимое противодействие этому курсу способны оказать не только представители западно-украинских элит, финансового сектора или сторонники Ю. Тимошенко в новом составе Верховной Рады, но и вполне лояльные лично президенту В. Януковичу кадры внутри Партии регионов.

В целом, постоянно озвучиваемые предложения о сокращении списка товарных изъятий из соглашения о ЗСТ СНГ предвещают

напряженный стартовый период реализации достигнутых договоренностей интеграционного плана.

2. Западное направление. Ориентация на интеграционное сотрудничество с ЕС была и остается стратегической целью правящих кругов Украины. Однако во второй половине президентского срока В. Януковича в реализации этой цели стали проявляться новые подходы. Они формировались под влиянием интересов преимущественно восточного сегмента украинской элиты, но были поддержаны и значительной частью представителей столичной (киевской) номенклатуры. В контексте вытеснения из официальной политической жизни Ю. Тимошенко команда В.Януковича продемонстрировала не только стремление устранить основного конкурента действующего президента, но и подчеркнуть самостоятельный статус Украины по отношению к европейским партнерам. В этой связи, заключенное Украиной летом 2012 года соглашение о создании зоны свободной торговли и подписание расширенного договора об упрощении визового режима с ЕС можно рассматривать как ощутимую победу украинского руководства на западном направлении многовекторной внешней политики.

По данным социологических опросов, официальный курс на евроинтеграцию в той или иной степени поддерживает не более 40% украинского населения, причем сдерживающим моментом для части жителей западных областей являются радикальные националистические взгляды по отношению к Польше. Тем не менее, курс Украины на евроинтеграцию будет продолжаться, хотя и не столь прямолинейно, как еще несколько лет назад.

Обещанная президентом В. Януковичем в конце 2011 года политика «активной реализации евроинтеграционного курса» приобрела в настоящее время рутинный формат, и хотя она сохраняет статус особого приоритета внешнеполитической деятельности украинского руководства, но основные моменты этой политики подвергаются прагматической переоценке. Вместе с тем, ожидать отказа украинской элиты от планов европейской интеграции в пользу восточного вектора сотрудничества пока нереалистично. Скорее всего, речь идет о попытках реорганизации системы связей с европейскими партнерами в соответствии с насущными потребностями украинской экономики, поскольку гипотетические перспективы наращивания транзитного потенциала Украины оказались заблокированы.

Что же выберет украинская элита?

Нам представляется, что снижение напряженности между «западным» и «восточным» векторами интеграционной политики Украины в краткосрочной перспективе маловероятны. Самым существенным

препятствием для этого выступает деятельность украинского энергетического лобби. Однако важную негативную роль играет и влияние олигархических кругов в украинском информационном пространстве.

Тенденции развития политической ситуации и основные факторы формирования обстановки на Украине не позволяют рассматривать эту страну в качестве надежного партнера России. Несмотря на ряд демонстративных жестов в плане торга по сдаче украинской ГТС в аренду, интереса к диалогу с ТС/ЕЭП, половинчатых уступок относительно статуса русского языка и формальные ограничения критики советского периода украинской истории, правящие круги Украины во главе с президентом В.Януковичем со всей очевидностью завершают в настоящее время период колебаний между «западным» и «восточным» векторами стратегического сотрудничества. Судя по всему, выбор в пользу сближения с ЕС уже сделан. Но особенностью этого выбора является отсутствие завершенности, тем более что вопрос о том, кто и в каком объеме сможет спонсировать «европейскую траекторию» украинских элит, остается открытым.

Разноформатный внешнеполитический торг, развернувшийся между Украиной и ЕС вокруг конкретных условий стратегического сближения, идет весьма активно, хотя и не афишируется в своих деталях. Значимость этого вектора взаимодействия для украинской стороны определяется не только позицией большинства верхнего слоя титульной элиты, но и личной заинтересованностью В.Януковича в повышении своего международного авторитета. Участие США в процессах выбора украинских внешнеполитических ориентиров во многом определяется стремлением сохранить в сфере публичной политики ряд персоналий (и их окружения), в том числе бывших подписантов меморандума о партнерстве Украины с НАТО, а также поддержанием диалога по украинской проблематике с сопредельными с Украиной странами.

Что касается участия в Таможенном союзе (ТС/ЕЭП), то Украина по-прежнему отвергает планы своего полноправного членства, отказывается погасить семимиллиардный долг за российский газ и добивается неоправданных преференций в сфере российско-украинского сотрудничества. В этих условиях избранная правительством России и его партнерами по ТС/ЕЭП принципиальная линия, отвергающая предлагаемый Киевом вариант формата «три плюс один», представляется обоснованной. Очевидно, что членом Таможенного союза и будущего Евразийского экономического союза может быть лишь такое государство, которое приняло и ратифицировало все документы ТС и принципы экономического союза.

Современные подходы украинского руководства к участию страны в региональных интеграционных процессах в «западном» или «восточ-

ном» измерениях по-разному определяются в аналитическом дискурсе. Их сравнивают с «колебанием маятника», «зигзагами» или даже «хождением по кругу». Но, как представляется, проблема выбора пути интеграционного движения заключается для Украины в искоренении иллюзий, связанных с географическим положением страны и надеждами местных олигархов на обретение статуса посредника в распределении ресурсных потоков между различными регионами Европейского континента.

Валерий ПАУЛЬМАН (Эстония)

МРАЧНЫЕ ГРАНИ КРИЗИСА

Современный глобальный кризис, хотя и принято его называть финансово-экономическим, имеет и другие, не менее важные грани — политическую и социальную¹.

Если говорить предельно кратко, то на нынешнем, пятом этапе кризис продолжает углубляться и, несмотря на бодрые заверения политиков, с каждым месяцем дела в глобальной экономике обстоят все хуже и хуже. Это вполне объяснимо: все отрицательные факторы, порожденные кризисом на предыдущих стадиях, сплелись и, в силу *эффекта мультипликации*, усиливают друг друга. Особенно обострился в ведущих центрах глобальной капиталистической системы (Евросоюз, США, Япония) *долговой кризис*.

Однако по-прежнему на первое место среди наиболее важных показателей, характеризующих кризис, следует поставить *безработицу*, которая является не только порождением кризиса, но и одним из самых мощных факторов, его углубляющих. Данные как официальной статистики, так и экспертные оценки за 2012 год и на начало текущего года говорят об одном — абсолютная численность безработных растет, увеличивается уровень полной и частичной безработицы, особенно среди молодежи. Похваляющийся своими достижениями мир капитализма сегодня лишил будущего (во всех смыслах этого слова) десятки миллионов молодых людей, которые не могут найти применения своим знаниям и талантам.

Обратимся к статистике. Так, в целом по Евросоюзу в третьем квартале 2012 года не могли найти работу 24,2% молодых людей, а в таких странах, как Греция и Испания, этот показатель составил соответственно 57,6 и 55,5%. В странах Европы появилось так называемое «потерянное поколение». Это — драма, создающая крайне опасную социальную ситуацию.

¹ Паульман В.Ф. Экономические кризисы глобального капитализма. — URL: http://www.lit.lib.ru/p/paulxman_w_f

Согласно данным Евростата, 23,4% населения Евросоюза обречено на нищету или социальное отчуждение. Наиболее высокий уровень обездоленных отмечен в Болгарии (49,1%), Румынии и Латвии (по 40,0%).

Кризис все в большей мере обостряет противоречия в сфере социальной политики. При проведении избирательных кампаний наблюдается не только возрастание разногласий, но и повышенная нервозность в поведении политиков. Это и неудивительно, так как во время кризиса резко обострились проблемы перераспределения доходов: государства, чтобы пополнить казну и сократить объем долгов, вынуждены были пойти на повышение налогов на доходы богатых слоев населения, что, естественно, вызвало их отчаянное сопротивление. Одновременно все большее число трудящихся масс выражает свой протест против урезания социальных программ. Классовая солидарность трудящихся масс, преодолев государственные границы, вылилась 14 ноября 2012 года в самую крупную за последние десятилетия акцию протеста. Во всеобщей забастовке, объявленной Европейской конфедерацией профсоюзов, приняли участие миллионы жителей из 23 стран ЕС.

Пожалуй, самой открытой гнойной раной в организме глобального капитализма сегодня является Западная Европа. Оперативные данные Евростата (по состоянию на 6 марта 2013 года)² показывают сокращение в 2012 году объема ВВП на 0,6%, инвестиций — на 3,6%, увеличение дефицита государственного бюджета всех стран ЕС — на 4,4%. Государственный долг 27 стран ЕС составил в конце 2012 года 82,5% от ВВП.

В кризисе, взорвавшем экономику Кипра в марте этого года, сфокусировались все негативные факторы: неуправляемость спекулятивной стихией в конкурентной борьбе, особенно на рынке капитала, неспособность государственных структур контролировать деятельность банков, трансграничные финансовые потоки, а также денежное обращение евро в границах своего государства, неустойчивость всей экономической системы, основанной на господстве фиктивного капитала. Этот кризис заставил Евросоюз прибегнуть к такому драконовскому методу пополнения государственной казны, как введение единовременного чрезвычайного налога на банковские депозиты, окончательно подорвавшее веру законопослушных европейских граждан в надежность банковской системы (к счастью, пока дело еще не дошло до национализации пенсионных фондов).

Саммит ЕС по проекту бюджета на 2014–2020 годы, состоявшийся в ноябре прошлого года, завершился сокрушительным провалом: ведущие страны ЕС, которые вносят в бюджет Сообщества больше средств,

² URL: <http://www.epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page/portal/euroindicators/peeis>

чем получают из него благодаря европейским программам, потребовали радикального сокращения расходов в духе политики бюджетной дисциплины, которую Еврокомиссия насильно навязывает всем правительствам ЕС.

Семилетний бюджетный план Евросоюза, который изначально превышал триллион евро, был сокращен сначала до 973 млрд евро, а затем до 950 млрд евро. Между тем Германия и Великобритания продолжали считать такие расходы чрезмерными, что ставило под сомнение перспективы достижения компромисса. Так оно и произошло в феврале этого года на очередном саммите глав государств. Несмотря на прошедшие с ноября 2012 года, более двух месяцев, экспертные консультации, разногласия между странами ЕС преодолеть не удалось. Великобританию и Германию стали активно поддерживать Нидерланды, Финляндия, Норвегия и Швеция.

14 беднейших стран ЕС, включая государства Восточной и Южной Европы, борются за сохранение максимально возможного объема бюджета, поскольку получаемые ими из Брюсселя дотации заметно превышают их взносы в бюджет ЕС. Для этих стран, включая Польшу, Чехию, Грецию, важнее всего сохранить неприкосновенным если не весь бюджет, то хотя бы структурные фонды ЕС, из которых они получают основное финансирование. Например, бюджет крохотной Эстонии на четверть формируется из денег, получаемых из бюджета ЕС. Эстония постоянно живет так, что не может покрыть свои расходы собранными налогами. Наконец, существует и перекрестная группа 11 государств, заинтересованных в сохранении крупнейшей статьи европейского бюджета — Общей аграрной политики, из которой они получают огромные дотации на поддержку сельского хозяйства, что позволяет им диктовать цены на продовольственном рынке мира. В этой группе ведущую роль играют Франция, Италия и Испания.

На стол переговоров глав государств в феврале 2013 года легли предложения президента ЕС Хермана Ван Ромпея, которые предусматривали сверстать расходную часть бюджета в размере 960 млрд евро и доходную часть — в размере 900 млрд евро (небывалая в истории ЕС бюджетная политика, предусматривающая дефицит!). Хитрость искусственного фламандского политика заключалась в том, что сумма в 960 млрд евро близка к требованиям стран-получателей, а сумма в 900 млрд евро — стран-доноров. Таким образом, на этой основе якобы мог быть достигнут компромисс. Правда, было неясно, каким образом Евросоюз будет покрывать дефицит бюджета Сообщества в 60 млрд евро?

Именно этот вопрос активно дебатировался в Страсбурге на очередной сессии Европарламента. Примечательно, что все без исключения ключевые фракции Европарламента сочли проект Ван Ромпея недо-

статочным, сравнивая его с «банкротством» или «самоубийством» Евросоюза. В итоге депутаты пригрозили не утверждать основные положения проекта бюджета, если саммит придет к компромиссу на этой основе.

Кстати, в конечном итоге, при доходах в 900 млрд евро расходы были все-таки утверждены в сумме 908,4 млрд евро. Как говорится, хрен редьки не слаще. Вот какова мощь кризиса, которая сломала более чем полувековую традицию Европейского Сообщества, похвалившегося своим бездефицитным бюджетом!

В США уже началась процедура автоматического секвестра бюджета — сокращения расходов на 1,2 трлн долл. в течение ближайших десяти лет и на 85 млрд долл. к концу нынешнего финансового года (около 50 млрд долл. недополучат силовые ведомства). По оценкам администрации США, а также МВФ, принудительное сокращение бюджетных расходов замедлит рост американской экономики, как минимум, на 0,6% и нанесет по ней «сильный удар», отголоски которого будут ощущаться во всем мире. Приведение в действие механизма автоматического сокращения расходов будет стоить стране около 750 тысяч рабочих мест.

Чтобы как-то наглядно представить себе бедственное положение в экономике США, приведу в качестве примера ситуацию в Детройте — столице автомобильной промышленности США. Рецессия здесь началась еще восемь лет назад. Несмотря на принятые антикризисные меры, исправить ситуацию местным чиновникам не удалось. Дефицит бюджета к этому дню превышает 300 млн долл. Экономическая ситуация в мегаполисе находится под наблюдением специальной комиссии. Эксперты и чиновники говорят, что шансов победить финансовые трудности у Детройта практически не осталось. «Пришли очень печальные времена. Я бы хотел, чтобы этот день никогда не настал для славного города. Детройт был самым успешным и процветающим в США на протяжении десятилетий. Мы поставили всю страну на колеса, мы были арсеналом демократии. Посмотрите, что стало с мегаполисом сейчас: всего за 50 лет мы опустились с вершины на самое дно», — заявил по этому поводу губернатор Мичигана Ричард Снайдер.

Думаю, что то же самое можно сказать и про всю глобальную капиталистическую систему.

Наталия ПРОТОПОПОВА

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ЭТАПА ОБНОВЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ ЕГИПТА

Начало 2011 года стало поворотным моментом в политической истории Арабкой Республики Египет. Произошедшая там революция не только привела к смене правящей элиты, находившейся у власти почти 30 лет, но и вывела на политическую арену нового игрока — «Братьев-мусульман», сделав их важной частью новой политической элиты страны.

В этой связи возникает множество вопросов, главный из которых — почему именно это движение, деятельность которого еще с 1954 года находилась под запретом в стране, в результате революции получило широкие властные полномочия, а его представители заняли высшие государственные посты?

Безусловно, немаловажную роль здесь сыграл политический опыт «Братьев-мусульман», накопленный в результате многочисленных и весьма успешных попыток по внедрению своих представителей в правящие элитарные круги. Несмотря на жесткую борьбу Хосни Мубарака с исламистами и запрет деятельности «Братьев-мусульман», они все равно получали депутатские кресла в Народном собрании, принимая участие в выборах либо в качестве «независимых» кандидатов, либо баллотируясь от официально зарегистрированных партий¹. Поправки же к Конституции, введенные в 2007 году, полностью отрезали «Братьям-мусульманам» возможность входа в элитарные круги. Кон-

¹ На выборах 1984 года 8 представителей «Братьев-мусульман» получили места в Народном собрании, выступив в блоке с либерально-националистической партией «Новая партия Вафд». В 1987 году уже 37 мест в парламенте досталось кандидатам «Братьев-мусульман», они баллотировались уже в блоке с «Исламским альянсом», в который объединились «Либерально-социалистическая партия» и «Социалистическая партия труда». В 2005 году на парламентских выборах «Братьям-мусульманам», которые выступили в качестве независимых кандидатов, удалось заполучить рекордное количество депутатских мест в парламенте – 88, что составило около 20% состава Национального собрания.

ституция Египта, провозглашая многопартийность, запрещала какую-либо политическую деятельность и создание партий на основе религии и ссылок на религию².

В конце января 2011 года «Братья-мусульмане» поняли, что могут воспользоваться накалившейся в стране обстановкой, однако действовали очень осторожно и не сразу официально заявили о своем участии в массовых протестных акциях, инициированных Национальным движением молодежи. И только в пятницу 28 января 2011 года, когда после пятничной молитвы люди вышли из мечетей на улицы и пошли на Тахрир, «Братья-мусульмане» официально объявили о своем участии и массово пополнили ряды демонстрантов.

Почти трехнедельные беспорядки сыграли на руку исламистам — впервые за многие десятилетия режим Хосни Мубарака был вынужден сесть за стол переговоров с «Братьями-мусульманами»: недавно назначенный вице-президент Омар Сулейман начал диалог с оппозицией, в рядах которых были и «Братья», что позволило последним непосредственно включиться в политический процесс.

В феврале 2011 года Хосни Мубарак под давлением широкомасштабных народных волнений был вынужден подать в отставку и власть в стране перешла в руки Высшего Совета Вооруженных сил, во главе которого стоял министр обороны Мохаммад Хусейн ат-Тантауи. Стране предстояло проведение внеочередных парламентских, а затем и президентских выборов.

В то время пока молодежные движения и либералы организовывали протесты по итогам референдума 19 марта 2011 года, внесшего поправки к 8 статьям Конституции, касающиеся, преимущественно, президентских выборов и должности президента, «Братья-мусульмане» развернули широкомасштабную подготовку к парламентским выборам.

В конце марта 2011 года на конференции было принято решение создать политическую партию, и уже в апреле 2011 года «Братья-мусульмане» зарегистрировали свою «Партию свободы и справедливости».

Отношение к «Братьям-мусульманам» и их новоиспеченной партии у египетского народа было весьма неоднозначное. У многих складывалось впечатление, что приверженность демократическим ценностям в риторике «Братьев» была не более чем предвыборной тактикой. Действительно, политические взгляды ассоциации заметно изменились, а их политическая программа теперь стала похожа на программу большинства демократических партий, к тому же верхний политический эшелон «Партии свободы и справедливости» теперь составили пред-

² См. Конституция Арабской Республики Египет, ст. 5. — URL: <http://www.world-constitutions.ru/archives/61>

ставители гуманитарной и научно-технической интеллигенции. Что касается представителей христианских общин Египта, то они небезосновательно опасались роста влияния исламистов³.

Несмотря на это, после окончания так называемой революции «Партия свободы и справедливости» оказалась единственной силой, имеющей свою внутреннюю организацию, структуру, программу, а ее члены имели, хоть и весьма относительный, политический опыт. Представители различных групп оппозиции объединились на Тахрире с одной-единственной целью — свергнуть президента Хосни Мубарака и его режим, при этом совершенно не имея дальнейшего видения вывода страны как из состояния политической, так и социально-экономической нестабильности. Их общий лозунг, сопровождавший трехнедельные беспорядки, «Мубарак, уходи!» лишней раз указывал на отсутствие какой-либо четкой программы или концепции.

Таким образом, в гонке за кресла в Народной Ассамблее «Братья-мусульмане» имели завидные шансы на успех. Ни одна другая политическая партия просто не имела достаточно времени, чтобы подготовиться к выборам, разработать актуальную для того периода программу.

Немаловажную роль здесь также сыграло разочарование египетского народа в модернизационных моделях развития. Первый египетский президент Гамаль Абдель Насер сделал ставку на социализм, второй и третий — Анвар ас-Садат, а после его смерти и Хосни Мубарак — капитализм. Вдобавок на протяжении 30 лет страна жила в чрезвычайном положении. Политический ислам же не навязывает каких-либо особых решений, политический порядок, не исповедует нормы «безбожного» Запада, а лишь призывает следовать религиозным нормам, что вполне устраивало египетских верующих.

По иронии судьбы сыграл на руку «Братьям-мусульманам» и многолетний запрет на политическую деятельность — они еще не успели проявить себя в политическом управлении и не дискредитировали себя в глазах египетских избирателей.

Таким образом, «Братья-мусульмане» выступили наиболее организованной и влиятельной политической силой и на парламентских выборах 2011–2012 годов одержали победу.

Что касается президентских выборов, то два наиболее вероятных кандидата на президентский пост — бывший глава МАГАТЭ и опытный египетский дипломат Мухаммад аль-Барадеи и бывший министр иностранных дел АРЕ и бывший генеральный секретарь Лиги Арабских государств Амр Муса — объявили о своем намерении сотрудни-

³ См.: Долгов Б. Парламентские выборы в Египте // Новое восточное обозрение. 8 декабря 2011 г. — URL: <http://www.ru.journal-neo.com/node/11343>

чать с «Братьями-мусульманами», рассчитывая на их поддержку (которая могла стать решающей) на выборах.

Однако победу на июньских выборах 2012 года одержал Мохаммед Мурси, один из руководителей «Братьев-мусульман» и лидер «Партии свободы и справедливости». На руку ему сыграл тот факт, что он не был преемником режима Мубарака (Амр Муса был министром иностранных дел Египта 1991–2001 годов, Ахмад Шафик сделал военную карьеру — занимал должность начальника штаба ВВС, затем командующего ВВС, министра гражданской авиации) и заручился поддержкой «Братьев-мусульман» (его соперник Абдель Монеим был исключен из «Братьев» 20 июня 2011 года за преждевременное объявление своей кандидатуры на выборах).

Египетская военная элита, будучи составляющей частью политической элиты страны более 50 лет, признала победу Мурси в качестве попытки не допустить кровопролития и новой дестабилизации положения в стране. Тогда он казался для них не самым плохим кандидатом из рядов «Братьев-мусульман», поскольку является главой относительно умеренного крыла организации, человеком, получившим образование в Каирском университете, который считается одним из самых престижных египетских вузов, и в университете в Южной Каролине в США.

Таким образом, «Братья-мусульмане» впервые в истории Египта вошли в политическую элиту страны, сосредоточив главные рычаги управления в своих руках.

Однако получив столь долгожданную власть, «Братья-мусульмане» допустили ряд ошибок, и страну вновь охватили протестные акции под лозунгом, в котором сменилось только имя Мубарака: «Мурси, уходи!»

Парадоксальным стал тот факт, что исламисты, изначально требующие свободы и демократии и получившие властные полномочия демократическими методами путем победы на парламентских, а затем президентских выборах, воспользовались этим достаточно неустойчивым демократическим климатом в стране и предприняли попытку проводить свой политический курс на основе законов, близких к законам шариата⁴. Еще одним шагом, вызвавшим волну общественных негодований, стало принятие Конституционной декларации, заменяющей основной закон государства до принятия новой конституции. Декларация наделяла президента фактически неограниченными полномочиями, предоставив ему исключительные законодательные полномочия и лишив судебные органы надзорных функций за деятельностью Конститутивного совета — верхней палаты парламента — и Конститу-

⁴ См.: *Ali Abu Fatim M. Ar-rabiu al'arabiy.* — С. 86.

ционной комиссии, разрабатывающей основной закон АРЕ. Декларация стала причиной массовых протестов и демонстраций во многих городах страны, а демократы охарактеризовали новые указы Мурси в качестве переворота.

Следующий шаг — принятие новой Конституции Египта в декабре 2012 года, которая, главным образом, создала «юридический коридор для введения в действие шариатских установок»⁵. Этот шаг заставил практически все оппозиционные силы заявить о своем окончательном разочаровании в «революции» и увеличил масштабы протестных акций в стране.

25 января 2013 года, во 2-ю годовщину «египетской революции», по стране прокатились массовые волнения, усугубившиеся массовыми агрессивными протестами в Порт-Саиде и Суэце в связи с приговором к смертной казни участников «футбольного бунта» в феврале 2012 года, приведшим к гибели более 70 человек. Из-за волнений представители «Братьев-мусульман» были вынуждены покинуть Порт-Саид, а сам город погрузился в состояние полного самоуправления.

Кажется, что теперь египетская улица лишь ищет новый повод, чтобы лишний раз выразить свой протест исламистской власти и потребовать отставки президента Мурси, и ей это удастся. 6 апреля, в свою годовщину, молодежное движение «6 апреля» объявило так называемый «День гнева», выступив против политики властей. Не молчат и представители христианской общины. Так, Коптская православная церковь обвинила президента Мурси в неспособности обеспечить защиту христиан и христианским святыням после ожесточенных стычек между христианами и мусульманами возле Собора Святого Марка в Каире.

Помимо этих неосторожных и дестабилизирующих обстановку в и без того нестабильной ситуации шагов, можно выделить еще несколько причин ошибочной политики «Братьев-мусульман».

Обладая огромным опытом внедрения своих соратников во властные структуры, «Братья» и их лидер Мохаммед Мурси оказались дилетантами в деле управления страной. Если предшественники президента Мурси имели достаточно большой управленческий опыт: и Гамаль Абдель Насер, и Анвар ас-Садат, и Хосни Мубарак, прежде чем возглавить страну, занимали пост премьер-министра. Мурси такого опыта не имел, будучи лишь депутатом Народного собрания 2000–2005 годов в качестве независимого кандидата.

Не прониклись «Братья-мусульмане» и духом самой «революции». Египетский народ хотел не просто смены политической элиты, несме-

⁵ Шумилин А. Кто виноват в «египетской трагедии» // Ежедневный журнал. 29 января 2013 г. — URL: <http://www.ej.ru/?a=note&id=12623>

няемой десятилетиями, но рассчитывал на получение больших возможностей участия в политической жизни страны, что не смогла им дать новая политическая элита, увлеченная укреплением своих позиций во власти.

Не сделал Мурси и должных выводов по итогам президентских выборов. Исламистский кандидат Мурси одержал победу над светским конкурентом Ахмедом Шафиком с незначительным разрывом — 51,7% голосов против 48,3%, и это — на фоне широкомасштабных обвинений в фальсификации. Такой итог выборов должен был дать новому президенту сигнал о том, что египетское общество далеко не едино в выборе главы государства, и он должен действовать предельно осторожно, чтобы не спровоцировать волну оппозиционных протестов почти половины населения страны и не допустить повторения сценария начала 2011 года.

Таким образом, столь оптимистичные ожидания после проведения парламентских и президентских выборов, которые должны были если не снять, то облегчить политическую напряженность в стране с приходом новой политической элиты, не оправдались. Оппозиция заявляет, что «революция» в Египте продолжается.

Литература:

1. Восток и политика: политические системы, политические культуры, политические процессы / Под ред. А.Д. Воскресенского. — М.: Аспект Пресс, 2011.
2. Долгов Б. Парламентские выборы в Египте // «Новое восточное обозрение». 8 декабря 2011 г. — URL: <http://www.ru.journal-neo.com/node/11343>
3. Конституция Арабской Республики Египет. — URL: <http://www.world-constitutions.ru/archives/61>
4. Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011. — М.: Либроком, 2012.
5. Шариат лег в основу проекта Конституции Египта // Известия. 30 ноября 2012 г. — URL: <http://www.izvestia.ru/news/540636>
6. Шумилин А. Кто виноват в «египетской трагедии» // Ежедневный журнал. 29 января 2013 г. — URL: <http://www.ej.ru/?a=note&id=12623>
7. *Ali Abu Fatim M.* Ar-rabiu al'arabiy. — Lebanon, Mediaworld, 2012.
8. *Mirak-Facebak M.* Muhauissun fi as-sulta. Tahlil nafsiy li zu'amai istahdafathum as-saurat 2011. — Beirut, International Press, 2012.

ЧТО ТАКОЕ СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО?

В обсуждении принимают участие доктор философских наук, профессор, академик РАО, главный научный сотрудник Института философии РАН Л.П. Буева, доктор исторических наук, профессор, советник ректора Российского государственного торгово-экономического университета, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области образования Г.В. Саенко. Ведет «круглый стол» доктор философских наук, профессор П.С. Гуревич.

Гуревич П. После Второй мировой войны Германия лежала в руинах. Экономика была разрушена. Немецкий народ расплачивался за разрушения, которые принес нацизм. Германия представляла собой кучу мусора, в которой копошились 40 млн голодных немцев. Производственный потенциал страны сократился более чем наполовину. Даже спустя три года во многих крупных городах не были разобраны развалины. Один из политиков так охарактеризовал положение в стране: «Биологически искалеченная, интеллектуально изуродованная, морально уничтоженная нация без продуктов питания и сырья, без функционирующей транспортной системы и чего-либо стоящей валюты, страна, где голод и страх убивали надежду...» Надо было поднимать страну, искать оптимальный общественный проект. Эта миссия была возложена на Людвиг Эрхарда. Второго канцлера ФРГ Людвиг Эрхарда по праву называют творцом «немецкого экономического чуда». Он выступил с проектом «социального государства». Основное место в нем было уделено жизненному уровню населения.

Двигателем общественного благополучия Эрхард считал социальное рыночное хозяйство. Этот курс вызвал ожесточенные споры. Возникла даже угроза всеобщей забастовки. Однако меры, предложенные экономистом, возродили страну. Эрхард направил свободную частную инициативу в русло регулируемой конкуренции, опекаемой государством от засилья монополий. Ему удалось создать в обществе атмосферу солидарности. В результате проведения такой политики в 1956 году валовой внутренний продукт ФРГ вырос в два раза по сравнению с лучшим довоенным 1936 годом, а «частное потребление» выросло с 29 млрд марок в 1950 году до 51 млрд марок в 1955 году, т.е. за 5 лет почти удвоилось.

Россия и ФРГ начинали экономический подъем в сходных общественных условиях. Но «экономическое чудо» произошло именно в Германии, а не в нашей стране.

Хотелось бы обсудить следующие вопросы:

1. Можно ли считать социальное государство идеальным решением всех общественных проблем?
2. Почему социальное государство подвергается критике?
3. Сложилось ли в России социальное государство?

1. Можно ли считать социальное государство идеальным решением всех общественных проблем?

Саенко Г. Идея справедливого государственного устройства содержится во многих политических трактатах разных эпох. Хотя сам термин «социальное государство» был предложен в 1850 году Лоренцем фон Штейном, о равном благоденствии людей грезил многие социальные философы. Л. Штейн полагал, что государство должно поддерживать абсолютное равенство в правах для всех общественных классов, а также для отдельной личности, вступающей в договорные отношения с членами социума. Государство, считал он, обязано способствовать экономическому и общественному прогрессу всех своих граждан, ибо, в конечном счете, развитие одного выступает условием развития другого. Именно в этом смысле говорится о социальном государстве».

Гуревич П. Понятие «социальное государство» как понятие нынешней политической практики было выдвинуто в 1929 году немецким государствоведом Х. Хеллером, после чего распространилось в Европе. В США идея социального государства была воспринята позднее, чем в странах Европы, поскольку тип сознания американского общества был ориентирован на принцип индивидуализма. Все же нам придется считаться с тем фактом, что сама проблема «социального государства» породила множество близких по смыслу теоретических понятий — «социальное правовое государство», «государство благосостояния», «государство всеобщего благоденствия», «государство социальных услуг». Поэтому при осмыслении данной темы нам придется вроде бы отклоняться от поставленной теоретической задачи. Но без обращения к истории вопроса сама проблема окажется недостаточно ясной.

Буева Л. Социальные философы всегда обдумывали проект идеального государства. На одном из «круглых столов» мы подробно говорили о концепции Платона. Но можно назвать также политику Аристотеля, «город Солнца» Т. Кампанеллы. Кампанелла ссылаясь на невыносимое положение, сложившееся в Калабрии, на гнет налогов и разорение крестьян, на раздоры в городах, на набеги турок и местных бандитов. «Голод, — писал Кампанелла в «Рассуждениях об увеличении доходов Неаполитанского королевства», — происходит от торговли, потому что купцы и могущественные ростовщики скупают на корню весь хлеб и держат его, пока не доведут народ до голода, а потом продают по тройной или четверной цене так, что страна становится безлюдной, ибо одни бегут прочь из королевства, другие же подымают от такой мерзкой еды...».

Саенко Г. Но причина всех злоключений — социальное неравенство. В Калабрии есть бедные и богатые. Это порождает и общественные пороки — себялюбие, индивидуализм, черствость к страданиям других людей.

Гуревич П. Помню, что идея общественного равенства сопровождается в романе проектом обобществления жён. Забавно, но это всего лишь первый шаг на пути уничтожения частной собственности. Кампанелла критикует Аристотеля, который утверждал, что общая собственность может вызвать вялое отношение к труду вообще. При распределении результатов труда возникнут споры: каждому захочется иметь больший кусок общего пирога. Здесь конец и дружбе, которая не выдержит таких испытаний. Кампанелла же предлагает строгий и справедливый контроль за распределением продуктов. Но тут автор сталкивается с парадоксом. Смутно обрисовывается идея о невозможности социальной справедливости. Оказалось, что уровень жизни у соляриев несколько выше, чем у утопийцев. Солярии всегда работают с увлечением, а утопийцы нередко демонстрируют прохладное отношение к труду.

Буева Л. К генезису идеи социального государства относятся мысли Канта о роли правосознания в обществе. Теория правового государства радикально проработана немецким мыслителем. Кант проводил различие между гласным и постоянным законом, который имеет несомненную значимость, и указно-административными постановлениями, которые носят конъюнктурный характер. Сегодня в российской практике нередко принимаются решения, которые не возвышаются до уровня закона, не учитывают всех сложностей и последствий юридического решения. Это можно расценивать не как закон, а как юридический акт. Еще одна идея Канта вызывает аллюзии с нынешним политическим режимом в России. Власть должна быть абсолютной, она ни с кем не делит собственных полномочий. Но при этом она соотносит свою активность с верховными резонами, которые обязывают ее ограничивать свой деспотизм.

Саенко Г. В политических трактатах XVII века право толковалось как перечень некоторых установлений, которые сводятся к общеобязательным правилам. Мыслители той поры не проводили разграничения между правом и законом. Когда в современной России обнаруживаются социальные проступки или преступления — насилие над детьми, жульничество и инакомыслие, то немедленно возникают мысли о предельной суровости возмездия. Но мыслители XVIII века расценили бы такое убеждение как заблуждение: чем, мол, суровее наказание, тем быстрее устраняется безнравственное и социальное поведение. Они также считали, что судебно-карательная практика не может реализовать себя под сенью и опекой государства. Речь вообще шла об ограничении самой принуждающей государственной власти. Кант рассматривал справедливость как высшую добродетель власти. Она реализуется в двух формах — карающей и распределительной.

Гуревич П. Можно, вероятно, отметить для наших дальнейших рассуждений, что сама идея социальной государственности сложилась в конце XIX — начале XX веков. Она оказалась результатом сложных социально-экономических процессов, характерных для буржуазного социума. Социальные философы поняли, что два принципа, неотъемлемых для дальнейшего развития общества, принцип свободы и принцип равенства, несовместимы. Лозунги

Французской революции, связанные со свободой, равенством и братством, стали предметом критического анализа. Такие мыслители, как Адам Смит, Джон Стюарт Милль, Бенжамен Констан, Джон Локк, отдавали предпочтение принципу индивидуальной свободы человека, его безоговорочному праву добиваться личного успеха. Какова в этом контексте роль государства? Понятное дело, защищать эту свободу от любых посягательств. Кстати, и от вмешательства государства в предпринимательский процесс. Осознавали ли они, что это чревато неравенством? Ведь при свободе многие люди добьются очевидного успеха. Разумеется, они понимали неизбежность этих последствий. Но авторитет свободы казался им незыблемым.

Буева Л. В то же время Жан-Жак Руссо, сохраняя значимость свободы как неоспоримой ценности, настаивал на идее равенства. Он считал обеспечение этого принципа священной задачей государства. Он не хотел признавать, что именно принцип индивидуальной свободы способен пробудить инициативу людей, их креативность. Только так можно обеспечить развитие частного предпринимательства и рыночного хозяйства. И этот принцип обеспечил бурное нарастание экономической мощи буржуазных государств.

Саенко Г. Это, конечно, очевидно. Но уже в конце XIX века нельзя было не видеть, что происходит все более разительное расслоение общества. Поляризация доходов создавала угрозу общественной жизни. Маячил призрак грядущей социальной революции. Поэтому возникла идея социального государства, социальные философы пытались создать контур такого устройства, описывая функции государства, его особое предназначение. Тем более что история дала поучительное наизидание. В России победила Великая Октябрьская революция. Стало очевидно, что дальнейшее углубление неравенства людей может привести к катастрофе. Социалистическая идея стала привлекательной. Напомним, что в конституциях, которые принимало новое государство, а также в других законодательных актах подтверждалась идея социальной ориентированности всей политики. Хотя в СССР не было гражданского общества, правового государства и частной собственности как экономической основы этих институтов, нельзя замалчивать реальные достижения в социальной политике, которых добились социалистические государства.

Гуревич П. Законодательное закрепление идеи социального государства касалось не только СССР. В Конституции ФРГ 1949 года государство впервые было названо социальным. Отдельные фрагменты социальности нашли отражение в конституциях Франции, Италии, Португалии, Турции, Испании, Греции, Нидерландов, Дании, Швеции, Японии и др. государств. Значительное подкрепление теории и практики социального государства политики и экономисты нашли в идеях Дж. Кейнса, под влиянием взглядов которого сформировалась концепция государства всеобщего благоденствия, исходящая из возрастания социальной функции государства. Подобно тому, как у Платона и Аристотеля только полисная форма общности обеспечивает справедливость и право, и у Гегеля свобода, право, справедливость действительно лишь в государстве, соответствующем идее государства. Гегелевская этическая версия правового государства существенно отличается как от концепций демократизма (суверенитет народа) и либерализма, так и от различных архаи-

ческих и новейших деспотических форм правления, в которых господствуют произвол и насилие, а не конституция, право и закон.

Буева Л. Хотелось бы понять, почему идея совершенного государства, выпестованная Кантом и Гегелем, подверглась тотальной критике. Его стали рассматривать как безусловное зло, с которым приходится мириться. Так считали сторонники либертаризма. Маркс, к примеру, ставил вопрос об отмирании государства вообще.

Саенко Г. Проект социального государства был особенно популярен после Второй мировой войны. Под ним подразумевался умеренный демократический социализм. В ряде стран в то время к власти пришли социал-демократы. Они национализировали здравоохранение, транспорт, энергетику, тяжелую и добывающую промышленность. Экономическим фундаментом этого проекта было кейнсианство. Напомним, что во второй половине 1930-х годов это учение обрело огромное влияние в экономической политике США, Великобритании и других стран. В истории экономической мысли это была подлинная революция. Кейнс и его приверженцы считали, что капиталистическая экономика сама по себе не может стихийно поддерживать хозяйственное равновесие. Она не позволяет эффективно использовать все ресурсы. Отсюда кризисы и безработица. Отсюда миссия государства вести такое экономическое регулирование, которое с помощью финансовых инструментов — бюджетных и кредитно-денежных рычагов — позволяет избежать этих диспропорций и перекосов.

Гуревич П. Это так. Однако дальнейшее развитие капитализма привело к ценностному кризису в политике. Началась тотальная критика кейнсианства. Она поставила под угрозу само учение как таковое. Во время мирового кризиса 1973–1975 годов случилось то, что Кейнс считал абсолютно невозможным. Инфляция и рост безработицы совместились, фиксировались одновременно. Так зашаталась сама концепция государства благосостояния. Оказалась поставленной под сомнение идея всеобщего участия государства в экономике с соблюдением социальных приоритетов. Эксперты стали оспаривать приход государства в сферу предпринимательства, который, как предполагалось, позволял перераспределять национальный доход через бюджетную сферу. На арену вышла консервативная, антигосударственная идеология.

Буева Л. Коллеги, хочу сказать, что лично я против идеи социального государства. Нет, я понимаю, что рыночная стихия сама по себе не может помочь бедствующим. Более того, как человек, работающий в сфере науки, болезненно оцениваю все перемены, которые сопряжены с реформами в области образования. Государство перестало заботиться об интеллигенции. Говорить об унижении ученых, профессоров — значит, повторять банальности. Но если подходить к делу социологически, то нельзя не учитывать врожденные недостатки той системы, при которой государство выступает в качестве опекающей инстанции. Во-первых, государство не способно реализовать идею справедливости. Допустим, сравнительно недавно власть в России занялась демографической политикой. Было решено помогать тем семьям, которые хотя бы имеют детей, но не располагают необходимым достатком. И вот вам недавний житейский сюжет. В коровьем загоне случайно обнаружили мальчика, который едва не умер от мороза. А где же мама? Она в это время рождает другого

ребенка. Есть еще и девочка, которая, к счастью, в это время в детском садике под опекой у нянечек. Женщину хотят лишить родительских прав, а она требует денег, которые ей положены как многодетной матери.

Саенко Г. Сам пример, может быть, и впечатляет. Стране нужны дети. Но зачастую пособие получают те, кто в состоянии произвести ребенка на свет, однако при этом не могут дать ему ни образования, ни воспитания. Однако тем более этот вопрос не может получить идеального разрешения в рыночном обществе. О чем идет речь? О принципиальной нецелесообразности социального государства или о непредвиденных последствиях законов, которые зачастую вообще не получают тщательной проработки. Выплачивать пособия, руководствуясь только числом детей, которые появятся в семье, — это продукт незрелого социального мышления. Но как спасти нищих и голодных, как устранить угрозу демографического вырождения? Закон капитала, как известно, жесток. «Пусть неудачник плачет». Но насколько гуманно и справедливо общество, где все подчинено логике рынка?

Гуревич П. Людмила Пантелеевна права, когда речь идет о последствиях плохо продуманных реформ. От этого не застраховано ни одно общество. Вспомним, к примеру, как американское правительство решило укреплять институт брака. Был принят закон, согласно которому мужчина, который оставляет свою семью, обязан платить пособие своей прежней жене. Логика такая: прежде чем развестись, придется подумать и о финансовых потерях. Это, вероятно, укрепит институт семьи. Однако через несколько лет американские социологи стали писать о новой тенденции. Женщина, вступившая в брак, сама доводит мужа до развода, создавая ему невыносимые условия совместного проживания. Пройдя через череду «расставаний», она оказывается вполне обеспеченной женщиной. Закон обернулся эффектом бумеранга. Он не укрепил семью, а привел к ее коррозии.

Буева Л. Давайте вспомним, что предшествовало в свое время рейганомике или тэтчеризму. Да, капиталисты испугались революционных потрясений, которые были связаны с выступлениями рабочих, с событиями в России. Они усвоили эти уроки и стали помогать безработным, неимущим. В отдельных штатах Америки закон позволял безработному получать приличное пособие. Разумеется, оно не позволяло купить дорогущий автомобиль. Но кров и еду обеспечивало достойно. На государственное пособие можно было жить без излишеств. Вводились и ограничения. Например, если вы получили сообщение от биржи труда, что открылось вакантное рабочее место, вы можете даже его игнорировать. Первый раз, к примеру, вы можете сослаться на то, что с детства боитесь высоты и поэтому мыть окна в высотных зданиях — это не для вас. Второй раз вы удачно состригли, что трудиться на мойке машин тоже не ваш удел. Мол, запах бензина с молодых ногтей травмировал вашу нежную душу. Но на третий раз такой трюк не пройдет. Однако, потрудившись некоторое время на стройке, вы можете снова зарегистрироваться на бирже труда и получать пособие ввиду отсутствия производственной занятости.

Саенко Г. И что из этого следует? Да, тогда в США сложилась новая страта безработных, которые вовсе и не стремились к тому, чтобы зарабатывать себе на жизнь собственным трудом. Рейган даже в одной из своих речей, критикуя эту практику, произнес термин из советской практики: «Ишь, мол, какой

собес развели...». Но действительно, трудовой человек утром, преодолевая расстояния, мчится на службу. Там его ждет прогневанный шеф, который недоволен его продуктивностью. Утомившись от работы, он едва успевает за ночь восстановиться. А что же безработный? Он спит до обеда. Потом идет на пруд кормить лебедей. Ищет компанию, чтобы обсудить с ними жесткий закон, подписанный президентом. Гуляет по скверу. Чем не жизнь? Оказывается, можно не участвовать в крысиных бегах, не стремиться к роскоши. Но познать иные прелести жизни. Конечно, мы все помним эти времена.

Гуревич П. Кстати, однажды в Монреале, где проходил Международный философский конгресс, я увидел человека с плакатом: «Требую регистрации как участник конгресса». Вокруг бегали клерки, ощущалась некая растерянность. Ситуация действительно была нестандартной. Оказалось, что это канадский безработный, который прибыл в Монреаль, чтобы послушать, о чем толкуют любомудры. Он был готов даже заплатить регистрационный взнос. Но философский конгресс — это все-таки мероприятие для философов, а не для «самовыдвиженцев». Советские газеты писали тогда о том, как трудно живется безработным в этом капиталистическом мире. Однако я был поражен, насколько этот эпизод не вписывается в официальную пропаганду.

Буева Л. Вопрос мой звучит так: готово ли социальное государство нести эти непомерные расходы, помогая тем, кто не хочет работать, кто не прочь и сам принять участие в обсуждении философских тем? Разумеется, все хотят халявы. И я не отказалась бы от государственных субсидий. Однако некоторое время назад государство выделило деньги для тех молодых ученых, которые не имеют жилья. Условия получения денег были столь непросты, что найти такую кандидатуру было просто невыполнимо. Женщина, могущая претендовать на помощь в приобретении жилья, должна была иметь степень доктора наук, ребенка, которого она воспитывает без мужа и при этом быть не старше 40 лет. Недавно Академия наук повторила такой же эксперимент. Но по чиновничьей логике оказалось, что остро нуждающихся-то и нет вовсе. Есть повод отправить бодрый рапорт мудрым властителям: ученые, мол, не бедствуют.

Саенко Г. Людмила Пантелеевна, у меня тот же вопрос. Мы толкуем о бездумной чиновничьей логике или об идее социального государства? В нашей общественной практике можно отыскать сколько угодно примеров, которые свидетельствуют о благих намерениях, но оборачиваются глупостью, фарсом, а иногда и просто бедой. В марте 1953 года Президиум Верховного Совета СССР утвердил указ «Об амнистии». Из тюрьмы на волю вышло более миллиона граждан, из них 98,4% мужчин и 1,6% женщин. Сейчас даже трудно представить себе размах этой гуманной акции. На свободу вышла половина всех заключенных. Вот пример рачительного и мудрого государства, которое печется о том, чтобы люди трудились на общее благо, вернулись в семьи. Вот она, наглядная иллюстрация воплощения принципов гуманизма, пример экономики экономической репрессии. Бывшие заключенные могли легко адаптироваться к обычной жизни. Но ведь эта гуманная мера имела известные последствия. Пострадало мирное население от матерых убийц. Многие из отпущенных вновь оказались на нарах.

Гуревич П. Сегодня та же картина. В прессе отмечают, что гуманность такого социального государства оборачивается тем, что бывшие зэки создают

напряжение в обществе. Они пополняют толпы безработных, ночуют на стройках, в чужих подъездах, на вокзалах. Намаявшись в своих попытках найти себя в этом обществе, бывшие зэки начинают тосковать по трехразовому казенному питанию, по тюремному братству, по теплу тюремной камеры. Неужели наш идеал — такое общество, которое не знает милосердия, не заботится о бедствующих? Могут ли отдельные социологические иллюстрации отменить идею социального государства? Ведь любое социальное решение может иметь непредвиденные результаты. Это хорошо понятно социальным философам.

Буева Л. Хорошо. Тогда я подойду к проблеме и с другой стороны. В нынешнем социуме растет число людей, готовых жить на государственные подачки. Обрушилась этика труда. Пропаганда сулит лотерейное счастье, но не укрепляет ответственность граждан. Люди чураются собственной предприимчивости, ждут невыполнимых президентских посулов. Крепнет инфантилизация общества. Мне кажется, если уменьшить государственный патернализм, общество станет развиваться быстрее. Тогда изменится жизнь и тех, кто сегодня находится за чертой элементарного благоденствия.

Саенко Г. Идея рынка, который все расставит на свои места, в нашей стране потерпела фиаско. Но ведь не только у нас. На Западе уже отказались от жесткого рыночного капитализма. Надо ли в этих условиях тосковать по рейганомике? Вспомним, что советская власть давала гражданам такие социальные гарантии, которых не было на Западе. Бесплатным было здравоохранение, образование. И что можно сегодня сказать об обществе, где получение знаний стало прибыльной сферой для предпринимателей?

Гуревич П. Мне кажется, что история Европы похожа на раскачивание маятника. То случилось массовое увлечение кейнсианством, то, напротив, государству предрекли роль ночного сторожа. Вероятно, поиск универсального средства для развития экономики немислим. Речь идет об умелом сочетании рынка и государственного регулирования.

Буева Л. Я не уверена, что социальное государство — это окончательный общественный идеал. Завидуя успехам Китая, мы понимаем, что он обусловлен трудолюбием, дисциплиной, ответственностью. Разве не так? Но кому должно помогать сегодня социальное государство, если граждане занимаются перепродажей купленного? Справедливо ли, если безработная мать, алкоголичка, имея четверых детей, получает возможность жить в хорошей квартире? Как не порадеть бедным деткам. Но кто оплачивает эти ресурсы? Отец семейства, который трудится на трех работах. И это ради алкоголички? Половина вашего заработка уйдет в пользу пьяницы. Логично? Заслуги Маргарет Тэтчер, которая ратовала за другую справедливость, не были оценены в последние десятилетия.

2. Почему социальное государство подвергается критике?

Саенко Г. В связи с ее недавней кончиной политики и экономисты, сторонники рыночной стихии, говорили о ней в весьма похвальной интонации. Защищая свободное предпринимательство, она освобождала его от пут госу-

дарственности. Ее идея — приватизация экономики. При этом полностью исключались административные методы. Получи столько, сколько заработал.

Гуревич П. Как ясно из ныне рассекреченных документов, Тэтчер любила слово «по» и ставила его с поразительной твердостью.

Буева Л. Но разве это дискредитирует ее? Сегодня власть швыряет деньги направо и налево, даже не задумываясь над тем, каков будет результат такого финансирования. Все это результат успешного лоббирования, которое убеждает власть в том, что страна рухнет, если не будет нужной строчки в бюджете. Тэтчер была первой в истории Британии женщиной — премьер-министром. Она пришла к власти, когда экономическая ситуация в Британии была тяжелой. Нужны были радикальные меры по выходу из кризиса, но никто до Тэтчер на эти меры не решался. А она сделала это, внедряя политику монетаризма. Британия стала пионером приватизации. Снизились темпы инфляции, уменьшилось вмешательство государства в экономику, большую роль стал играть средний и малый бизнес, было принято антипрофсоюзное законодательство.

Саенко Г. Трудно оспаривать рыночные реформы. Но у социального философа неизбежно возникают вопросы. Во-первых, какой ценой Англия заплатила за экономический рывок? Да, ее называли «больным человеком Европы». Страну тянули на дно разросшийся государственный сектор и чрезвычайно затратные социальные программы. Было понятно, что такое наследие лейбористов надо ликвидировать.

Гуревич П. Сегодня часто отмечают, что нынешняя власть все больше склоняется к консерватизму. Однако проводит либеральную политику в сфере экономики. Допустимо ли такое расхождение общего курса и реальной политики? Ведь Тэтчер состояла в Консервативной партии, а политику проводила ультралиберальную.

Буева Л. Да, Тэтчер сразу же снизила налоги, ослабила контроль правительства над бизнесом. Под программу приватизации попали добыча газа, электроэнергетика, железные дороги. Позже государственные предприятия, такие, например, как Телеком, были проданы частным владельцам. Профсоюзы, ранее диктовавшие цены на уголь и сталь, получили отпор. Когда в парламенте заговорили о том, что шахтеры начнут забастовку и это приведет к смене правительства, Тэтчер не испугалась. Ее жесткость в вопросах внешней политики отразилась в том, что она получила прозвище «железной леди». Как могла женщина сделать такую карьеру в столь консервативной стране, как Англия? Несправедливо отбирать деньги у тех, кто работает, и отдавать их тем, кто не работает. Разве государство виновато в том, что у женщины, которая не состоит в браке, родился ребенок? Пусть сама и отвечает за свою судьбу. Честно говоря, уже надоели разговоры о том, кому надо скоротечно помочь, когда производительность труда в стране низкая, нет никакой конкуренции, люди ищут работу там, где можно получать больше и не работать.

Саенко Г. Людмила Пантелеевна, вы правы в своей критике инфантилизма, безответственности, иждивенчества. Процветающая Европа в свое время не заботилась о тех, кто терял свои социальные позиции. Глава семьи не ждал, когда государство возьмется за поддержку образования. Он вкладывал

собственные деньги, стремясь воспитывать детей и давать им образование, воспитание, навыки будущей работы. Когда пытались искать чужой денежной помощи, он реагировал на это с предельной резкостью. Британцы не считали возможным переложить бремя своих расходов на общество. Но можно ли искать социальный идеал в раннем капитализме? Сегодня фундаментальный либерализм уходит в прошлое. В наши дни мы думаем о том, как построить социальное государство, ответственное перед гражданами. Смена экономического курса всегда порождается желанием найти более эффективную социальную модель.

Гуревич П. Тэтчеризм был уместен, когда Консервативная партия поняла, что экономический и международный статус страны оказался предельно сниженным. Надо было создать конкурентоспособную экономику. Тут уж не до помощи беднякам. Поэтому социалистические идеи подверглись суровой критике. Предлагалось до минимума сократить полномочия правительства. Внедрить в массы идеологию успеха. Следовало также выстроить целостную идеологию из отдельных принципов, деловых соображений, экономических расчетов. Достижения, разумеется, имелись. Но в целом приоритет был отдан жестким и устаревшим принципам невмешательства государства в экономику. Сегодня мы ведем расчеты с этим монетаристским курсом, который был проведен и в нашей стране.

Буева Л. Согласна. Но Рональд Рейган стал президентом в момент, когда экономика США находилась в состоянии застоя. Он начал проведение налоговой реформы, которая коснулась, в основном, компаний. Налоги были уменьшены, чтобы поощрить компании, чтобы те имели возможность активно нанимать новых сотрудников. Таким образом предполагалось снизить уровень безработицы. Отброшены были многие социальные программы. Так, Рейган уменьшил государственные пособия пожилым людям и семьям с детьми. Более 1 млн. малоимущих американцев утратили государственные пособия на покупку продовольствия.

Саенко Г. Что же сегодня соблазнительного в этой монетаристской эпопее? Социальные контрасты углубились. Обозначились рельефнее бедные слои населения. Эти результаты получены и в России. Поэтому надо искать другие варианты общественного идеала. Этим заняты многие страны. Европа в начале XX века практически отказалась от идеи социального государства (в том числе под давлением социальных достижений СССР). Европа вынуждена была переключиться на проект «сильного и популярного государства» с адресной социальной помощью, которую оно оказывало как ответ на социальный протест населения.

Гуревич П. Концепция «социального государства», вообще говоря, не только прагматическое решение вопроса о том, какая экономическая модель более эффективна. Она затрагивает сложный комплекс и философских проблем. Можно ли считать, что между личностью и государством существуют гармоничные отношения? Государство, к примеру, заботится о своих гражданах, а те умножают его благополучие. На самом деле мы обнаруживаем здесь серьезное противоречие, которое имеет, по крайней мере, три возможных варианта его разрешения. Первый вариант предполагает, что личность изначально обладает большей ценностью, чем общество и госу-

дарство. Социальный индивидуализм исходит из приоритетности личности. Государство призвано обеспечить все, что дает возможность личности реализовать себя. Эти идеи можно обнаружить в учениях греческих софистов. Софисты были в Греции особым слоем, если даже не особым сословием, осуществлявшим функцию связывания воедино всех остальных групп и индивидов; не случайно политическая деятельность и подготовка к ней была одним из основных занятий софистов. Не случайно также героический индивидуализм, как и позитивно понятый эгоизм, составил мировоззренческую основу нигилистических учений С. Кьеркегора, М. Штирнера и Ф. Ницше. Индивидуализм занят проектированием нового общества, поэтому не считается с наличным государством. Несомненно, демократическое устройство общества основывается на признании ценности и неповторимости индивидуального развития. Либерализм и анархизм выражают интересы личности, которая далеко не всегда исходит из потребности в государственном присутствии. Второй вариант разрешения этого противоречия исходит из значимости общества, а не личности.

Буева Л. Если я правильно понимаю, уже макет идеального государства у Платона содержит некий социальный универсализм в противовес индивидуализму. Все равно, идет ли речь об образцовом конструировании человеческого общежития, об идеальном государстве, предполагается, что благополучие общества является первым и убедительным гарантированием счастья отдельных ее членов. Этот подход выражает приоритетность общества по отношению к ее членам.

Саенко Г. Павел Семенович говорил о трех вариантах разрешения данного противостояния личности и общества. Есть, надо полагать, смешанный вариант, некий компромисс, когда нет акцента ни на общество, ни на личность. Идея социального государства как раз и есть выражение промежуточного варианта. С одной стороны, акцент на праве государства, с другой — выдвигание его обязанностей в этом же контексте. Важно добиться гармонии между частным и публичным интересом, между обществом и государством. Но ведь соотношение правосознания граждан и политических форм, призванных привести их к согласию, крайне многообразно. Поэтому идея социального государства предполагает, что в различных социально-экономических системах, в разные исторические эпохи, при любой общественной конъюнктуре важно поддерживать необходимое равновесие. Эгоизм и социальность нуждаются в примирении.

Гуревич П. Но это означает, что социальное государство не сводится к проблемам страхования, ликвидации бедности или вопросам здравоохранения. Его предназначение шире, более значимо. Убогое философское толкование данного проекта сводится к частностям экономической жизни. Между тем фон Штейн полагал, что как раз в том и заключается принцип государства, чтобы обеспечить свободное развитие личности. Данная идея — своего рода идеал, который обоснован философски, но не всегда подкреплен политически и экономически. Скажем, Кант выступал против авторитарного контроля над мыслью, который осуществляют различные социальные институты. Пусть государство будет сильным, но нельзя допускать вмешательства корпоративных, партийных, конфессиональных попыток утеснить личность.

Буева Л. Тогда, судя по всему, важно понять, что приводит к критике этого идеала — проекта социального государства.

Саенко Г. Прежде всего, потому, что этот идеал никогда не был реализован. Он остался химерической мечтой. Возможно, шведский, норвежский или датский «социализм» уже приобретает очертания «справедливого государства». Однако все реже речь идет о развитии личности, об устранении социальных контрастов. Можно говорить лишь об удовлетворении самых насущных потребностей людей. Огромные средства госбюджета государства Европы тратили и тратят на доступное продовольствие для абсолютного большинства населения. США до сих пор продолжают талонное питание. На Западе население выработало некий алгоритм своего поведения. Как только возникает угроза социального благополучия, нарастает недовольство, возникает опасность общественных выступлений, правительство идет на уступки и немедленно — на оперативные траты. Но ведь это уступки, а не гармонизация интересов. Подчас западные правительства выражают недовольство требованиями населения, пытаются жестко реагировать на социальные протесты населения. Однако игнорировать права и запросы людей они уже не могут. Оценку того или иного курса нужно соотносить с его дальнедействием.

Гуревич П. Тэтчеризм сегодня — это стремление «прихлопнуть» саму идею социального государства. Распорядители нашей судьбы полагают, что для экономического рывка надо максимально «разгрузить» федеральный бюджет, освободить его от лишних трат. Но при этом под нож попадают те области общественной жизни, которые составляют саму основу социального государства. В конкретной семье станут скорее экономить на питании или одежде, чем на лекарствах или знаниях. «Пожирая» социальное государство, нынешняя власть даже не может себе представить, как все это аукнется в будущем.

Буева Л. Государство всегда находится в зоне критики. Но давайте подумаем, можно ли ограничиться критикой только исполнительной власти. В обществе происходят сложные процессы. Вот, к примеру, молодые люди сегодня неохотно идут в предпринимательство. Еще неизвестно, что получится из собственной затеи, не прогоришь ли. Между тем государственная служба дает неплохие гарантии. Уж точно в прогаре не останешься. Устроился в государственный сектор — и прибыль при тебе. А еще лучше, если попал в контролирующие или правоохранительные органы. А если ушел в бизнес, тьма проблем — как выйти на рентабельность, как получить доступ к финансовым и другим ресурсам. Молодые люди не хотят заниматься предпринимательством. Что же получается? Нагрузка растет на государство. Оно вынуждено брать на себя ответственность за все риски. По свидетельству известного экономиста Андрея Бунича, в любом обществе людей, готовых играть с судьбой в рулетку, рисковать, — не более 5–10%. Так вот эта небольшая прослойка в нашем обществе размывается. Запросов в обществе немало. Многие из этих притязаний могли бы получить реализацию, если бы класс предпринимателей был значительным. Но что получается, если бизнесменов мало. Тогда все обращаются за помощью к государству. Ему приходится заниматься социальными выплатами. Государство несет ответственность за инвестирование, но оно может принести неудачу. Денег не хватает всем. Возникают проблемы

с бюджетом. Все просят денег и хорошо обосновывают свои притязания. Все нуждаются в государственных гарантиях. Ну, скажите, можно ли в этих условиях уповать на социальное государство?

Саенко Г. Анализируя современное общество, эксперты часто ссылаются на те присущие ему черты, которые выделял американский социолог Эдвард Шилз. Общество, по его мнению, не является частью более крупной системы; браки заключаются между представителями данного объединения; оно пополняется преимущественно за счет детей, которые уже являются его признанными представителями; объединение имеет территорию, которую считает своею собственной; у общества есть собственное название и собственная история; оно обладает собственной системой управления; объединение существует дольше средней продолжительности жизни отдельного индивида; его объединяет общая система ценностей (обычаев, законов, правил), которую называют культурой. Что существенно в этом определении? Общество — это общая судьба. Но как это совместить с поляризацией населения? Целостность социума подрывается социальным неравенством. Если чиновник или предприниматель вывез большую часть своих капиталов за границу, то идея социального государства становится фикцией.

Гуревич П. Как не критиковать идею социального государства, когда мы понимаем, что Советский Союз не выдержал той нагрузки, которая связана с этой благородной затеей. Надо, видимо, различать сам замысел и его бюрократическое извращение. Надо во что бы то ни стало обеспечить конкурентоспособность страны. Тогда и возникает вопрос: насколько грамотными будут действия правительства, чтобы не впадать в популистскую риторику, а, с другой стороны, не отдать на откуп крупному бизнесу судьбы народа. Единство общества, единство народа — вот суть требуемых реформ. Однако когда олигархи правят бал, диктуют свою волю, вовлекают страну в глобальную стихию, возникает недовольство самой идеей социального государства.

Буева Л. Само собой понятно, что со времен Тэтчер изменилась и сама ситуация. При ней речь шла о судьбе ее собственной страны. Но теперь рынок становится планетарным. Он обретает предельную жестокость. Речь идет не только о судьбе той или иной нерентабельной области экономики. Парадокс в том, что сама отрасль может быть успешной, но ее разрушит вступление страны в ВТО.

Саенко Г. Кстати, в России и СССР образ «справедливого государства» был общественным идеалом (но не образ «добротного царя-батюшки» и прочей литературной чепухи). Критика деятельности конкретного государства, его ошибок распространяется на саму идею. Государство отвечает за построенный в обществе справедливый социальный порядок. Разве оно не обязано создать условия для достойной жизни всех категорий населения, всех его групп? Неужели не оно должно проводить эту идею в соответствии с долей общественного труда? Почему оно при жесткой рыночной политике уклоняется от решения социальных проблем, связанных с инвалидами, детьми, стариками? Можно, разумеется, выразить восторг по поводу того, что учреждено звание «Героя Труда». Но уважение к общественному созиданию можно выразить только этой мерой? Неужели на этом и заканчивается громко прокламируемая социальная обеспеченность? Ведь у рабочего человека есть проблемы: как дать ребенку хорошее

образование, как устроить младенца в детский сад, как, в конце концов, провести отпуск вместе с семьей и вернуться к труду. Возьмите проблему «зэков». Кто их упрятал за решетку? Государство. Оно их изолировало от общества, лишило общество заботы заниматься перевоспитанием «сидельцев». А после отсидки государство их попросту выбрасывает на улицу без всяких гарантий помощи во вхождение в общество (в обществе создан образ, что «бывших зэков не бывает»). Кто же здесь несправедлив: государство или общество? Государство. «Какое государство — такое и упорядоченное им общество». Данная проблема особенно актуальна для современной России. В которой население стало жить беднее, стало злее и агрессивнее к своему виду, а на фасаде Конституции РФ у нас написан девиз, что наше государство «правовое и социальное». Люди, после того как развалили сообща свой дом — СССР, поздно, но поняли, как они страшно обманулись в том, что «справедливое советское государство» поменяли на государство «с демократией для немногих», для которого население страны — лишь объекты либеральных рыночных отношений.

Гуревич П. Люди нашей страны, конечно, понимают, что рыночная экономика принесла немало достижений. Сегодня жизнь у населения другая. Мало кто сегодня мечтает о равенстве в нищете. Но люди хотят справедливости! Что же сегодня соблазнительного в этой монетаристской эпопее? Социальные контрасты углубились. Обозначились рельефнее бедные слои населения. Эти результаты получены и в России. Поэтому надо искать другие варианты общественного идеала. Этим заняты многие страны. Важнее понять, какие социальные силы выступают против идеи социального государства.

Буева Л. Понятное дело, что интересы социального государства не совпадают с политикой успешных богачей. Идея неравенства получает все более рафинированное идеологическое обоснование. В наших предыдущих обсуждениях мы отмечали, что не только в нашей стране, но и во всем мире происходит поляризация населения. Парадоксальность современной ситуации состоит в том, что усилия государств, направленные на экономическое развитие своих стран, еще основательнее подкрепляют неравенство. Невозможно обеспечить социальный рынок без общественного расслоения. Нет реальных ресурсов, чтобы поднять к благосостоянию всех граждан. Поэтому богатые становятся богаче, а бедные еще беднее.

Гуревич П. Это стало уже очевидным. Многие эксперты и политики осознают последствия этой тенденции. Складывается ситуация, которая век назад привела к социалистической революции. Западная экономика может войти в состояние полного коллапса. Она может рухнуть и из-за того, что ограбленный народ учинит очередную революцию. Богатые вершители человеческих судеб готовы поделиться. Но ведь это пока декларации.

Саенко Г. Павел Семенович, есть и другие факты. Эксперты пишут о том, что супербогатые олигархи не намерены «спускать» свои накопления. Психологию ростовщического капитала хорошо воспроизвел Пушкин в «Скупом рыцаре». Он с горечью и сарказмом думает о том, как сын начнет наследовать его богатство.

*Я царствую... но кто вослед за мной
Примет власть над нею? Мой наследник!*

*Безумец, расточитель молодой,
Развратников разгульных собеседник!
Едва умру, он, он! сойдет сюда,
Под эти мирные, немые своды
С толпой ласкателей, придворных жадных.
Украв ключи у трупа моего,
Он сундуки со смехом отопрет.
И потекут соковища мои
В атласные дырявые карманы.
Он разобьет священные сосуды,
Он грязь елеем царским напоит –
Он расточит... А по какому праву?
Мне разве даром это все досталось,
Или шутя, как игроку, который
Гремит костями да груды загребает?
Кто знает, сколько горьких воздержаний,
Обузданных страстей, тяжелых дум,
Дневных забот, ночей бессонных мне
Все это стоило?*

Гуревич П. Эксперты говорят о заговоре сверхбогатеев. Они решили объединить свои ресурсы и усилия и противостоять обездоленным. Вот как описывают эту ситуацию те, кто освещал работу форума: У них триллионы и им все мало. В данный момент они летят на высоте 50 тысяч фунтов в уюте своих не облагаемых налогов реактивных самолетов, наслаждаясь икрой, фуа-гра, филе-миньоном и «Дом-Периньоном». Они считают, что они заслужили свое богатство, включая самолеты стоимостью 60 млн долл. за штуку. ВЭФовский совет обращает внимание на то, что Россия обошла Саудовскую Аравию по добыче нефти, и теперь на ее долю приходится 12% всей мировой добычи. Совет радуется: зависимость от природных ресурсов отрицательно сказывается на конкурентоспособности России и тормозит ее экономическое развитие. Государственный долг России составляет сегодня около 10% ВВП. Но если цены на нефть упадут, соотношение долга к ВВП может подскочить до 60%. Пессимистический сценарий — страной правит политический класс, заботящийся только о своем обогащении. Результат — замедленный рост, недостаточные инвестиции в инфраструктуру, бегство капитала, рост коррупции и снижение конкурентоспособности отечественной промышленности».

Буева Л. Да, полезно перечитывать классику: «Он расточит, а по какому праву?»

Саенко Г. Но ведь неоправданно растущее социальное неравенство не стимулирует экономику, а тормозит ее рост. Оно подрывает основу стабильности и демократии — средний класс. Однако отрезвление идет медленно. Два десятилетия назад стали раздувать бонусы топ-менеджерам. Расслоение углубилось. Средний доход американской семьи после Второй мировой войны вырос (в долларах 2010 года) примерно в два раза. Однако темпы роста резко замедлились после 1980-х годов. Только после 1980 года доходы самых богатых американцев, которые составляют 0,1% населения, выросли в 2,5 раза, а самых-самых богатых (0,01% населения) в 6,5 раза. Анализ экономических документов показывает, что в те годы, когда доходы выравниваются, обнару-

живается и экономический рост. И наоборот, топ-менеджеры получают огромные доходы, а население бедствует.

Гуревич П. Экономика, как мы видим, развивается по циклам. Однако надо подумать, действительно ли эти законы роста имманентны, то есть присущи самому экономическому укладу? А может быть, вмешивается еще и социальный фактор или слепота организаторов производства? В узком горизонте британских интересов М. Тэтчер — спасительница отечества. Но каковы последствия монетарной политики в историческом ракурсе? В наши дни Англия — это страна, где процветают богатые и обездолены рабочие. Экономия на молоке для детей — фактор сохранения ресурсов. Но насколько он благоразумен, когда речь идет о здоровье детей, о будущем нации? Экономия на здравоохранении подрывает физическую мощь нации. Урезание расходов на образование снижает интеллектуальный потенциал страны. Именно так обнаруживает себя научно-техническая, социальная и экономическая деградация стран.

Бueva Л. Но ведь дело не в личности М. Тэтчер или Р. Рейгана. Циклы, как я понимаю, неизбежны. После Великой депрессии 1920-х годов государственное регулирование стало более предпочтительным, чем рынок. В 1980–1990-х годах многие страны провели радикальные, шоковые рыночные реформы. Разве они не принесли результатов? Возможно, сейчас стоит перейти к государственному регулированию. Ведь до революции в нашей стране сходные явления назывались «прагматичным патриотизмом», «либеральным государственнымничеством».

3. Сложилось ли в России социальное государство?

Саенко Г. Согласно Конституции РФ наша страна является социальным государством. Власть объявила себя его наследницей. А суть либерализма заключается в том, чтобы никак население не дотировать, брать с него только налоги, а дальше пусть само позаботится о себе. Если сможет — выживет. Нет — такова судьба. Можно и пенсии не платить — есть дети, пускай заботятся о родителях. Никакой либерализм вне капитализма с его идеей всевластия денег невозможен. Парадокс заключается в том, что правительство ищет источники усиления бюджета за счет социальных сфер — образования, здравоохранения. В прозвучавших примерах Германия и Англия в послевоенный период успешно выполнили свою социальную роль, удовлетворив социальные ожидания населения, измороженного войной. В результате миру явилось немецкое «чудо» — гражданский подвиг объединенных созидательным трудом всех немцев по возрождению страны и созданию ее технического потенциала на будущее развитие. В этих примерах мы даже не видим сложившейся формы социального государства. Здесь мы обязаны говорить об эффективно выполненной всеми институтами государства своей социальной роли. В тот период у западных государств не было иного варианта сформировать мощный созидательный потенциал населения на фоне послевоенной разрухи стран.

Гуревич П. Я согласен с вами, Геннадий Васильевич. И в СССР руководство всех республик, решая такие же задачи: восстановление разрушенного

народного хозяйства, возрождение буквально из пепла городов и сел, развитие военного потенциала страны на фоне воинственной риторики бывших союзников, демонстрировало всему миру успехи социальной политики советской власти и основы социалистического производства. В течение 5–10 лет СССР не только залечил свои военные «раны», но и сделал впечатляющий рывок в развитии страны: была отменена карточная система продовольственного обеспечения населения страны продукцией отечественного производства, цены на нее в магазинах неуклонно снижались, развивалась производственная база товаров для населения, была создана атомная промышленность и основа будущих космических проектов. И все это было достигнуто исключительно на собственные средства и собственными силами населения республик. Народы и государство СССР продемонстрировали не только свои социальные функции, но и функции мощного «военного государства», после чего бывшие союзники отложили свои планы военного нападения на страну. Под давлением социальных успехов СССР западные государства были вынуждены более основательно взяться за реализацию проекта «социальное государство».

Буева Л. Может быть, мы все-таки идеализируем советское прошлое? Сейчас многие пишут о том, что образование в СССР не было уж столь идеальным. Речь идет не только о том, что оно было предельно идеологизированным. Но не было также и общей стратегической цели. Многие шли учиться «на инженера». Но разве было известно, сколько таких специалистов нужно стране? Когда мы ставим вопрос о том, чтобы увеличить затраты на построение социального, а стало быть, и справедливого общества, чтобы добиться устойчивого развития, нужно учитывать и далекую перспективу. Предположим, в гипотетическом социуме установилось справедливое распределение благ, базовые потребности людей удовлетворены, каким станет это общество? Не утратит ли оно живость, динамизм? Ведь всякое гарантированное иждивенчество порождает безответственность. Высокие нравственные идеалы можно поддерживать только с помощью диктата ответственности.

Саенко Г. Но именно ответственность высших руководителей перед народом помогла реализовать в нашей стране многие идеалы справедливого общества. К сожалению, в 1990-х годах руководство современной России, поставленное историческим процессом перед решением не менее острых социально-экономических задач, пошло в противоположную сторону реализации стратегических задач — от реализации мощной социальной политики и от создания ее мощной экономической базы — современной отечественной экономики. В угоду воплощения западной формулы так называемой рыночной экономики руководство поставило население и страну перед серьезнейшими проблемами, грозящими России, без всяких преувеличений, утратой государственного суверенитета. Последние двадцать лет руководство нашего государства неудовлетворительно справляется даже со своими социальными функциями, постоянно сетуя на несформированную современную экономику, низкую отдачу трудового потенциала и нехватку средств на социальную поддержку нуждающегося в ней населения страны, численность которого увеличивается из года в год. Все это происходит на фоне увеличивающейся социальной нагрузки на собственно население страны: платное образование, здравоохра-

нение, развитие детей, отдых старших поколений, культуру и всестороннее развитие молодежи. Таким образом, конституционная директива о современной России как о социальном и правовом государстве скомпрометирована полностью и ныне превратно пахнет набившей оскомину социальной демагогией чиновников-бюрократов.

Гуревич П. По данным Росстата, сегодня разрыв в доходах между 10% самых обеспеченных и 10% самых необеспеченных граждан — почти в 17 раз. По Санкт-Петербургу — уже в 80 раз, а по Москве — все 100. В 1990-е годы люди страдали из-за нехватки денег, обнищания. Сегодня общественное сознание демонстрирует сдвиг от проблем материальной нищеты к острому осознанию несправедливости. Люди негодуют из-за нарушения принципа социальной справедливости (80% опрошенных), неравенства распределения собственности (тоже 80%), неравенства перед законом (82%).

Международное исследование, которое проводилось с середины 2011 года до середины 2012 года включительно, выявило, что имущественное неравенство в России не имеет себе равных, за исключением малых народов Карибского бассейна. В России, согласно этим данным, на долю миллиардеров (около 100 человек) приходится порядка 30% от общего благосостояния россиян, тогда как в мировом масштабе доля миллиардеров составляет менее 2% от общего благосостояния. Сейчас в нашей стране насчитывается 1950 людей, чье состояние превышает 50 млн долл. Если сравнивать со странами БРИК, то в Индии — 1550 обладателей подобного состояния, в Бразилии — полторы тысячи. Наибольшее число людей с состоянием более 50 млн долл. живет в Северной Америке — 40 тысяч. В Европе богачей почти вдвое меньше — 22 тысячи. В Азиатско-Тихоокеанском регионе (не считая Китая и Индии) всего 12,8 тысячи состоятельных людей. Таков размах социального расслоения.

Саенко Г. Мы вряд ли можем оспаривать эти данные. Приватизация 1990-х годов привела к тому, что в России образовалось немало людей, которые разбогатели быстро и сказочно. Проблему неравенства обостряет тотальная коррупция. Россия скатывается в мировых рейтингах на среднеафриканский уровень по всем параметрам, будь то состояние дорог или коррупция. Одолеть коррупцию теми методами, с которыми с ней борются, невозможно. В ближайшем окружении президента слишком много чиновников, которые встроены в эти коррупционные цепочки. Власть решила лишь слегка усложнить жизнь коррупционерам, но не трогать их по-настоящему.

Буева Л. Россия в настоящее время пока не является социальным государством. Политические формы (форма государства, законодательство и т.д.) в ней ориентированы на идеальное правосознание, а следовательно, неадекватны правосознанию реальному, уровень которого на сегодняшний момент остается достаточно низким. Поэтому в рамках конкретно-реальной, идеальной и оптимальной формы реализации идеи социального государства Россия не может быть признана социальным государством. Какую характеристику вы дали бы современной России? В двух словах: богатая страна с бедным населением. Главный редактор «Финансовой газеты» Николай Вардуль пишет: «Доходы высшего звена российского госаппарата не просто растут — они фонтируют. Сначала бурно выросли доходы «ближних чиновников», населяю-

щих президентскую канцелярию. Путин поднял их после своего второго пришествия. Теперь в администрации — не начальники управлений, отделов, бумаг, телефонов и столов, а генералы от бюрократии. С сентября прошлого года чиновничьи чины, как в петровской Табели о рангах, приравнивали по выплатам к воинским званиям. Зам. руководителя администрации получает, как замминистра обороны. К кому по выплатам приравнивали Сергея Иванова, не рискует назвать даже собака съевший в добывании платежных ведомостей «Forbes».

Саенко Г. Не только олигархи, но и чиновники против прожекта социального государства. Они достаточно прикормлены, чтобы не думать о простых людях. Сегодня, пожалуй, только 10% населения ведут нормальную жизнь. Остальные, по крайней мере, 70%, вынуждены просто выживать. Разговоры о том, что население стремительно богатеет — плод лукавой чиновничьей мысли. Прежде всего, напомним о социальной катастрофе 1990-х годов. Тогда профессии и отрасли народного хозяйства сразу получили ярлыки — «нужные — ненужные». Потом прошли залоговые аукционы. Появились обладатели огромных состояний. Но еще действовала инерция, согласно которой следовало «выравнивать» доходы. Однако «малоимущим» досталось немного. Зато сложился парадокс, которого не знала зарубежная практика. Оказалось, что получение работы не гарантирует сносного существования. Многие попали в группу бедности вместе с жителями села, пенсионерами.

Гуревич П. Бедность в России носит структурный характер. Можно сказать, что она беспросветна. Улучшить свое благосостояние почти невысказимо. Во все века существовала возможность улучшить, повысить свой статус. Отец известного реформатора Мартина Лютера был шахтером, а затем стал адвокатом. Он мечтал о том, чтобы сын добрался до звания профессора. Возможно ли такое в современной России? Образование, по существу, разрушено. Идет бесконечное реформирование школ, вузов. Чиновники, затеявшие эти преобразования, не считаются ни с общественным мнением, ни с научными разработками, ни с плачевными итогами этой деятельности. Такова непреложность либерального фундаментализма. Сын бедняка не может сегодня получить образование и воспользоваться социальным лифтом, стать более оплачиваемым работником. Нищета плодит нищету.

Буева Л. Все говорят о том, что в СССР была эффективная социальная политика, хорошее здравоохранение, отличное образование. Но я хочу задать такой вопрос: разве это не плодило иждивенчество? Наступит лето, и вы законно получите свою путевку в санаторий. Появится жажда знаний, ради Бога, оно бесплатное. Но вот возникла угроза социальному государству. Что, благодарные граждане бросились защищать свои завоевания? Разве многие специалисты, получившие образование в советских вузах, не отправились трудиться в иностранные университеты и транснациональные корпорации? Это верно, что новые либералы настаивают на коммерциализации здравоохранения, образовательных учреждений, науки. Я тут выступала в защиту свободного предпринимательства. Но я, разумеется, против того, чтобы группа лиц снова присвоила себе природные богатства страны, ее экономический потенциал. В науке, в образовании конкуренция нужна. Специфика научного труда такова, что не все открытия одинаково успешны, не все плоды научной

мысли внедряются в практику. Система грантов, поощрений, целенаправленного финансирования не вызывает сомнений. Состязание идей легко монтируется с либеральным фундаментализмом. Но кто сегодня определяет полезность или ценность тех или иных научных идей?

Саенко Г. Чиновникам мнится, что все ученые ищут новые источники энергии и вот-вот прославят страну. Но наука не может развиваться в соответствии с плоской прагматикой. Она имеет собственные законы развития, и они не совпадают с дилетантскими представлениями чиновников. Реформатор сам должен быть образованным. Но ведь слабо подготовленному чиновнику кажется, что он все понимает, мыслит глубже, чем сами ученые, и поэтому он может направить процесс в нужное, полезное русло.

Гуревич П. Реформаторы говорят о преобразовании Академии наук. Аналогичные процессы прошли в Китае и дали прекрасные результаты. Однако здесь есть принципиальная разница. В других странах реформы проходят медленно, с участием специалистов, с широким обсуждением намечаемых мер. При этом экспертное мнение всегда является определяющим. У нас же все реформы кончились крахом. Не было обсуждения последствий реформирования ни в одной сфере. У российского чиновника же другая миссия: Россию вздернуть на дыбы. Почему, к примеру, не поставить перед Академией наук реальные задачи и проследить сам процесс реформирования? Но в нашей реальности сами ученые лишены права голоса. Голос администратора звучит беззастенчиво громко. Дмитрий Ливанов на деловом завтраке Сбербанка в рамках Петербургского международного экономического форума заявил: «Мы действительно фиксируем очень глубокие проблемы и в нашем образовании, и в нашей науке. За последние 20 лет мы полностью утратили международную конкурентоспособность в этих сферах. Мы ее просто потеряли. В СССР была хорошая наука и хорошее высшее образование, но их уже нет. То, что мы имеем сегодня, это не соответствует даже минимальным требованиям». Академик А.А. Гусейнов по этому поводу написал: «Согласимся с министром, что мы за 20 лет потеряли хорошую науку и хорошее образование. Но разве не следует ли из этого утверждения вывод, что причинами утраты конкурентоспособности нашей науки и нашего образования за последние 20 лет стали как раз те изменения, «реформы», которые в течение этого времени проводились в данных сферах?»

Буева Л. Реформаторы объявили неэффективными 136 высших учебных заведений, в том числе 30 педагогических из 43, 24 сельскохозяйственных вуза, 17 вузов культуры, около 20 высших учебных заведений, которые выполняли социальную миссию. Они в значительном количестве давали образование инвалидам, детям-сиротам, представителям малых народов Севера. Результаты мониторинга вызвали бурные протесты преподавателей и студентов. По инициативе Минобрнауки отменены надбавки за ученые степени и звания для преподавателей вузов. На очереди такое же решение в отношении сотрудников академических институтов. Министерство обещает включить эти надбавки в заработную плату ученых и преподавателей вузов при их переводе на так называемый «эффективный контракт». Но простят ли наши потомки разгром образования и науки, который уже начался? Разгосударствление в области образования и науки рассматривается как магистральное развитие России. В бли-

жайшие два-три года закроется треть государственных высших учебных заведений и три четверти частных. Невольно возникает вопрос: кому на самом деле нужно образование — государству или населению?

Саенко Г. Позвольте процитировать материал о деятельности русского императора Александра I. «Вступив на престол в 23 года, Александр видел перед собой необозримый масштаб деятельности внутри страны в силу ее отсталости от окружающего мира и огромную опасность со стороны захватнических действий Н. Бонапарта, который к тому времени захватил всю континентальную Европу, помимо России. Александр успешно провел курс по поднятию образования в России. Был поддержан Московский и открыто еще несколько университетов. Открываются лицеи, кадетские корпуса, губернские школы и уездные училища, приходские школы для всех сословий, организовано обучение в армии» (ЖГ, 2013, № 15, с. 9). Двести лет назад, оказывается, для того, чтобы усилить мощь страны, надо было, прежде всего, заняться образованием, поднять культуру народа. Что за морок охватил нас сегодня, если для той же цели нужно разрушить образование?

Гуревич П. В здравоохранении начался процесс, который называется «оптимизация коечного фонда». В реальной жизни речь идет о закрытии больниц. Но это означает, что жить в провинции или в малых городах — это подвергать себя риску. Инфраструктура, которая осталась от советских времен, решительно разрушается. Закрываются акушерские пункты. Увеличиваются больницы. Но разве социальная гарантированность проявляется не в том, чтобы обеспечить гражданину оперативное лечение, быструю и профессиональную помощь? Во всем мире люди стареют. И в России стариков становится все больше. А.С. Бронштейн в связи с реформами в области здравоохранения сказал: «Сегодня у меня нет твердого убеждения, что наш народ очень сильно нужен власти». Тогда кому вообще нужен российский народ? Простая задача — приблизить помощь к районным больницам и поликлиникам.

Буева Л. И все-таки вопрос о лишних затратах бюджетных денег остается актуальным. Разве в социальном государстве терпима такая численность бюрократии, как в нашей стране? Армия чиновников множится без особой надобности. Неужели чиновнику нужно платить столько же, сколько бизнесмену? Последний рискует, а у чиновника, напротив, нет реальной заинтересованности в том, чтобы повысить рентабельность предприятия.

Саенко Г. Нынешний капитализм все еще находится под угрозой кризиса. Есть очевидный запрос на новые социальные и экономические идеи. Но с этим плохо. С тех пор, когда возникла уверенность во всемогуществе рынка, прошло много времени. Сама нынешняя экономика оказалась более сложной, чем во времена Адама Смита. Все понимают, что необходимы новые формы участия государства, чем прежние. Кроме того, выявилась гипертрофированная роль финансового капитала. Сложилась совершенно неэффективная рентная экономика. Крупные корпорации стали ориентироваться не на интересы акционеров, а на выгоды топ-менеджмента и краткосрочные горизонты планирования. Руководители получают бонусы, «золотые парашюты».

Гуревич П. Но есть еще один аспект темы, который мы упустили, — социальная реклама. Она ведь направлена на облагораживание определенного образа жизни, пропаганду социальных достижений, которые могут благо-

творно сказаться на жизни миллионов людей. Поэтому деятели социальной рекламы, как правило, начинают свою деятельность в тех случаях, когда надо убедить огромные массы людей в правомочности конкретных социальных решений. К сожалению, наша отечественная социальная реклама слишком проста, если не сказать, примитивна. Вот, к примеру, газеты сообщают о том, что Институт глобализации и социальных движений (ИГСО) провел исследование «Жить в России: социальное благосостояние населения в исторической перспективе». Авторы рекламного сообщения прямо-таки захлебываются от восторга: оказалось, что именно сейчас благополучие среднестатистического гражданина находится на высшей точке. По стилю изложения это похоже на продажу стиральной машины. Для анализа и мониторинга в ИГСО взяли показатели за последние три века, буквально — от Петра Великого. Разумеется, если за точку отсчета взять Хованщину, то окажется, что «жить стало лучше и стало веселей». Как вам, коллеги, нравится, с учетом приведенных здесь цифр и размышлений, такой пассаж: «Россия уверенно вошла в число стран устойчивого экономического роста, нравственным базисом которого является не только рост благосостояния низкооплачиваемых социальных слоев населения, но и улучшение качества жизни этой социальной группы»?

Буева Л. Но это уж, пожалуй, слишком. Можно, надо полагать, говорить об улучшении благосостояния простых россиян. Но подводить под это нравственный базис — курьезно. В чем особая нравственность-то? В том, что бедняки нищают? В том, что богатство пухнет от избыточности?

Саенко Г. Авторы исследования пишут: «Впервые в истории именно в «эпоху Путина» экономическое благосостояние граждан сочетается с наличием политических и демократических институтов в стране». Умри, Суслов, лучше не скажешь. Именно «впервые», именно в «эпоху». Знакомая до боли демагогия, которая пытается «заболтать» реальные проблемы отечественной истории.

В сталинские времена в нашей стране мороженое продавали, выдавливая его между двух вафель из трубки. Потом И.В. Сталин подписал постановление, в котором предлагалась новая технология. Теперь мороженое продавалось в стаканчиках. А в газете «Правда» была опубликована передовая статья, смысл которой можно передать такими словами: благодаря товарищу Сталину мы едим мороженое. Чем не социальная реклама?

Гуревич П. Участники ежегодного заседания Всемирного экономического форума, которое состоялось в январе этого года на швейцарском курорте в Давосе, невольно сблизили две угрозы, которые грозят гибелью человечества. Одна из них вообще не относится к экономике. Фактически эта проблема не связана напрямую и с медициной. Ученые обнаружили, что стремление людей уничтожить вирусы как возбудителей болезней с помощью антибиотиков привели к тому, что бактерии претерпели мутацию и теперь люди беззащитны перед ними. Человечество может исчезнуть, как в романе Г. Уэллса это произошло с инопланетянами. Растущая сопротивляемость бактерий антибиотикам неожиданно протиснулась в повестку дня форума. Хотя, разумеется, разговор пошел об экономической опасности. Разрыв в доходах между бедными и богатыми — пугающая перспектива. Может быть, неравенство людей и есть та самая бактерия Клебсиелла, против которой нет антибиотика?

Хотя основное внимание на форуме было уделено программе устойчивого динамизма, многие говорили о том, что пробил час капитализма западного образца: он умирает. Тоска по справедливости обнаруживается все более явственно.

Ученые Каролинского университета (Стокгольм) опубликовали открытие, которое выглядит следующим образом: «Чувство справедливости встроено в мозг». Это чувство появилось на заре человечества и помогло людям выжить. Все социальные проекты, игнорирующие это древнее завоевание, не могут быть стабильными.

Парадоксальность ситуации состоит в том, что не власть, а народ добивается сохранности конституции, приверженности ей. Нынешняя власть ведет наступление на образование, здравоохранение. Напомним предостережение А.С. Пушкина: «Одно просвещение в состоянии удержать новые безумства, новые общественные бедствия».

Государство должно понять, что не оно определяет, какими должны быть права и свободы людей. Нельзя рассматривать граждан просто как подданных.

Кто может внятно ответить на вопрос: почему доходы от продажи нефти государственной «Роснефти» нужно отдать «частным инвесторам»? Но без них неплохо живут люди в Норвегии, Саудовской Аравии, Катаре...

Социальное государство — это более высокая ступень государственности. Оно обязано служить интересам общества, а не узкому клану богачей. Вероятно, скандинавские страны ближе всего к этому идеалу.

Как говорил Н.А. Бердяев, государство существует не для того, чтобы на земле был рай, а для того, чтобы не было ада.

Борис ЧЕРНЫШЁВ

АЛЬТЕРНАТИВНОСТЬ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОДГОТОВКИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ РЕШЕНИЙ В ИСТОРИИ РОССИИ

В настоящее время Россия переживает момент очередного выбора исторической альтернативы: или продолжать инерционное движение с устаревшей экономической моделью, или начать движение вперед с моделью экономики, отвечающей потребностям шестого цикла развития мировой экономики и российского общества.

Неизбежность этого выбора публично не признается и не обсуждается властью даже на заседании Экономического совета при Президенте РФ. И это не случайно: в истории российской государственности возможность выбора из двух или более вариантов действий оказалась в одной связке с захваченной государями монополией на истину и господствующими идеологическими предпочтениями в тот или иной исторический момент. Именно по этой причине рассмотрение альтернатив до сих пор не приобрело статус закрепленной законом обязательной процедуры механизма подготовки государственных решений в России.

Сложившаяся практика забвения использования альтернативности обрачивалась, как правило, неспособностью власти своевременно выявлять все возможные способы решения встающих в повестку дня проблем, всесторонне обсуждать и взвешивать «за» и «против» каждого из имеющихся вариантов, выбирать тот единственный, соответствующий конкретной исторической обстановке, с учетом материальных и финансовых возможностей страны. Это хорошо видно на примере смены в XX веке моделей экономического развития России и ее последствий. За сто лет ее меняли четыре раза, причем все решения верховной власти принимались единолично, без публичного рассмотрения имевшихся в то время альтернатив.

В 1917 году попытка В. Ленина отказаться от модели госкапитализма, сложившейся в царской России, закончилась крахом. Признав свою ошибку через четыре года, В. Ленин вернул экономическую модель на прежние рельсы рыночных отношений, проложенных еще с конца XIX века экономической программой С. Витте. Спустя семь лет И. Сталин отказался от новой экономической политики, введенной по инициативе В. Ленина, и возвратился к использованию модели жестко централизованной плановой экономики времен Гражданской войны 1918–1920 годов.

Оставаясь в мирное время без адекватных изменений на протяжении более пятидесяти лет, эта модель привела советское общество к системному кризису и развалу СССР.

В 1991 году единоличный выбор Б. Ельциным монетаристской модели рыночной экономики без участия государства обернулся для России деиндустриализацией ее экономики и сокращением численности страны на 6 млн человек.

В XXI век страна вошла, по образному выражению академика С. Шаталина, с «самоедской» моделью экономического развития колониального типа¹. Новое руководство вновь оказалось перед очередным историческим выбором. Публично признавая несостоятельность сложившейся экономической модели, верховная власть более 10 лет не может сделать свой выбор. Господство нелиберальной идеологии не допускает публичного обсуждения имеющихся вариантов смены экономической модели, способной быстро и жестко достроить экономику России до шестого технологического уклада, пропустить который означал бы окончательное превращение страны в сырьевой придаток транснациональных корпораций. Затягивая с выбором варианта действий, верховная власть идет по пути очередного повторения ошибок генеральных секретарей ЦК КПСС, откладываяювших своевременное внесение адекватных изменений в модель развития советской экономики.

Истоки наблюдаемого упрямства уходят своими корнями к XVIII веку, когда российский государь стал единственным субъектом законодательной власти, а его воля, правильно объявленная, становилась законом. Сознание вседозволенности и ответственности за свои решения и поступки только перед Богом не покидало даже последнего российского императора. Когда в 1900 году члены Государственного совета высказались за то, чтобы лишить волостные суды права приговаривать лиц крестьянского сословия к телесным наказаниям, Николай II, не смущаясь, возразил: «Это будет тогда, когда я этого захочу»². Видя в себе, прежде всего, «помазанника Божьего, он почитал всякое свое решение законным и по существу правильным. Воля монарха есть высший закон — вот та формула, которой он был проникнут насквозь. Это было не убеждение. Это была религия»³.

Свою монополию на истину советские вожди тщательно скрывали под тезисом о верховной правоте решений съездов партии большевиков. По мнению профессора В.П. Макаренко, истина в условиях государства диктатуры пролетариата могла равняться только указаниям вождя партии рабочего класса: истина = диктатура пролетариата = партия = аппарат партии = вождь⁴.

Накануне XII съезда публично утверждалось: «РКП никогда не ошибается. РКП всегда права и всегда предвидит правильно ход событий. РКП обла-

¹ Шаталин С.С. Жизнь, не похожая ни на чью. — М., 2004. — С. 257.

² Витте С.Ю. Воспоминания. — М., 1960. — С. 335.

³ Гурко В.И. Царь и царица. В кн.: Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Государственные деятели России глазами современников: Николай Второй: Воспоминания. Дневники. — СПб., 1994. — С. 367

⁴ Макаренко В.П. Бюрократия и сталинизм. — Ростов, 1989. — С. 28.

дает в максимальной мере талантом, умом и характером. В промежутках между партийными съездами этими качествами обладает ЦК РКП, а в промежутках между заседаниями пленума они принадлежат Политбюро ЦК»⁵. В 1917–1922 годах за этой идеализацией органов партии скрывались указания ее вождя — В. Ленина.

Исторически сложившаяся в партии большевиков ленинская монополия на истину оборачивалась тем, что его личные ошибки становились просчетами всей партии. Однако В. Ленин, в отличие от предыдущих и последующих руководителей российского государства, обладал редкой способностью быстро учиться у опыта истории. И за публичным признанием В. Ленина собственной ошибки и извлечением поучительного урока из нее следовало немедленное изменение в политике партии.

И. Сталин, в отличие от В. Ленина, присвоил себе сам положение главного (и единственного) теоретика партии, хотя не был никогда глубоким мыслителем и не имел для этого достаточно данных. «Своими представлениями он пытался охватить все сферы общественной жизни и все науки об обществе, которые характеризовались подхалимами и льстецами как высшие достижения человеческого гения, хотя на деле представляли собой или банальность, или чаще — безусловный отход от положений, выдвинутых классиками марксизма-ленинизма»⁶.

Сохранению генеральными секретарями ЦК монополии на истину способствовала беспринципная позиция их ближайшего окружения, готового во имя партии «изменить все свои убеждения и заставить себя считать черное белым»⁷. Эта традиция слепого следования указаниям вождей их ближайшим окружением сохранилась и в посткоммунистический период. Так, в обращении к «Единой России» в 2006 году один из ответственных руководителей Администрации президента РФ прямо заявил, что фундаментом в определении задач будущего должно быть «описание Новейшей истории в оценках и под тем углом зрения, который соответствует курсу президента»⁸.

В истории российской государственности использование альтернативности первоначально во многом оказалось связанным с личными качествами государей, их интеллектуальными предпочтениями.

В период самодержавной России государи, прежде чем принять решение, лично знакомились с различными предложениями ученых и чиновников, участвовали в их обсуждении в узком кругу.

Екатерина II не постеснялась обратиться к обществу за предложениями и идеями по вопросам социально-экономической политики: земельной собственности и крепостных отношений; сравнительной выгоды барщины и оброка; применения наемного труда в сельском хозяйстве. В объявленном ею конкурсе на лучшую работу о путях решения крестьянского вопроса: «Что

⁵ XII съезд РКП(б): Стенографический отчет. — С. 207–208.

⁶ *Маслов Н.Н.* Об утверждении идеологии сталинизма // История и сталинизм: Сб. ст. — М., 1991. — С. 53–54.

⁷ *Валентинов Н.* (Н.В. Вольский). Новая экономическая политика и кризис партии после смерти В. Ленина. — М., 1991. — С. 330.

⁸ *Сурков В.* Суверенитет — это политический синоним конкурентоспособности. В сб. ст. PRO суверенную демократию. — М.: «Европа», 2007. — С. 99.

полезно обществу — чтоб крестьянин имел в собственности землю или токмо движимое имение, и сколь далеко его права на то или другое имение простирались должны?» — приняли участие 129 авторов.

Александр I в ходе обсуждения путей решения важнейших государственных проблем только с 1798 по 1820 год ознакомился с 28 записками, содержащими альтернативные проекты решений: по крестьянскому вопросу — П. Зубова, А.А. Аракчеева, П.Д. Киселева, А.Ф. Малиновского, Д.А. Гурьева, М.А. Балучьянского, по конституционному вопросу — А.Р. Воронцова, В.П. Кочубея, Н.М. Новосильцева, по общему плану преобразований — М.М. Сперанского, А.Л. Безбородько, Н.И. Салтыкова, М.М. Философова, Н.М. Карамзина⁹.

В окружении Александра II также шел процесс обсуждения альтернативных путей модернизации государственного строя России. Император ознакомился с письмами и записками П.Д. Голохвастова, с программой (в форме 12 писем) И.И. Воронцова-Дашкова и Р.А. Фадеева, с проектом П.А. Валуева, конституционным планом Шувалова, записками Д.А. Милютина и А.А. Половцева, программой М.Т. Лорис-Меликова и др.¹⁰

Николай II после вступления на престол имел возможность ознакомиться как минимум с тремя программами экономических преобразований, авторами которых были Н.Х. Бунге, С.Ю. Витте и С.Ф. Шарапов. Император отдал предпочтение программе С.Ю. Витте, так как она обещала развитие национальной экономики без каких бы то ни было перемен в системе государственного управления, не затрагивая основ самодержавной власти. По аграрному вопросу царю были представлены два проекта: 1) профессора П.П. Мигулина; 2) Н.Н. Кутлера, А.А. Кауфмана, А.А. Риттиха. Николай отверг второй проект, наложив на него резолюцию: «Частная собственность должна оставаться неприкосновенной»¹¹.

Этот накопленный в царской России опыт использования альтернативности в 1917 году был отброшен руководством партии большевиков во главе с В. Лениным. Разрешив вначале членам партии спорить и ошибаться только в рамках программы партии, он уже на X съезде РКП(б) в 1921 году вынужден был добиться принятия решения о запрете существования фракций внутри самой партии. С этого момента в механизме подготовки государственных решений РКП места альтернативным взглядам не осталось совсем. Позднее И. Сталину удалось создать такой гиперцентрализованный механизм подготовки решений высших органов государственной власти, что нередко он не считал даже нужным информировать членов Политбюро ЦК о лично принятых им решениях, касавшихся чрезвычайно важных партийных и государственных вопросов.

С середины 50-х годов XX века были предприняты три попытки вернуться к использованию альтернативности. В 1953 году председатель Совета Министров СССР Г. Маленков поручил Г.М. Кржижановскому собрать группу крупнейших специалистов во всех областях науки и прикладных знаний,

⁹ Власть и реформы: от самодержавной к советской России. — СПб., 1996. — С. 241–243, 264.

¹⁰ Там же. С. 360–361, 364–365, 373, 379.

¹¹ Там же. С. 422–423, 427.

с тем чтобы они в двух-, трехмесячный срок изложили свои соображения о путях развития нашей страны в послевоенный период. К указанному сроку Г.М. Маленкову было предоставлено тридцать докладов, которые должны были лечь в основу преобразований в СССР¹². Однако Н. Хрущёв как Генеральный секретарь ЦК эти материалы сдал в архив, а группы ученых распустил.

По инициативе Ю.В. Андропова, уже спустя две недели после его вступления в должность Генерального секретаря ЦК, решением Политбюро ЦК КПСС была создана специальная экспертная группа для теоретической разработки экономической реформы, учитывающей опыт стран — членов СЭВ. В ее состав вошли ответственные работники ЦК КПСС, Совмина, ученые. За девять месяцев работы была разработана конкретная альтернативная существующей модели экономики программа по развитию частного и кооперативного сектора в народном хозяйстве страны, созданию концессий, совместных предприятий и акционерных обществ, по расширению хозяйственного расчета и самостоятельности предприятий¹³. Реализации этой программы помешала смерть Ю. Андропова.

М. Горбачёв в 1990 году, располагая как минимум двумя альтернативными вариантами перехода к рынку: 1) умеренно-радикальным (программа Рыжкова–Абалкина); 2) радикальным (программа Шаталина–Явлинского, или программа «500 дней»), не сумел воспользоваться ни одним. Еще до ознакомления народных депутатов СССР с содержанием обеих программ и их обсуждения президент СССР высказался за программу академика С. Шаталина, хотя, как утверждает академик Л. Абалкин, М Горбачёв ее «не читал и даже не видел»¹⁴. В итоге при существующих альтернативных вариантах окончательного выбора им так и не было сделано.

Решение Б. Ельцина в 1991 году остановиться на варианте экономической программы «шоковой терапии» вообще нигде не обсуждалось. Судя по его книге «Записки президента», оно было продиктовано желанием доказать М. Горбачёву, что тот якобы не смог быстро сломать старую и утвердить новую систему хозяйствования, а он, Б. Ельцин, сможет.

Второй президент РФ В.Путин предпринял попытку реально выслушать альтернативные точки зрения по стратегическим проблемам развития страны, которая, к сожалению, так и не смогла преодолеть экспертный уровень и выйти на политический. Созданный в конце 1999 года по его инициативе Центр стратегических разработок при Правительстве РФ собрал и обобщил предложения подавляющего большинства квалифицированных экспертов, существовавших в России, по широкому спектру тем — от модернизации экономики до реформ власти и формирования нового социального контракта. Однако возглавивший ЦСР Г. Греф, ставший в мае 2000 года министром экономического развития и торговли, отбросил в сторону аргументированные соображения участников публичных семинаров, прошедших в ЦСР, и вернул разработку экономической стратегии в русло принципов политики монетаризма.

¹² Маленков А.Г. О моем отце Г. Маленкове. — М., 1992. — С. 73.

¹³ Судьбы реформ и реформаторов в России. — М., 1999. — С. 335.

¹⁴ Абалкин Л. Нас сдерживала излишняя интеллигентность // Комсомольская правда. 2 февраля 1994 г.

Забвение альтернативности при подготовке государственных решений верховная власть в России, как правило, компенсировала за счет интеллектуального потенциала ученых, умеющих «научно» обосновать уже принятые властью решения. В СССР для этих целей Академия общественных наук при ЦК КПСС специально воспитала слой теоретиков, копирующих политическое мышление советских вождей. В современной посткоммунистической России эти функции с успехом выполняют ученые Высшей школы экономики, Российской академии народного хозяйства и государственной службы, отстаивающие с позиций идеологии нелиберализма действующую экономическую политику. Участвуя в разработке «Стратегии экономического развития России до 2020 года», они оказались не в состоянии предложить обществу альтернативы сложившейся в стране «самоедской» экономической модели.

Вместе с тем на всем протяжении XX века ученые и специалисты, имеющие мужество предлагать власти альтернативные пути решения возникающих проблем на путях строительства социализма, а затем «олигархического» капитализма, подвергались открытым гонениям и репрессиям, об их идеях власть преднамеренно умалчивала, прятала в архивах, использовала административный ресурс с целью недопущения в совещательных органах государственной власти открытых дискуссий по актуальным вопросам социально-экономической политики.

Основатель советского государства В. Ленин, призывая партию беречь специалистов, независимо от их идейных взглядов, одновременно ратовал за применение незаконных мер к «чуждым коммунизму специалистам». Именно он положил начало высылке из страны «инакомыслящих» ученых, представителей интеллигенции. И. Сталин продолжил, но уже в форме массовых репрессий, борьбу против старой «буржуазной» интеллигенции. В ходе инспирированных им политических процессов погибла целая плеяда выдающихся ученых и руководителей. В частности, секретарь райкома партии г. Москвы М.Н. Рютин был расстрелян только за попытку в ряде своих теоретических работ (главная из них «Сталин и кризис пролетарской диктатуры») критически оценить опыт сталинского руководства социалистическим строительством и предложить свои пути выхода из кризисной ситуации¹⁵. Тем же способом И. Сталин расправился и с видным государственным деятелем Х.Г. Раковским за открытую критику сталинских методов строительства основ социализма, изложенную в письмах: «Нет ничего опаснее пассивности масс» (от 6 августа 1928 года)¹⁶, «Мимо жизни» (26 июня — 3 июля 1930 года)¹⁷.

В течение XX века многократные обращения к власти ученых-экономистов с альтернативными предложениями по решению возникающих социально-экономических проблем оставались без внимания высших органов государственной власти.

Так, в 1919 году профессора-экономисты Л.Б. Кафенгауз и Я.М. Букшпан разработали программу вывода России из хозяйственного кризиса, реоргани-

¹⁵ Рютин М. На колени не встану. — М., 1992. — С. 46.

¹⁶ Неделя. 1988. № 43. — С. 9–10.

¹⁷ Письмо, адресованное всем большевикам-ленинцам, посвященное анализу итогов XVI съезда ВКП(Б) и их вопиющих расхождений с реальной социально-экономической обстановкой // Неделя. 1989. № 21. — С. 10–11.

зации всей ее экономической системы на основе рыночных отношений¹⁸. Однако содержание этого документа было отвергнуто руководством РКП(б) как не соответствующее духу и букве действующей тогда политики «военного коммунизма».

С 1965 по 1988 год доктор экономических наук Д.В. Валовой, работая заместителем главного редактора еженедельника ЦК КПСС «Экономическая газета», а затем газеты «Правда», больше двадцати лет пытался объяснить в шести научных статьях, опубликованных в печатных органах ЦК партии, и в двух записках генеральным секретарям ЦК КПСС Л.И. Брежневу и М.С. Горбачёву объективную необходимость перехода в экономике на оценку работы по натуральным показателям, по конечным результатам, по реальному вкладу предприятия, министерства в приращение национального богатства. В 1970-е годы вместе с академиком В.М. Глушковым Д.В. Валовой предупреждал, что «если в системе управления экономикой не будут сделаны серьезные изменения, то 13-я пятилетка будет роковой и последней — народное хозяйство развалится. До 2000 года не дотянем!»¹⁹ Тогда верховная власть не придала серьезного значения выводу ученых.

В июле 1986 года в статье «Измерение ускорения» Д.В. Валовой откровенно заявил о несостоятельности идеи «ускорения» социально-экономического развития страны, ставшей своеобразной визитной карточкой М.С. Горбачёва. «Ускорять темпы роста экономики от «достигнутого уровня», когда объем валового общественного продукта уже превысил триллион и 400 миллиардов рублей, было просто безумием. Каждый процент прироста требовал 14 миллиардов рублей, а интенсификация производства объективно предполагала снижение затрат»²⁰. Эта статья Д.В. Валовой обсуждалась 10 июля 1986 года вне повестки дня на Политбюро ЦК. Затем была создана специальная комиссия ЦК, которая оказалась не в состоянии опровергнуть имеющиеся в статье выводы²¹. Однако пересматривать свое ошибочное решение об ускорении М.С. Горбачёв отказался.

В конце XX века верховная власть России, избрав монетаристский способ перехода к рыночным отношениям, стала отвергать любые предложения ученых и специалистов, выступающих за сохранение регулирующей роли государства в экономике (кейсианский способ). Такое отношение к ученым сохранилось даже тогда, когда сложившаяся модель экономического развития страны была признана несостоятельной самой властью.

В 1994 году 45 ведущих ученых России и США, включая пятерых Нобелевских лауреатов, в совместном «заявлении» президенту РФ Б. Ельцину предложили альтернативу гайдаровским реформам. В 1996 году вновь последовало обращение ученых по существенному изменению экономической политики в России. В 2000 году в совместном заявлении ученых к президенту РФ В. Путину была предложена новая повестка дня экономических реформ в России. Однако все эти беспрецедентные в истории науки и политики акции международной

¹⁸ Неизвестная Россия. XX век. — М., 1992. — С. 152.

¹⁸ Валовой Д.В. XXI век: три сценария развития. — М., 1999. — С. 10.

¹⁸ Там же. С. 55.

¹⁸ Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти 1945–1991 гг. — М., 1998. — С. 409.

солидарности ученых остались без внимания верховной власти России, которая продолжала твердо следовать принципам политики монетаризма. Так, использовать в государственном управлении понятие «промышленной политики» при Б. Ельцине было запрещено совсем. В 2002 году В. Путин предложил вырабатывать промышленную политику не государству, а Российскому союзу промышленников и предпринимателей. В ответ на эту инициативу председателем комитета Госдумы по промышленности, строительству, наукоемким технологиям Ю. Маслюковым была разработана «Стратегия промышленного развития страны», Торгово-промышленная палата России под руководством Е. Примакова и РСПП под руководством А. Вольского подготовили свои варианты государственной и национальной промышленной политики.

Однако все эти документы оказались невостребованными верховной властью. В дальнейшем президенты РФ В. Путин и Д. Медведев к использованию понятия «промышленной политики» не возвращались даже тогда, когда это было необходимо сделать: в 2009 году при объявлении курса на инновационное развитие экономики, в 2011 году в заявлении о неизбежности проведения реиндустриализации России.

Раскрывая сущность сложившейся ситуации с использованием альтернативности при подготовке важнейших государственных решений, президент ТПП Е. Примаков с горечью писал: «Мы неоднократно сталкиваемся с игнорированием предложений, которые исходят от организаций предпринимателей, научно-экспертного сообщества. Так произошло, например, с опубликованной в 2003 году разработкой ТПП по государственной промышленной политике. Она стала предметом обсуждения на конференциях, «круглых столах» в десятках районов страны. Мы получили многочисленные отклики от губернаторов, бизнесменов, ученых. И ни одного отклика из Минэкономразвития. Аналогичная участь постигла многие разработки других предпринимательских организаций, Российской академии наук»²².

Неслучайно мимо внимания членов Государственного совета при Президенте РФ прошли альтернативная правительственная программа экономического развития страны, подготовленная комиссией губернатора Хабаровской области В. Ишаева, варианты экономической стратегии России, сформулированные учеными и практиками в ходе общероссийской дискуссии, организованной комитетом Государственной Думы по экономической политике и предпринимательству, 13 различных концепций по реформированию РАО «ЕЭС России» и т.д.

Не создает условий для рассмотрения альтернативных вариантов и установленный порядок взаимодействия Общественной палаты с парламентом, он составлен так, что члены ОП могут реально влиять на судьбу законопроекта только одним путем: обнародованием своей экспертизы до принятия решения в Государственной Думе. Выступать на пленарных заседаниях Госдумы членам ОП можно только с разрешения большинства депутатов. На заседании Комитетов парламента члены ОП могут излагать свое мнение только на стадии подготовки документов, а не в ходе их рассмотрения.

²² *Примаков Е.М.* Россия в 2004 году: взгляд в будущее // Российская газета. 15 января 2005 г. — С. 4.

Урок, который история вот уже 100 лет преподносит сменяющимся поколениям верховной власти России о несовместимости в государственном управлении понятий монополии на истину и альтернативности, остается неувоенным. Сохраняющийся в механизме подготовки государственных решений приоритет монополии на истину постоянно перекрывает путь к рассмотрению альтернативных вариантов, поиску наиболее эффективных способов решения назревших проблем общественного развития. К альтернативным рекомендациям и советам ученых политики, как правило, возвращаются лишь через 20–25 лет в условиях упущенного исторического времени, когда решение давно назревшей задачи становится или уже невозможным, или чрезвычайно затратным мероприятием.

Сегодня власть, используя административный ресурс, продавливает давно устаревшую монетаристскую модель экономики, толкая ее по уже потерянной для России эволюционному пути развития. Забывая в очередной раз народную мудрость о том, что умен не тот, кто не делает ошибок, а тот, кто умеет вовремя их исправить.

Неувоенный урок опыта истории мстит политической элите общества неудачами в их реформаторской деятельности. За 20 лет рыночных преобразований ни одна из задуманных реформ — административная, налоговая, образования, здравоохранения, армии, полиции — не принесла позитивных результатов для большей части российского общества.

Расим АГАЕВ (*Азербайджан*)

МЕРЦАЮЩИЕ «ИДЕИ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ»

Из личного архива

Как бы ни сложилась дальнейшая судьба России, политическим элитам бывшей державы придется искать пути гармонизации отношений с исламским миром. И прежде всего, в пределах страны, которую порядка 20 миллионов российских мусульман, как и исконно русское население, считают своей исторической родиной. Русско-мусульманское геополитическое пространство имеет, как известно, свое особое измерение. Во временном пространстве оно исчисляется веками, в территориальном — масштабами, как минимум, Евразии, социально-политическом — подъемом мусульманского общественного движения, оказавшего колоссальное влияние на процессы этнического самосознания и самоидентификации многих народов Российской империи, обретения ими национальной государственности.

В скором времени, а если быть точным — в августе 2015 года, представится возможность, и не только для российской общественности — всего постсоветского пространства, выразить свое отношение к этому социокультурному факту истории — исполняется 110-я годовщина первого съезда мусульман России.

Об этом давнем и, признаемся, подзабытом событии напоминает изданная в Москве книга, повествующая о думах и судьбах тех, кто стоял у истоков одного из мощных общественных движений XX века¹, влияние и смыслы которого отнюдь не ограничивались границами Евразии. Сборник редких писем, политических заметок, фотографий, значение которых трудно переоценить для современных исследователей данной проблематики, появился благодаря творческому сотрудничеству людей различных национальностей, профессий и вероисповеданий.

¹ *Топчибаши А.М.* Документы из личных архивов 1903–1934 гг. — М.: СП «Мысль», 2012. — 208 с.

Документы в свое время нашел и сохранил известный азербайджанский дипломат Рамиз Абуталыбов, редкие фотографии из эмиграционного периода жизни бывших лидеров мусульманского движения России передал издателям Георгий Мамулия, исследователь из Парижа, грузин по происхождению, ряд фотокопий писем представили тюркологи Акпынар и Ридван Читиловы из Эгейского университета (Измир), помог идентифицировать зафиксированных на редких фото участников давних событий В.Н. Пискун (Киев). Составитель книги — известный московский ученый, доктор исторических наук, башкир С.М. Исхаков. Он же автор предисловия, увлекающего множеством любопытных фактов, имен, событий давно минувшей эпохи, точным знанием образа мыслей и дел тех, кто еще не так давно был предан несправедливому забвению, а если и упоминался, то исключительно в ряду националистов. Как правило, ярких...

Таким и предстает перед читателем видный азербайджанский деятель начала XX века Али Мардан бек Топчибашев (Топчибаши), переписка которого со многими единомышленниками в России и легла в основу рецензируемой книги. Представитель знатного рода, его отец Али Акпер бек Топчибашев служил в Команде мусульман Его императорского Величества, считавшейся одной из элитных частей русской армии, отличился в боях Крымской войны (1853–1856 годы). Другой Топчибашев — Джафар, дядя Али Мардан бека — оставил свой след в истории Петербургского университета — один из крупных российских тюркологов и иранистов, незадолго до кончины в 1869 году передавший университету крупную сумму для премирования научных работ. Двадцать лет спустя, после окончания юридического факультета Петербургского университета, началась бурная карьера Али Мардан бека Топчибашева. Известность молодому юристу принесла бакинская газета «Каспий», которую он редактировал и которая получила распространение далеко за пределами Кавказа.

Мудрено ли, что среди единомышленников азербайджанского юриста и редактора оказались практически все выдающиеся деятели движения мусульман в России: Исмаил Гаспринский, классик крымскотатарской литературы, просветитель, Ибниамин Ахтямов — видный башкирский политический деятель, Мустафа Давидович — литовский татарин, городской голова Бахчисарая, Абдрешид Ибрагимов, бухарец, активный организатор мусульманского движения в России, Юсуф Акчурин — видный татарский просветитель и общественный деятель, Селим-Гирей Джантюрин, казах, один из лидеров мусульманского либерального движения в России, и многие другие.

Так чего же они хотели, к чему стремились, когда рок событий в начале XX века неудержимо влек Россию в омут революционных бурь? В начале 1905 года собрание представителей буржуазии и интеллиген-

ции Баку решает «отправить в Петербург депутацию от мусульман всего Кавказа, составлявших почти две трети населения этого края» (с. 10). В петиции, написанной А.М. Топчибашевым, излагается прошение об уравнении «общегражданских имущественных прав мусульман с правами русского населения, за разрешение занимать общественные и гражданские должности» (с. 11). Содержала она и ряд демократических требований — распространение на мусульман свободы совести, слова и печати, свободы собраний и союзов и т.д. К слову, наместник на Кавказе граф И.И. Воронцов-Дашков признал высказанные пожелания вполне справедливыми, а по части открытия школ, газет, журналов и книг обещал свое содействие.

Общий дух надежд, веры в лучшую долю своих народов, особо подчеркнем, которую авторы переписки видели исключительно в рамках Российской империи, напоминает общественную атмосферу, воцарившуюся в тех же краях восемь десятилетий спустя, когда перестройка вихрем ворвалась в жизнь советских республик. Но только напоминает. Вглядишься — и зримо видишь существенную разницу. Заключается она, прежде всего, в том, что, в отличие от элит советских республик — правящих и зарождавшихся национально-демократических, настороженно наблюдавших за перипетиями бурных общественных перемен — каждый из своего национального окна, лидеры национальных окраин царской России активно общались и ставили перед властями общемусульманские цели и требования. Отсюда и стремление к единению, которое выразилось в реализации идеи съезда мусульман империи.

Представители практически всех основных мусульманских народов, собравшиеся в середине августа 1905 года в Нижнем Новгороде, после бурных дебатов принимают программу своих действий (она составлена А.М. Топчибашевым), в которой достижение религиозной и культурной автономии выдвигалось в качестве основной задачи. Второй съезд мусульман России поручается провести все тому же А.М. Топчибашеву, смотревшему к тому времени в качестве одного из лидеров движения. Не на простое дело в тогдашней России с ее бдительным имперским чиновничеством замахнулись мусульмане. Из письма М. Давидовича А.М. Топчибашеву: «Если не получим разрешения и нельзя будет собраться в Финляндии, тогда соберемся по необходимости хотя бы в лесу. Но полагаю, что Столыпин при теперешнем его заигрывании в либерализм не решится отказать...» (с. 57). Не отказал, однако.

Собравшийся в Петербурге уже в январе 1906 года съезд переводит идею культурно-национальной автономии мусульманства в практическую плоскость, приняв Устав и программу новой общероссийской партии — «Союза российских мусульман», написанные неутомимым А.М. Топчибашевым. Еще один штрих в сходстве эпох: в начале XX

века, как и с началом демократизации в СССР, наступило время новых общественных идей, новых политических сил, новых лидеров. В первом случае их появление стимулировалось выборами в Думу, во втором — в реформированный Верховный Совет СССР.

В ходе выборов в Думу на авансцену российской политической жизни выдвинулась целая плеяда блестящих парламентариев-мусульман самых различных национальностей: знакомый уже нам А.М.Топчибашев, Аббас-Кули-хан Эриванский — азербайджанец из Еревана, Абулсгуд Ахтямов, юрист из Уфы, Исмаил Лиманов, педагог из Крыма, Селим-Гирей Джантюрин и другие — 25 депутатов из различных регионов империи. Мусульманская фракция, в ее лидеры выдвинулся А.М. Топчибашев, привлекает внимание столичной общественности не только численностью, но и активностью. Не тогда ли заронились подозрения относительно сепаратистских тенденций в тюрко-мусульманском массиве империи и политических ориентациях ее лидеров?

С высокой трибуны российского парламента раздаются голоса о том, что отдельные депутаты, «набравшись новотатарского направления в Париже, откуда они получают свои речи», распространяют сепаратистские настроения. Это витийствует знаменитый В.М. Пуришкевич.

Так о чем же все-таки бурление в тюрко-мусульманской политической среде? Из письма азербайджанца А.М. Топчибашева казаху С.-Г. Джантюрину: «Мы создаем не учреждение для управления, а академию. Это будут своего рода всемусульманские (в России) соборы для обсуждения религиозных вопросов, безотносительно к тем или другим имеющимся... в производстве делам». Лидеры мусульман озабочены главным, что раздирает мусульманские общины — суннитско-шиитскими противоречиями. Найден и приемлемый для масс лозунг: «Я не суннит, не шиит! Я — мусульманин!» (с. 72–73)

Увы, как показал ближайший поворот истории, не там и не среди тех искали врагов единой и неделимой России утонченные московские ораторы. Не потому ли так легко и бездумно лучшие из них смирились с самоотречением царя? Независимость народы Кавказа и Центральной Азии получили из рук тех, кто низложил самодержавие, а автономию мечеть обрела с приходом большевиков — в той форме, в тех пределах и с теми же ужасающими потерями, что и церковь.

Редакционные примечания напоминают о трудной судьбе корреспондентов А.М. Топчибашева: убит, расстрелян, скончался в эмиграции — то и дело мелькают на страницах книги. А ведь поначалу ничто, казалось, не предвещало столь печального конца. А.М. Топчибашев в 1918 году инициирует создание Азербайджанской демократической Республики (АДР). Он возглавляет парламент первой республики — первой не только в истории Азербайджана, но и на всем мусульманском Востоке. По демократизму, толерантности и политическому плю-

рализму парламент АДР и по сию пору остается непревзойденным для законодательных органов двух последующих азербайджанских республик — Верховного Совета Азербайджанской ССР и Милли Меджлиса нынешней Азербайджанской Республики. От трагической участи многих коллег по Государственной Думе, как и основателей АДР, А.М. Топчибашева спасла случайность. Весть о приходе Красной Армии в Баку застаёт его во Франции, где на Парижской мирной конференции он ведет переговоры о признании независимости молодой азербайджанской республики.

Тщетно азербайджанские дипломаты в течение нескольких последующих лет добиваются признания западными державами правительства АДР де-юре — европейским державам «не до других вообще и в частности не до нас...», — напишет бывший спикер парламента АДР бывшему главе той же республики М.Э. Расул-заде, разделившему с ним участь политэмигранта. Как, впрочем, и ряд лидеров мусульманского движения России... Здесь, вдали от родных берегов, они создадут общество «Прометей», в надежде разбудить свои народы от большевистского наваждения и повести их к независимости. То оказалось нелегкой долей, тяжкий путь — жизнь вдали от Родины, ставшей для эмигрантов чужой. И чем дольше эмигрантская жизнь, тем длиннее перерывы в переписке, тем чаще в письмах прорывается тема ошибок, обид, разочарований и усталости: «...от всей той кошмарной обстановки, нас окружающей и ведущей, наверно, к пропасти» (А.М. Топчибашев — Дж. Гаджибейли, 6 августа 1929 года). Так пришла смерть (1934 год) и забвение — на многие десятилетия. И все-таки они, лидеры мусульманского движения России, вернулись в свои края: Азербайджан, Казахстан, Крым, Татарию, Башкирию — многие другие города и веси бывшей империи — российской и советской. Вспомнились и их политические проекты, когда в Москве, Баку, Уфе, Казани вновь заговорили о независимости. И история вновь, в который раз (!), повторилась, расколов народы, во имя будущего которых их элиты сражались некогда на разных баррикадах.

Депутации из мусульманских республик и автономий в Верховном Совете СССР противились развалу советской страны до конца. Столичные либералы высокомерно их обзывали татаро-монгольским большинством, а собственная, нарождавшаяся национал-демократия прилепила им ярлык партocrats. Однако на общесоюзном референдуме 1991 года народный массив, ведомый правящими элитами в мусульманских республиках и автономиях, проголосовал за сохранение Союза. Новые элиты — национал-демократы — солидаризировались с лидерами перестроечного движения. Тем не менее, Советский Союз развалился. Стало ясно как божий день — очередь за Россией. Это было так логично.

Б.Ельцин нашел формулу, устраивающую Центр и приемлемую для национальных автономий: «Берите суверенитета столько, сколько проглотите». Брать — желающих хватало, но давиться никто не хотел. Кроме беспокойного Кавказа, где в отсутствие просвещенного ислама на арену вышли радикалы, прикрывшиеся мусульманскими лозунгами. И тут генерал Дж. Дудаев, ставший во главе удаляющейся от российских берегов Чечни, искренне признался посланцам Кремля: «Мы готовы вернуться. Но вернуться в Советский Союз».

Этого не могли ни понять, ни принять ни в Москве, ни национальные элиты, безуспешно пытавшиеся создать идеологический синтез из идеи независимости и исламских доктрин. Что из этого получится, трудно сказать. Однако в российское общество вброшен новый геополитический проект совместного русско-мусульманского сосуществования — Евразийский Союз. Не исключаемое присутствие в нем белорусов или украинцев ничего, по существу, не меняет. Одним за контурами этой еще не совсем ясной во многом идеи евразийской интеграции грезится будущая евроазиатская цивилизация, другим — модернизированное сообщество бывших государств постсоветского пространства.

Мария КОРТУНОВА

ШАХМАТНЫЙ ТУРНИР В МИХАЙЛОВСКОМ ДВОРЦЕ РУССКОГО МУЗЕЯ

Что общего между шахматами и искусством? Почему именно А. Алехин? Можно ли возродить интерес и вернуть былую популярность игре, которая была страстью миллионов людей? Ведь старшее и среднее поколения помнят переполненные шахматные клубы, безнадежные очереди за билетами на финалы первенств мира, которые проходили в Москве, работу детских шахматных секций по всей стране, парки и бульвары, столы и скамеечки во дворах, занятые до позднего вечера владельцами клетчатых досок. Что сподвигло двух предпринимателей взяться за это сложное и совсем не приносящее прибыль дело?

Вот с этими вопросами поехала я в Санкт-Петербург, где проходил Мемориал Алехина — международный шахматный турнир памяти первого русского чемпиона мира по шахматам Александра Алехина. Этот уникальный турнир состоялся 20 апреля — 1 мая 2013 года по инициативе двух российских предпринимателей — Андрея Филатова и Геннадия Тимченко, организатором же выступила Российская шахматная федерация вместе с Франко-российской торгово-промышленной палатой.

Идея тесно связать высокое изобразительное искусство с самой интеллектуальной спортивной игрой принадлежала Андрею Филатову, который шахматами занимался с детства, был кандидатом в мастера спорта СССР, а став предпринимателем, финансово поддерживал российских

шахматистов. Кроме этого, он страстно увлекается живописью. Созданный им арт-фонд занимается коллекционированием русских и советских картин, рисунков и скульптур, вывезенных за пределы России. Вот Андрей Филатов и предложил Геннадию Тимченко спонсировать

шахматные турниры в музеях, и тот поддержал эту идею с энтузиазмом, хотя, как сам он признается, его умение играть в шахматы ограничивается лишь компьютерными играми во время перелетов. Вместе они и решили возродить в России этот вид интеллектуального спорта.

Мемориал Алехина — не только шахматное соревнование в чистом виде. Об этом говорят и места проведения турнира. Первый этап Мемориала был проведен в Лувре в Париже, второй — в Михайловском дворце Русского музея в Санкт-Петербурге.

Лувр был выбран не случайно. Здесь в начале 2013 года произошло знаменательное событие: президентом-директором музея Анри Луреттом, председателем Экономического совета французских и российских предприятий Франко-российской торгово-промышленной палаты Геннадием Тимченко и членом Андреем Филатовым было подписано соглашение о создании в Лувре постоянной экспозиции шедевров русской живописи. Теперь, начиная с 2015 года, многие миллионы туристов из разных стран смогут открывать для себя русское искусство, а через него и современную Россию.

Также в Париже было принято решение о проведении Мемориала Алехина. Почему Париж и Санкт-Петербург? Эти два города неразрывно связаны с именем великого гроссмейстера. Он не раз побеждал на крупных всероссийских и всесоюзных турнирах в Петербурге. Именно в Петербурге после победы на турнире 1914 года началось восхождение Алехина. В Париже он жил много лет и даже несколько раз выступал на турнирах под флагом Франции.

В игре Алехина его болельщиков потрясали неисчерпаемость шахматной фантазии, умение бороться и достигать результата не только вдохновением и интуицией, но и упорным трудом. В отличие от чемпиона мира Капабланки, который был хладнокровным игроком, «шахматным автоматом», который не скрывал, что не любит шахматы, говорил об их исчерпанности и скорой смерти, Алехин заявлял прямо: шахматный мастер не играет, а творит, он обладает чудесным

свойством дарить людям радость, порой даже восторг от созерцания истинной красоты. И именно поэтому шахматы — это искусство.

И вот, спустя несколько десятилетий, фотографии Алехина — в одном из самых значительных музеев мира — в Париже, в городе, который стал родным для великого гроссмейстера. Теперь в его честь сразились лучшие шахматисты планеты.

Судя по отзывам коллег, Мемориал Алехина вызвал здесь необычайный интерес: ведь во Франции турниры такого уровня по классическим шахматам не проводились уже очень давно. А когда победителями первого этапа стали французы Фрессине и Вашье-Лаграв, Франция возликовала. Пресса с благосклонностью писала и об интересных партиях, зрелищности, ажиотаже вокруг турнира и безупречной организации.

Санкт-Петербург встретил меня дождем и холодом. Но разве это имеет значение, когда переполняет радость от встречи с любимым городом? Михайловский замок, где проходил второй этап Мемориала Алехина, является частью Русского музея. Расположен он на набережных Мойки и Фонтанки и представляет собою образец итальянской архитектуры эпохи Возрождения. Построенный в 1800 году Павлом I, отделан был с необычайной роскошью и стал любимым сооружением императора. Прожил тот в замке всего 40 дней. После его убийства семья императора покинула замок, вывезя в Павловск богатое убранство, включая паркет, дверные и оконные ручки, а Михайловский замок был передан в Инженерное ведомство и переименован в замок Инженерный.

Поднимаясь по парадной лестнице из гранита на второй этаж, проходя между колоннами из серого мрамора, исполняешься чувством

Чемпионы мира В.Крамник (Россия) и В.Ананд (Индия)

Бывший глава Республики Калмыкия и президент Всемирной шахматной федерации К.Илюмжинов, член Франко-российской торгово-промышленной палаты А.Филатов и Б.Гельфанд (Израиль)

торжественности происходящего. Недаром чемпион мира Виши Ананд на пресс-конференции горячо поддержал идею проведения шахматных турниров в музеях мира — ведь она объективно способствует подъему статуса шахматной игры, можно даже сказать — ее возвеличиванию.

В Георгиевском зале сооружен временный павильон, где на постаменте стоят несколько шахматных столов. На стенах павильона — фотографии Алехина: вот он за шахматным столом, думает над очередным ходом, вот — со своим любимым котом Чессом, вот просто наблюдает за происходящим. Зал заполнен до отказа, много детей, которые с нетерпением ждут начала турнира и готовы в течение 6 долгих часов следить за ходом игры, за битвой известных гроссмейстеров. На входе — большая очередь. Кругом пресса, телевидение, ведется прямая трансляция в Интернете на трех языках. Те, кто не смог найти себе место в зале для игры, расположились в соседней галерее Лаокоона, где работают комментаторы ChessTV.

Спонсоры Мемориала явно довольны — налицо абсолютный успех, подтверждающий правильность их идеи. Ведь за такой короткий срок им вместе с Российской шахматной федерацией удалось совершить колоссальный прорыв: шахматы вновь выходят в России на пик популярности.

В зале для игры внимательно следит за происходящим директор Русского музея Владимир Гусев. Еще на пресс-конференции он сказал, что приветствует проведение турнира в музее, поскольку разделяет мнение о том, что шахматы — это не только спорт, но и искусство.

Тут же в зале президент Калмыкии К. Илюмжинов — тоже явно в приподнятом настроении. Ведь в течение всего времени, когда в России о шахматах практически забыли, он, как президент, считал задачу развития шахматной игры государственным делом, рассматривая ее в качестве важнейшего средства интеллектуального воспитания подрастающего поколения.

Вместе с известными гроссмейстерами — Александром Грищуком, Юдит Полгар, Ильей Смирным, Геннадием Сосонко, комментировавшими турнир, — Анатолий Карпов на радость присутствующим прокомментировал партию Адамс — Крамник.

С самого начала турнира внимание публики было приковано к действующему чемпиону мира, гражданину Индии Виши Ананду и предыдущему чемпиону россиянину Владимиру Крамнику. В итоге индийский шахматист занял только 3-е место, российский оказался на 9-м. Победителем же мемориала Алехина стал Левон Аронян, спортсмен из Армении, трехкратный Олимпийский чемпион, которого после победы окружили ликующие армянские жители Санкт-Петербурга.

Очень хочется надеяться, что этот турнир будет традиционным, станет началом шахматного Ренессанса в России, что эта инициатива отразится и на регионах. Быть может, в областных музеях будут организовываться турниры российского уровня и к шахматам вернется былая слава. У Г. Тимченко и А. Филатова есть мечта — возродить интерес к шахматам у детей. Как считает А. Филатов, если это получится, «то в стране многое может поменяться, поскольку если учить детей думать, то они вырастают в думающих людей, не повторяющих фундаментальных ошибок».

Председатель Комитета по физкультуре и спорту Санкт-Петербурга Ю.Авдеев и директор Русского музея В.Гусев

М.Адамс
(Великобри-
тания)
и победитель
Мемориала
Алехина
Л.Аронян
(Армения)

И в этом смысле масштабная реализация идеи инициаторов Мемориала, несомненно, весьма плодотворна. Жизнь неумолимо требует от человека настойчивости, сосредоточенности, внутренней дисциплины, умения переносить возможные неудачи и разочарования, добиваться поставленной цели. Все это, несомненно, формируется и развивается в процессе серьёзных занятий шахматами. Это превосходнейшая школа логического мышления, требующая к тому же преодоления противостоящей воли противника. А с чем можно сравнить потрясающее чувство удовлетворения победой, достигнутой максимальным напряжением умственных, физических и моральных сил?!

Вспомнились воодушевленные, радостные лица зрителей на Мемориале Алехина, торжественность и сосредоточенность игроков, радостное возбуждение организаторов и спонсоров. Без всякого сомнения — шахматы позволяют человеку подняться над самим собой, способствуют развитию гармоничной, сильной и творческой личности. И в этом тоже есть определенная взаимосвязь шахмат и искусства. Но об этом я уже говорила выше...

Алексей КАРА-МУРЗА

КАК МЫСЛИ ПРЕВРАЩАЮТСЯ В ДОКТРИНЫ

В свое время на меня большое впечатление произвела созданная в эмиграции концепция культуры нашего соотечественника Владимира Васильевича Вейдле, в основе которой лежит противопоставление им «мировоззрения», которое всегда вырабатывается творческим личностным усилием, и «идеологии», всегда тяготеющей к массовидности и партийному упрощению. Приведу цитату из работы Вейдле «Только в Россию можно верить», написанную в 1974 году. «Мировоззрение, — пишет Вейдле, — нестрогое единство, мыслительная протоплазма личности... Идеология — система идей, более или менее умело, но всегда нарочито и для известной цели спаянных друг с другом; система мыслей, которых никто более не мыслит. Их принимают к сведению и тем самым к руководству; мыслить их, это значило бы подвергнуть их опасности изменения. К личности идеология никакого внутреннего отношения не имеет, она даже и навязывается ей не как личности, а как составной части коллектива или массы, как одной из песчинок, образующих кучу песка»¹.

Мне кажется, что выражение «мыслительная протоплазма личности» — это хотя и метафора, но в данном случае оно лучше, чем понятие «философия» (которая, конечно, «более строгое единство»), отражает тот объект, который затем подвергается идеологизации. Я предпочел в первом приближении максимально нейтральное слово «идеи» — идеи, как некие «кванты» любого мыслительного процесса. Думаю, примерно с тем же успехом можно было взять просто слово «мысли», а вместо идеологий подставить, к примеру, слово «доктрины». Тема тогда звучала бы так: «Как мысли превращаются в доктрины?» — суть проблемы от этого не меняется. Главное, что меня интересует, — это соотношение этих двух смыслов, мутация первого во второе: идей — в идеологии; или мыслей — в доктрины. Поэтому вслед за

¹ Вейдле В. Только в Россию можно верить // Вести. РСХД. 1974. № 114. — С. 247.

Вейдле ограничусь пока таким осторожным определением: *идеи промышляются, идеологии постулируются*.

Яркий пример тому — хорошо известная «Немецкая идеология» Маркса и Энгельса. Попытка двух авторов развенчать идеологические амбиции Бруно Бауэра или Макса Штирнера и создать чисто научное, практическое знание привела к тому, что работа Маркса и Энгельса сама стала в еще большей степени идеологическим текстом, чем достаточно скромные опыты Бауэра или Штирнера. Ну а потомки, как известно, довершили дело: найденная и опубликованная только в 1930-е годы рукопись «Немецкой идеологии», во многом черновая и неоконченная, о которой сами авторы скромно писали: *«Наша цель была — уяснить дело самим себе»*, превратилась из кабинетного аналитического опыта (местами остроумного и полезного) в одну из главных идеологических дубин «всепобеждающего учения».

Собственно, на интуитивном уровне мы все хорошо понимаем, что значит «превращение идей в идеологии». Россия весь XX век пребывала в этих «переплавках». Мы знаем, как мутировала в России левая коммунистическая идея: сначала идеологически «надулась», а потом лопнула. Нечто подобное, может быть, менее трагическое, но зато куда более фарсовое, случилось на наших глазах с либеральной идеей. И я сегодня намерен показать, что и тот, и другой процессы, при всей разнице идейной начинки, произошли примерно по одному и тому же сценарию.

Впрочем, сейчас стало модным приводить эту аналогию и ею ограничиваться — аналогию между процессами деградации в России коммунистической идеи и идеи либеральной. И на то, и на другое зачастую печально сетуют примерно одни и те же западнически настроенные головы: мол, взяли на Западе хорошую идею, но «русская почва», как обычно, все опошшила...

Есть замечательная статья В.С. Соловьёва «Славянофильство и его вырождение», впервые опубликованная в «Вестнике Европы» М.М. Стасюлевича в 1889 году, первоначально в составе работы «Очерки по истории русского сознания», а затем вошедшая во второй выпуск сборника «Национальный вопрос в России». Я впервые внимательно прочел эту работу в двухтомнике Соловьёва, выпущенном во всем нам известном многотомном приложении к журналу «Вопросы философии» в 1989 году, и уже тогда обратил внимание (остались конспекты) на прекрасные комментарии к этой статье очень уважаемых мною авторов — Николая Всеволодовича Котрелева и Евгения Борисовича Рашковского, которые оценили «своеобразие» самого соловьевского метода (их слова) *«исторической морфологии национализма»*, когда Соловьёв прослеживает деградацию националистического сознания от форм возвышенного идеализма — и «до низменной ксенофобии». Котрелев и Рашковский отметили: «Превознесение эмпирического и бес-

сознательного, ставка на стереотипы обыденного массового мышления, отрицание идеальных ценностей и векторов культуры — все это, по убеждению Вл. Соловьёва, ведет не только к идейной апологии, но и прямой практике насилия и палачества». Поэтому, по их мнению, работа Соловьёва «имеет прямое отношение не только к истории национализма в России, но и к истории европейских тоталитаристских движений XIX–XX веков»².

Когда я думал над сегодняшним докладом и заново перечитал весь этот соловьевский контекст, я понял, что эти слова, написанные в 1989 году, не были преувеличением времен «горбачевской перестройки». Беда как раз в другом: мы в свое время недооценили и до сих пор недооцениваем значение этого виртуозного анализа процесса «вырождения славянофильства» Владимиром Соловьёвым.

Постараюсь предельно кратко воспроизвести соловьевскую логику. Он исходит из того, что история славянофильства есть «постепенное обличение той внутренней двойственности непримиренных и непримиримых мотивов, которая с самого начала легла в основу этого искусственного движения»³. Это очень важный момент: по Соловьёву, вырождение — это не искажение до неузнаваемости, а, напротив, упрощение за счет полного оголения ядра идеи.

Ранние славянофилы, констатирует Соловьёв, боролись одновременно с двумя вещами. Во-первых, «против западноевропейских начал» (включая Петровскую реформу) — «во имя древней, московской Руси». А во-вторых, «столь же существенный интерес имела для них прогрессивно-либеральная борьба против действительных зол современной им России»⁴. Именно этому «русскому злу», а именно «злу всеобщего бесправия» славянофилы, согласно Соловьёву, противопоставляли принцип человеческих прав, безусловного нравственного значения самостоятельной личности — принцип христианский и общечеловеческий по существу, а по историческому развитию преимущественно западный европейский и ни с какими особенными «русскими началами» не связанный».

Получается, по Соловьёву, что ранние славянофилы (он использует в их отношении термин «археологические либералы») «могли бороться против нашей общественной неправды *единственно только в качестве европейцев*, ибо только в общей сокровищнице европейских идей могли они найти мотивы и оправдание для этой борьбы»⁵. Соловьёв

² Соловьёв В.С. Славянофильство и его вырождение // Соловьёв В.С. Соч.: В 2 т. Т. 1: Философская публицистика. — М., 1989. — С. 677.

³ Там же. С. 433.

⁴ Там же. С. 434.

⁵ Там же.

отмечает: «Внутреннее противоречие между требованиями истинного патриотизма, желающего, чтобы Россия была как можно лучше, и фальшивыми притязаниями национализма, утверждающего, что она и так всех лучше, — это противоречие погубило славянофильство как учение»⁶.

Итак, налицо первое противоречие славянофильства: между гражданско-правовым универсализмом, с одной стороны, и апологией «русской исключительности», с другой.

То же противоречие Соловьёв констатирует в области национально-религиозных представлений славянофилов и приходит к очень жесткому выводу: «Я нисколько не сомневаюсь в искренней личной религиозности того или другого поборника “русских начал”; для меня ясно только, что в *системе* славянофильских воззрений нет законного места для религии *как таковой* и что если она туда попала, то лишь по недоразумению и, так сказать, с чужим паспортом»⁷. Поэтому здесь «приходится говорить не о православии, а о *православничаньи*», ибо «та доктрина, которая сама себя определила как *русское направление* и выступила во имя *русских начал*, тем самым признала, что для нее всего важнее, дороже и существеннее национальный элемент, а все остальное, между прочим и религия, может иметь только подчиненный и условный интерес. Для славянофильства православие есть атрибут русской народности; оно есть истинная религия, в конце концов, лишь потому, что его исповедует русский народ»⁸.

Отсюда и известная оценка Соловьёвым творчества Алексея Хомякова: «Проповедь Хомякова роковым образом была осуждена на бесплодие, потому что при первой попытке дать ей дальнейшее развитие непременно должно бы было обнаружиться в ней противоречие между широкою всеобъемлющею формулою церкви и узким местным традиционализмом, — между вселенским идеалом христианства и языческою тенденцией к особнячеству»⁹.

Двойственной, согласно Соловьёву, была и социальная концепция ранних славянофилов. Соловьёв подробно разбирает здесь «Записку о внутреннем состоянии России» Константина Аксакова, представленную императору Александру II. Там Аксаков, как известно, писал: «Русский народ есть народ негосударственный, то есть не стремящийся к государственной власти, не желающий для себя политических прав, не имеющий в себе даже зародыша народного властолюбия. Русский народ, не имеющий в себе политического элемента, отделил госу-

⁶ Соловьёв В.С. Славянофильство и его вырождение. — С. 444.

⁷ Там же. С. 436–437.

⁸ Там же. С. 437.

⁹ Там же. С. 443.

дарство от себя и государствовать не хочет. Не желая государствовать, народ предоставляет правительству неограниченную власть государственную. Взамен того русский народ предоставляет себе нравственную свободу, свободу жизни и духа»¹⁰.

Именно этой «Запиской» Константина Аксакова, по словам Соловьёва, «завершается развитие славянофильской мысли и начинается проверка этой мысли на деле». А «на деле» получилось следующее: «Вместо объективно достоверных общечеловеческих начал правды славянофилы в основание своей доктрины поставили предполагаемый идеал русского народа» и явно недооценили перспективы того, что «плеве-лы, посеянные ими же вместе с добрым зерном, гораздо сильнее этого последнего на русской почве и грозят совсем заполнить все поле нашего общественного сознания и жизни»¹¹.

В результате всех этих противоречий славянофильство, согласно Соловьёву, в своем развитии было как бы приурочено к «вырождению». Ведь если социальную концепцию славянофилов («государству власть — народу мнение») перевести на язык практики, то получается печальный парадокс: «...Против этой огромной реальной мощи (государства), вполне и безусловно признавая ее права, узаконяя их навеки, выступает кружок литераторов с неким идеальным противовесом в виде заявления о свободе духа и прошения о свободе мнения»¹². И далее: «Разъяснить это недоразумение, утвердить славянофильскую доктрину на ее настоящей реальной почве и в ее прямых логических последствиях — вот дело, которое с блестящим успехом выполнил покойный Катков...»¹³. Катков, согласно Соловьёву, «имел мужество освободить религию народности от всяких идеальных прикрас и объявить русский народ предметом веры и поклонения не во имя его проблематических добродетелей, а во имя его действительной силы»¹⁴. А поскольку вместилищем этой народной силы, по мнению Каткова, было государство, то он, по выражению Соловьёва (прошу прощения у наших востоковедов) «с подлинно мусульманским фанатизмом... уверовал в русское государство, как в абсолютное воплощение нашей народной силы»¹⁵. Есть знаменитое выражение Соловьёва: «Катков — это Немезида старого славянофильства» (Немезида, как известно, — богиня мести, богиня конечной расплаты за сотворенные грехи.)

И вот вывод Соловьёва о судьбе славянофильства: «Прикрасы “все-ленской правды” отпали, и осталось лишь утверждение национальной

¹⁰ Соловьёв В.С. Славянофильство и его вырождение. — С. 451.

¹¹ Там же. С. 465.

¹² Там же. С. 466.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 468.

¹⁵ Там же.

силы и исключительного национального интереса. Как настоящий фон славянофильства выступил катковский ислам...»¹⁶.

Соловьёв здесь с горькой иронией цитирует Пушкина:

*Но краски чуждые с годами
Спадают ветхой чешуей...*

Горечь иронии, разумеется, в том, что в знаменитом стихотворении «Возрождение» («Художник-варвар кистью сонной...» и т. д.) у Пушкина под «ветхой чешуей» варварства в итоге обнаруживается перво-данная Гениальность. В случае со славянофильством Соловьёв констатирует обратное: красивые краски «цивилизации» отшелушиваются и под ними проступает «Варварство»; на месте пушкинского Возрождения — обнаруживается катковское вырождение.

Необходимо добавить, что на Каткове «вырождение славянофильства» у Соловьёва не оканчивается. Все-таки Катков, по его мнению, не посмел сделать решающий логический вывод о том, что «обожествление народа и государства, как фактической силы, заключает в себе логически отрицание всяких объективных начал правды и добра». Соловьёв объясняет: «Он (Катков. — А. К.) был для этого слишком образованным человеком, слишком европейцем. Самое его преклонение перед стихийною силою народа имело отчасти... философскую подкладку, будучи связано с идеями Шеллинговой “позитивной философии”. Быть может, помешало и личное религиозное чувство»¹⁷.

И вот, по сути, финальный вывод Соловьёва, очень важный в контексте сегодняшнего разговора: «Но история сознания имеет свои законы, в силу которых всякое идейное содержание, истинное или ложное, исчерпывается до конца, чтобы в последних своих заключениях найти свое торжество или свое обличение. Крайние последствия из воззрения Каткова выведены ныне его единомышленниками. В них он нашел свою Немезиду, как сам он был — Немезидою славянофильства»¹⁸. Таким образом, беспощадный анализ Владимира Соловьёва последовательно ведет нас от славянофильства к «черной сотне».

...Оставлю славянофильство и анализ его вырождения в правый национализм и перейду теперь к исследованию в русской мысли другого важнейшего процесса — процесса вырождения в России левой идеи и формирования леворадикальной идеологии. Наиболее интересный анализ в этом направлении принадлежит перу Н.А. Бердяева.

Обычно, когда говорят о концепции Бердяева, предпочитают сразу

¹⁶ Соловьёв В.С. Славянофильство и его вырождение. — С. 470.

¹⁷ Там же. С. 469.

¹⁸ Там же.

переходить к его знаменитой статье из «Вех» о противоположности «философской истины» и «интеллигентской правды». Эта действительно выдающаяся работа, как известно, появилась весной 1909 года, а между тем Бердяев уже как минимум полтора-два года до этого активно издавал статьи на схожие темы в умеренно-либеральной прессе. Выделяется, например, его работа «Из психологии русской интеллигенции», опубликованная в конце октября 1907 года в мирнообновленческом «Московском еженедельнике», редактируемом князем Е.Н. Трубецким.

Уже в этой статье Бердяев обращает внимание на появление в России массового типа интеллигенции, который он называет «*интеллигентским мещанством*». Это — наемные земские служащие, статистики, врачи, учителя и пр. Именно они, по мнению Бердяева, и создают опасный «левый крен» в массовом сознании, подпитывают идеологическое «*направленство*». (Бердяев использует здесь прижившееся тогда в русской публицистике слово «*направленство*», введенное старым писателем П.Д. Боборыкиным, который, кстати, первым начал активно использовать и понятие «интеллигенция». Боборыкинское «направленство», думаю, это есть ранний синоним искомой нами сегодня «идеологии».)

Что представляет из себя «интеллигентское мещанство»? В нем, по мнению Бердяева, нашли «свое обратное, вывернутое отражение... все грехи нашего исторического прошлого». Бердяев пишет: «В массе это люди полуобразованные, обиженные на мироздание, но всегда приписывающие себе прерогативы спасителей отечества... Люди эти понемногу читают, понемногу пишут, понемногу думают, но всегда по шаблону, всегда тем же жаргоном и теми же заученными словами говорят о плане спасения России»¹⁹.

Главные пороки «интеллигентского мещанства», склонного к «направленству», по мнению Бердяева, — его «безрелигиозность» и «беспочвенность» (тема, развитая потом в «Вехах»). Бердяев пишет: «Интеллигенция эта оторвана от народа в органическом смысле этого слова, но идолопоклонствует перед народом в сословно-классовом смысле: чужие *интересы*, пролетарские или крестьянские, стали для нее *идеалом*. Все эти разногласия революционных фракций, социал-демократов и социалистов-революционеров, большевиков и меньшевиков и т. п. — чисто интеллигентские разногласия... отщепенские препирательства (и, внимание! — *А. К.*), мещанские идеологии»²⁰. (Накопец-то у Бердяева прозвучало это слово!)

Вот в этот-то субстрат полуобразованного, но политически разгоряченного «интеллигентского мещанства» *и был сброшен* (среди

¹⁹ Бердяев Н.А. Духовный кризис интеллигенции. — СПб., 1910. — С. 67–68.

²⁰ Там же. С. 69.

прочих учений) пришедший с Запада марксизм, и претерпел там удивительные метаморфозы. Бердяев пишет: «Реалистический марксизм был пережит русской интеллигенцией как головной процесс, и в голове “третьего элемента” (для Бердяева — синоним “интеллигентского мещанства”. — А. К.) начала уже разлагаться буржуазия, когда в действительности она начала только развиваться»²¹. Омассовляясь и упрощаясь, подмечает Бердяев, изменяется и сам «левый язык» (дискурс, как мы бы сейчас сказали): «Направленческий жаргон, быстро усваиваемый студентами и курсистками, принимается за общечеловеческий язык, в то время как в жаргоне этом исчезают все великие проблемы»²². Вот оно — то явление, о котором говорил процитированный мной в самом начале доклада Владимир Вейдле: *«Идеология — это система мыслей, которых никто более не мыслит; мыслить их, значило бы подвергнуть их опасности изменения»*.

Итак, в работе о «психологии русской интеллигенции», за полтора года до выхода «Вех», Бердяев уже пишет: «Горе русской революции, что в ней господствует (этот) “третий элемент”, своего рода обратная бюрократия, слой не органический, не связанный с основами народного духа... Слишком преобладают в революции злоба к старой жизни над любовью к новой жизни, разрушение над созиданием, жажда возмездия над жаждой творчества, чисто отрицательные идеи над положительными»²³.

На что уповает Бердяев в 1907 году? «Необходимо разорвать эту цепь, выйти из порочного круга революционности и реакционности, необходимо новое крещение и для красной, и для черной сотни. Жажда абсолютной правды у лучшей части интеллигенции может утолиться призрачно — бесовщиной, реально — религией. И я верю: избранная часть интеллигенции, познав ужас путей человеческого самоутверждения, истоскуется и перейдет к сверхисторической форме христианства... Появится, раньше или позже, новое рыцарство, возродятся в нем традиции старого аристократического благородства, превратится в нем мятеж избранников в высшую покорность Богу, во имя которого начнется крестовый поход против зла. России нужны рыцарские ордена, нужны личности рыцарского закала»²⁴. Фактически Бердяев ставит дилемму, которую он затем будет неоднократно варьировать: «Подлинная христианская религиозность или бесовщина?», то есть фактически так: Христос или идеология?

²¹ Бердяев Н.А. Духовный кризис интеллигенции. — С. 69.

²² Там же. С. 71.

²³ Там же. С. 72.

²⁴ Там же. С. 78.

Как известно, в сборнике «Вехи», задуманном Михаилом Гершензоном и выпущенном весной 1909 года, Бердяеву была отведена особая роль — роль автора первой и, на мой взгляд, решающей статьи. Она — напомним — называлась «Философская истина и интеллигентская правда».

«Интеллигентская правда», о которой говорит Бердяев и специально это оговаривает, это «правда» опять-таки не интеллигенции «в общенациональном, общеисторическом смысле», а «правда» интеллигенции особого рода — кружковой политизированной интеллигенции, которую в «Вехах» Бердяев называет «интеллигентщиной».

Согласно Бердяеву, «интеллигентщина» — это своеобразный мир, живущий замкнутой жизнью под двойным давлением: «давлением казенщины внешней — реакционной власти, и казенщины внутренней инертности мысли и консервативности чувств»²⁵. Подлинные творческие мыслители, породители философских идей и смыслов — это по Бердяеву, конечно, тоже интеллигенция, более того, — это подлинная интеллигенция и есть, и она абсолютно чужда интеллигентщины. (Не могу не добавить здесь следующее. «Вехи» у нас часто называют книгой против интеллигенции. Так пишут люди либо темные, либо предельно лукавые. «Вехи» — книга, направленная против болезней интеллигенции, против ее впадения в интеллигентщину. Думаю, что те, кто говорит о «Вехах» как об антиинтеллигентской книге, могут быть отнесены — в нашей терминологии — не к «мыслителям», пусть даже скромным, а к «идеологам», идеологам периодически вспыхивающих в России антиинтеллигентских погромов.)

Отношение «интеллигентщины» к философским идеям, по Бердяеву, двояко: ее душевная косность соединяется со склонностью к идейным новинкам, чаще всего европейским, которые, конечно же, никогда не усваиваются глубоко. Как результат, философские новинки попадают в очень малообразованный и к тому же еще и придавленный деспотизмом душевный контекст. Что получается в итоге? В итоге высокая философия подчиняется «утилитарно-общественным целям»; во времена Бердяева — это господствующие в среде интеллигентщины «народолюбие» и «пролетаролюбие».

Такой народнический душевный настрой неизбежно порождает то, что философские идеи в России подвергаются в среде интеллигентщины своеобразной селекции. Поскольку, согласно Бердяеву, «интересы распределения и уравнивания» в сознании интеллигентщины всегда доминируют над «интересами производства и творчества», интеллигентщина «всегда охотно принимала идеологию (Бердяев в «Вехах» уже активно употребляет это слово. — А. К.), в которой центральное

²⁵ Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи: Сб. ст. о рус. интеллигенции. — М., 1990. С. 7.

место отводилось проблеме распределения и равенства; к идеологии же, которая в центр ставит творчество и ценности, она относилась подозрительно, с заранее составленным волевым решением отвергнуть и изобличить». (Отмечу здесь принципиально новый момент: Бердяев в «Вехах» проводит типологизацию идеологий, отмечая, что помимо примитивной идеологии «распределения и равенства», возможна (пока только теоретически) «идеология, которая в центр ставит творчество и ценности» — я еще вернусь к этой теме.)

Диагноз, поставленный Бердяевым русской интеллигентщине более века назад, абсолютно актуален и сегодня. Вот послушайте такие его слова: «До сих пор еще наша... (интеллигентщина) не может признать самостоятельного значения науки, философии... до сих пор еще подчиняет их интересам политики, направлений и кружков...». Я думаю, что многие из нас попадали в такую ситуацию: начинаешь говорить серьезные вещи, а тебе явно или неявно задают вопрос: а ты зачем это говоришь, на чью мельницу, так сказать, воду льешь?

Наряду с пренебрежением к творческой мысли, «интеллигентщина» (по Бердяеву) выделяет *своих* «мыслителей», называет их «настоящими философами». В 1860-е годы такими были Чернышевский и Писарев, в 1870-е — Михайловский и Лавров, в 1890-е годы — Плеханов, то есть тех мыслителей, которых оказалось легко упростить и превратить в идеологических «вождей»...

Бердяев в своих работах и впоследствии неоднократно откровенно потешался над ситуацией в русской кружковщине начала XX века, когда довольно безобидные Авенариус и Мах «провозглашены были философскими спасителями пролетариата», и на этой базе «Богданов и Луначарский сделали “философами” социал-демократической интеллигенции»²⁶.

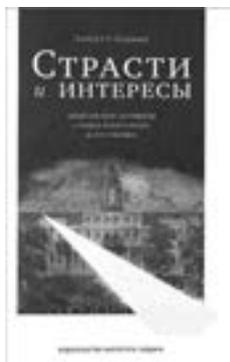
Итак, общий вывод Бердяева о той интеллектуальной ловушке, в которую попадает русская кружковая интеллигентщина, следующий: «Философия — есть школа любви к истине... Интеллигенция не могла бескорыстно отнестись к философии, потому что корыстно относилась к самой истине, требовала от истины, чтобы она стала орудием общественного переворота, народного благополучия, людского счастья. Она шла на соблазн Великого инквизитора, который требовал отказа от истины во имя счастья людей»²⁷.

Уверен, что и в России процесс сопротивления культуры идеократизации возможен, и философы очень много могут сделать: как за счет своих профессиональных текстов, так и за счет других форм репрезентации в так называемом «публичном пространстве», каким бы куцым и разочаровывающим оно нам подчас ни казалось.

²⁶ Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда. — С. 10.

²⁷ Там же. С. 12.

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГИ

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО КАПИТАЛИЗМУ

**Альберт О. Хиршман. Страсти и интересы.
Политические аргументы в пользу капитализма
до его триумфа. М., 2012. — 2000 с.**

Капитализм существует уже более четырех столетий. Он создал особый тип цивилизации. Максимально развил производительные силы человечества. Благоустроил быт людей. Объединил людей, живущих на Земле. Невероятно поднял статус науки и техники. Однако ныне все чаще исследователи и политики размышляют о том, не истек ли исторический срок капитализма? Не грядет ли новая цивилизация?

Прославление капитализма в книге данного автора реализуется с философско-антропологических позиций.

А. Хиршман толкует о тех человеческих страстях, которые взращены капитализмом. Размышляя об интересе как о новой парадигме, он в то же время анализирует человеческую природу через призму экономической благодати. В книге речь идет о трех скрепах общества — интересе, страсти и морали. Выдающийся американский экономист реконструирует интеллектуальный климат XVII–XVIII веков, чтобы прояснить происходившую тогда сложную идеологическую трансформацию, в ходе которой преследование материальных интересов, прежде осуждавшееся как смертный грех алчности, стало играть важную роль в сдерживании неуправляемых и разрушительных человеческих страстей.

Хотя монография посвящена экономической мысли, но в ней нет строгих математических моделей, движения цифр. Она отражает новейшую увлеченность экономической науки, которая стремится раскрыть роль человеческой природы в хозяйственной деятельности. Экономика как наука возникла, когда сложился образ рационального человека, способного руководствоваться здравым смыслом и собственной выгодой. Если бы организаторы производства считали человека существом мятущимся, нелогичным, непредсказуемым, экономика просто-напросто рухнула бы. Однако в реальной жизни человек не является рациональным созданием. Для него — «всюду страсти роковые». Анализ страстной природы человека — несомненное достоинство монографии.

Страсти определяют поведение человека. Но они бывают продуктивными и разрушительными. Благословляя одни порывы души, надо не пропустить их

«переиначку», обнаружение в них зловещей деструктивности. Современная экономика освещает эгоистические интересы. Считается, что неуклонное преследование собственной выгоды является благом для всех. За последние три столетия понятие интереса к себе сузилось до такой степени, что приобрело смысл, противоположный тому, который оно имело в философии Спинозы. Оно стало идентифицироваться с эгоизмом, с замыканием интереса на материальных доходах, на власти, на удаче.

Более того, в современном общественном сознании эгоистические интересы получили культурную индульгенцию. Много говорится о мотивационных аспектах капитализма. Вместе с тем очевидно, что монография А. Хиршмана не направлена против какой-либо интеллектуальной традиции. Автора заботит тот факт, что гуманитарные науки сегодня не способны показать, каковы политические последствия экономического роста. Между тем эти итоги нередко оказывались ужасными. Хиршман, обратившись к теориям XVII–XVIII веков, считает, что тогда философы и политэкономы могли свободно размышлять о невероятных последствиях для мира, например, торговой экспансии, промышленного роста и свободы вообще.

«В начале христианской эпохи Блаженный Августин снабдил нас путеводителем по средневековому мышлению, заклеив похоть к деньгам и собственности как один из трех главных грехов падшего человека; двумя оставшимися грехами была страсть властвования и сексуальная похоть» (с. 34). После этой цитаты автор монографии впрямую задается желанием показать человека таким, как он есть. В «Этике» Спиноза выступает против тех, кто предпочитает гнушаться человеческими аффектами и действиями или их осмеивать. Дело в том, что в эпоху Возрождения возникло, а в XVII веке укоренилось, убеждение в том, что морализаторская философия и религия уже не в силах сдерживать пагубные страсти человека. Одновременно возник призыв к принуждению и подавлению. Но непокорные страсти не сдавались. Власть не могла усмирить те страдания и горести, которые люди причиняют друг другу в результате господства различных страстей. Поэтому возникло желание приспособить страсти, принудить их работать на общее благо. *«Знаменитая концепция хитрости разума Гегеля как раз и была призвана выразить идею того, что люди, потакая таким страстям, на самом деле служат высшей всемирно-исторической цели, о которой они не имеют ни малейшего представления»* (с. 47).

Средневековые аллегри часто изображали битвы добродетелей с пороками внутри человека. Но как избежать их разрушительной силы? Ответ прост: важно сталкивать страсти, не давать приоритета ни одной из них. Дурная страсть может быть побеждена лишь за счет других страстей. Так и сложилась идея уравнивания страстей. Но в самой трактовке человеческих побуждений возникла новая тенденция. Многие влечения человека рассматривались отныне как вполне законные и неизбежные. Такая идея из Франции и Англии перебралась в Америку. Там она была использована отцами-основателями в качестве важного интеллектуального инструмента, необходимого для целей конституционного проектирования.

Что может укротить страсти? По мнению автора монографии, эту роль могут взять на себя интересы. *«"Интересы" лиц и групп в конечном счете*

стали пониматься как отсылающие к экономическим благам; это может быть прослежено не только в обыденном языке, но также и в таких академических обществоведческих понятиях, как «классовые интересы» и «группы интересов» (с. 64). Понятие «интерес» стало использоваться для обозначения забот и чаяний. Но его содержание не сводилось исключительно к материальным аспектам личного благополучия. Оно подразумевало всю тотальность человеческих устремлений. Обращалось также внимание и на то, как эти устремления будут реализовываться. Так сложился еще больший реализм в анализе человеческого поведения.

Новая доктрина государственного интереса была направлена против страстей, против потакания человеческим вожделениям. Искажение смысла понятия собственного интереса, весьма распространенное в современном обществе, вызвало нападки на демократию со стороны различных авторитарных идеологий. Они заявили, что капиталистическая система несостоятельна прежде всего в моральном аспекте, поскольку она основана на принципах эгоизма, поскольку в ней действует принцип бескорыстного подчинения человека «высшим целям государства». Но идеология бескорыстия обманывает тех, кем элита управляет. Она исходит из того, что государство воплощает принцип бескорыстия, тогда как на самом деле оно воплощает принцип преследования эгоистических интересов. *«Наконец, в контексте Франции XVII века, когда власть была стабильна и полностью сконцентрирована в одних руках, экономические интересы неизбежно оказывались единственным содержанием чаяний простых людей, единственным мерилom, которым они могли визуализировать собственные взлеты и падения»* (с. 73).

Некоторые мыслители не видят особой разницы между «интересом» и «страстью». Но к концу XVII и еще полнее в течение XVIII века страсти стали реабилитировать. Они были признаны сущностью жизни и ее потенциальной креативной силой. Однако одновременно возникало убеждение, что если интерес имеет постоянство и предсказуемость, то страсть, напротив, иррациональна. Непостоянство считалось основной трудностью для создания жизнеспособного социального порядка. Амбиции же и ненасытные желания людей взрывают социальную гармонию.

Наибольший интерес в монографии автора вызывает разделение страстей. Вслед за Д. Юмом он реабилитирует стяжательство как вечное и всеобщее, но клеймит зависть и мстительность. Ненасытность нередко рассматривалась в качестве самой опасной и предосудительной грани алчности. Однако произошла любопытная инверсия, которая, по мысли А. Хиршмана, была вызвана увлеченностью послегоббсовской мысли непостоянством человека. Ненасытность человека стала добродетелью именно потому, что она подразумевала постоянство. Отныне, уже в XVIII веке, стяжательство рассматривается как нечто высшее по сравнению с обычным поведением, движимым страстями. Автор монографии осознает, что стяжательство наносит ущерб людям, рождает непредсказуемые ужасы. Однако общий триумф капитализма реабилитирует ненасытность и стремление к богатству.

«В XVIII веке позитивное отношение к экономической деятельности было поддержано новыми идеологическими течениями. Пусть данное отношение и было укоренено в пессимистическое видение человеческой природы,

характерное для XVII века, оно прекрасно пережило резкие нападки на эти взгляды, которые были предприняты в последующем столетии» (с. 104). Прежние взгляды на интересы и страсти были подвергнуты критике по целому ряду направлений. Многие считали, что человек полностью управляется своими интересами и себялюбием. Другие оспаривали это представление.

Каково же общее устремление книги А. Хиршмана? Он хотел бы показать, как экономическая экспансия могла бы улучшить экономический порядок. В период, который исследует автор, общественное мнение склонялось к убеждению, что торговля покончит с международными распрями и обеспечит гармонию. *«Мысль о вызванных торговой экспансией ограничениях необузданной власти и деспотичных действиях власть имущих прорабатывается и излагается в более общем виде, когда чуть позже речь заходит о социальных и политических следствиях экономической экспансии»* (с. 130).

Однако эти мысли оказались утопическими. Развитие свободы не приводило к укрощению власти. Напротив, скажем, А. Смит выдвигает идею, согласно которой возрастание богатства и ограничение власти следуют друг за другом. Вместе с тем укореняется убеждение в том, что распределение всех человеческих страстей на две категории чревато сильным упрощением. Ни одна страсть не может быть охарактеризована как универсальная и продуктивная. Да, без стремления к богатству, без алчности людей капитализм не сумел бы решить свои исторические задачи. Но ненасытное стяжательство давно уже стало пагубным. *«Сатана там правит бал»*. Именно трансформация этой страсти заставляет сегодня рассуждать об исторической судьбе капитализма. Тяга к изобилию не знает насыщения. Но она порождает множество политических проблем. Как можно, к примеру, восхвалять социальное расслоение, которое сложилось в современном мире? Богатство, сосредоточенное в немногих группах, окончательно истребляет идею справедливости? Ненасытная алчность грозит коллапсом всей системы современной цивилизации. Но в книге А. Хиршмана об этом не говорится. Ограничив свой научный замысел историческим периодом, он рассуждает лишь о том, как капитализм сумел доказать свое неоспоримое превосходство над другими общественно-экономическими формациями.

Да, А. Хиршман обращает внимание на феноменологию соотношения между экономическими структурами и политическими событиями. Да, он указывает на то, что ускользнуло от внимания исследователей XVIII века. Но он не сопоставляет идею книги с современными процессами. Он ограничивается лишь проповедническими словами: *«По мере того, как экономический рост в XIX–XX веках оторвал от родной почвы миллионы людей, привел к обнищанию многочисленных групп населения, обогатив лишь некоторые, вызвал массовую безработицу во время экономических кризисов, а также способствовал появлению современного массового общества, целому ряду наблюдателей стало очевидно: те, кто оказался в самой пучине этих насильственных трансформаций, имеют все основания становиться страстными — страстными в своем гневе, страхе и возмущении»* (с. 185). Однако эти строчки не могут поколебать общей направленности похвального слова капитализму.

Эльвира Спинова

Аристарх КОВАЛЁВ (Эстония)

НАУКА О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ВСЕОБЩИХ И ОБЩИХ КАТЕГОРИЙ И ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ

О монографии В.Ф. Паульмана
«К общей теории политической экономии»^{*}

Познанием отдельных сторон и сфер общественной жизни, закономерностей их функционирования как естественно-исторического процесса развития человечества занимается целый комплекс гуманитарных наук. Одна из них — *политическая экономия*, которая до сих пор исследовала, главным образом, экономику отдельных общественных формаций. В центре этих исследований были характерные черты и закономерности, свойственные тому или иному конкретному способу воспроизводства экономических условий существования общества. Однако в истории развития человечества, наряду с качественными скачками, переходами от одной общественной формации к другой, от одного способа производства к другому, *всегда объективно существовала и преобладающая между ними, нечто общее, свойственное всем формациям*. Отсюда вытекает и необходимость разработки *общей теории политэкономии, исследующей всеобщие и общие черты и закономерности, присущие экономике всех общественных формаций*.

Здесь уместно привести выдержку из «*Анти-Дюринга*» Ф. Энгельса, в которой он обосновал свое видение необходимости исследования *общих для всех общественных формаций закономерностей функционирования экономической сферы*. Он писал: «...политическая экономия по своему существу — *историческая наука*. Она имеет дело с историческим, т.е. постоянно изменяющимся материалом; она исследует, прежде всего, особые законы отдельной ступени развития производства и обмена, и лишь в конце этого исследования она может установить немногие, совершенно общие законы, применимые к производству и обмену вообще»¹.

^{*} URL: <https://www.morebooks.de/store/ru/book/К-общей-теории-политической-экономики/isbn/978-3-659-35562-2>

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 20. — С. 150–151.

И далее Ф.Энгельс приходит к следующему важному выводу: «...политическая экономия как наука об условиях и формах, при которых происходит производство и обмен в различных человеческих обществах и при которых, соответственно этому, в каждом данном обществе совершается распределение продуктов, — политическая экономия в этом широком смысле еще только должна быть создана»².

Научный анализ истории человечества, в соответствии с идеями К. Маркса, должен:

1) учитывать специфику каждой общественно-экономической формации, каждого способа производства, лежащего в основе той или иной формации;

2) иметь в виду, что история развивается поступательно, а каждая общественно-экономическая формация — это очередная ступень прогресса человечества (с определенными производительными силами и формами общественных отношений);

3) каждая общественно-экономическая формация является не только историческим продуктом предшествующего процесса, но и одновременно условием, базисом возникновения новой формации со своим способом производства.

Определение основ *общей теории политэкономии* предопределило необходимость корректировки (во избежание путаницы) общепринятых в марксистской литературе терминов «*производительные силы*» и «*производственные отношения*». Автором предложено в философии исторического материализма понятие «*производительные силы*» впредь именовать термином «*воспроизводственный потенциал*», а понятие «*производственные отношения*» — термином «*общественные отношения*». В общей же теории политэкономии соответственно использовать термины «*производительные силы*» и «*экономические отношения*».

В. Паульман полагает, что также вполне назрел вопрос о расширении *схемы простого и расширенного воспроизводства* за счет введения таких секторов экономики, как производство продукции для НИОКР, оказание услуг для населения, производство продуктов для нужд государственного управления и ВПК.

В качестве всеобщих для всех способов производства автором выделено *6 всеобщих и общих категорий и 9 закономерностей*, а также предложена формулировка *основной экономической закономерности, общей для всех пяти существовавших способов производства*.

В. Паульман также считает необходимым ввести в научный оборот *универсальную формулу эффективности общественного производства, основанную на использовании категории «потребность»*.

Автор убежден, что различие исторических форм всеобщих и общих категорий и закономерностей во времени и пространстве во многом было обусловлено влиянием политики, религии, морали и науки на экономические процессы, не говоря уже о влиянии природного фактора, который во многом предопределил неравномерность развития экономических отношений в различных регионах нашей планеты. Короче говоря, необходимо комплексное

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 20. — С. 153–154.

исследование, интеграция достижений всех общественных наук для объяснения *богатейшего разнообразия конкретных форм* всеобщих и общих категорий и закономерностей.

В монографии предпринята попытка не только отслеживания естественно-исторического процесса становления и развития разнообразных форм категорий и закономерностей, связывающих воедино все способы производства, но и в самом первом приближении рассмотрена их взаимная связь, реально формирующая систему, которая и является сущностью того или иного способа производства средств удовлетворения экономических потребностей членов данного общества.

В известном смысле можно сказать, что общая теория политэкономии в большей мере является наукой о *взаимодействии* всеобщих и общих категорий и закономерностей, чем наукой о самих категориях и закономерностях.

SUMMARY

EDITOR'S PAGE

Vagif Guseynov. THE ECONOMY HEADS ALL

1. In the late April, the statement made by the Russian government economy-block ministers on sufficient deterioration of the prognosis for the Russian Federation basic economic indicators — the gross domestic product, industrial production and investments — hit the headlines. The situation is becoming tense in Siberia, not just in traditionally economically weak republics in the southern part of the region, but also in the industrial Kemerovo Oblast and Krasnoyarsk Krai. Unexpectedly, the centre of ill-being is being set up in the once prosperous oil provinces of the Ural district.

2. The President calls to seek solutions for macroeconomic problems, but, in fact, it is just they that are the political problems. The threat of recession is already changing the alignment of forces within the Kremlin and government economic blocks. It is impossible to let the power split, so the President's Administration has to take over solving these problems by itself.

3. There is some positive in all this, though. If the economy is slowed down, as it is the case now, then it becomes obvious that all calls for more jobs or fighting the inflation are impracticable. Which forces the power to undertake some steps.

PRESSING TOPICS

Pavel Gurevich. ABSURD AS A SOCIAL PHENOMENON

1. The phenomenon of absurdity is deeply rooted in the society. Having been uprooted as an irrational code from the everyday living, it would have made people disobey the authorities' instructions.

The subject of absurdity had been favored by philosophers and sociologists long ago. But it was thought, primarily, of as some logic failure, nonsense in reasoning. Though, even as far back as in Renaissance it has been noted, that there were lots of discords in the life itself, not just in rhetorical practice: insanity is often positioned itself for reason, giving birth to absurd situations.

Social philosophers make it fixed that the idea of progress has disappeared, but progress still goes on. Henceforth, it is rather the cancer excrecence, than some social development. Instead of boisterous migration of peoples there is quiet asiaticization of Europe. The idea of wealth that presupposes production has disappeared, but production per se is still being realized in its best. And as the initial idea of its ultimate goals disappears, the production growth is accelerated. The idea has disappeared in the politics, but political games, on the contrary, have amplified and expanded.

2. In Russia, the beginning of this year has amazed the public with powerful shoots of absurdity. The absurdity has mastered the logic that knows no contradictions. Incoherence turns to be logicality.

People get used to senselessness and hypocrisy that reign about them. But there is the other way to give dynamics to the social progress. There is no need to take the absurdity for granted. Nor to accept rules of the game, where it sounds something well familiar like, 'Eeny, meeny, miny, moe'.

It is time to have the absurdity be opposed with mature civic courage, common sense and social therapy.

Vyacheslav Kozlov. SOME PROBLEMS OF FIGHTING CORRUPTION
IN THE LAW ENFORCEMENT BODIES

It would be wrong to say nowadays, there are some governmental bodies, including the law enforcement ones, that are not subjected to corruption, in more or less degree. Principally, it is dangerous by its destructive influence upon the constitutional foundations and the government system.

The system of measures practiced by the law enforcement bodies makes it possible to reveal and remove the causes and conditions that are conducive to committing malfeasance in public office. But along with the undertaken measures, "it is necessary to raise the well-being of officials, so that they would value the office job", noted the Russian Federation President at the Kremlin press conference

of December 2004 to answer the question on how Russia would manage to overcome the corruption.

Huge material resources are needed to the purpose, which the state budget is unlikely to support. But the question is just like that — either we are fighting in earnest spending our resources and becoming victorious over the corruption or we go on fighting it as inefficiently as we do, which might result in very negative consequences.

Vasily Koltashov. AND NO MIRACLES WOULD EVER HAPPEN...

1. In the mid-2012, the country's economic policy has been corrected. The authorities rejected the uncertain and inadvertent, but productive Keynesianism of the first half of the year. The neo-Liberal reforms began to be intensified. The new privatization was launched. Domestic market protection mechanisms from the outside adverse affects in the late 2012 continued to malfunction, which was helped by, primarily, the WTO. The new privatization was just worsening the situation in Russia, reduced the state's regulating options. The government entered the struggle to formally improve the investment climate that was to draw the foreign capitals into the economy and thus to nullify the impact of various negative factors. Investors have not come. Contrary to the efforts made by the authorities to improve the investment climate, the outflow of capitals from the country proceeded.

By the early 2013, the situation in Ukraine has become very instructive for Russia. While Greece was the crisis laboratory for the European Union, Ukraine involuntarily played a similar role for its eastern neighbor.

2. Against the background of the heavy situation in the Ukrainian economy and the delayed economic growth in Russia, there appeared some bitter contradictions in the domestic top echelons.

The struggle to decrease the refinancing interest rate became the struggle to support the Russian economy growth. Without making the credits cheaper, it could fade very quickly, as the case already was by the early Spring 2013. The Central Bank refinancing interest rate decrease could constrain negative processes in the economy, having provided, at least, the time for maneuver, new correction of the economic policy. But that has not happened.

3. The crisis in Europe has influenced the situation in the Russian economy very much. At that, the European Union officials did capitulated to recession in the economy and suggested no effective decisions, by the early 2013. Their policy was based upon maintaining the financial balance, rather than generating the economic growth.

In 2013, the outside conditions would make rather weak influence on the state of affairs in Russia's economy. With the exception of a great exchange fall that might well happen.

Esse Homo

Gennady Bocharov. THE LIFE IS ALWAYS SHORTER THAN THE TRUTH

The subject of a Man had always been and will be topical in the politics and all other spheres of life, as everything starts and everything ends with the Man. I wrote of the humans, of peoples, of their deeds or no-deeds, of their being enchanted with life and their being disgusted at it, of the people making reckless acts not for the sake of something, but entirely for the sake of generosity being their intrinsic feature that is characteristic for any normal person. And a day came to me to comprehend, that there is nothing more important in our lives than the Man, that the state serves just as a tool the Man's hands, which the Man has never learnt to use for the good of mankind...

THE ISSUE'S MAIN TOPIC

Discussion

ELECTRONIC DIPLOMACY: A TRIBUTE TO THE CURRENT SITUATION OR A FOREIGN POLICY PROMISING TOOL?

The participants in the discussion were A. I. Smirnov, President of the National Institute of Global Security Studies, member of the Presidium of the Russian Academy of Natural Sciences, the Extraordinary and Plenipotentiary Envoy of the Russian Federation (retired); V. A. Rubanov, Vice-President, League of Defense Enterprises (former Assistant Secretary of the Russian Federation Security Council);) S. A. Koulik, Director, the International Development Directorate of the Institute of Contemporary Development (former Department Head at the Russian Federation President's

Administration); O. V. Demidov, the PIR-CENTER coordinator on the International Information Security and Global Internet Management program; E. S. Zinoveva, lecturer of the World Political Processes Chair at the Ministry for Foreign Affairs of the Russian Federation MGIMO University; M. A. Makarov, the councilor to the RKSS-GOLLARD group of companies.

The discussion moderator was S. K. Oznobishchev, Sector Head at the RAS Institute of World Economy and International Relations, Professor at the MGIMO University, Academician of the K. E. Tsiolkovsky Russian Academy of Space Exploration (former Chief of the Organizational and Analytical Department at the Russian Academy of Sciences).

The issues discussed are as following —

1. Is an integrated official approach to cyber-security (the cyber-security concept) needed, and (or) is there a need to integrate this sphere general norms into the documentation on the RF national security?

2. Is the term 'new technologies' to be defined for foreign policy workings; what priorities have the tasks of the "electronic diplomacy" as Russia's foreign policy tool; and what is the way to effectively distribute the available resources?

3. What guidelines would be advantageous to use the "electronic diplomacy" subjected to the domestic specifics and resources; how the new technologies are to be introduced subjected to the security requirements (to weigh the pros and cons of the state's network potential and on this basis to think of working out the concept of developing the "network power")?

4. What steps are to be taken to establish the State-Internet-Business linkage? What is the way to make Business interested in cooperation with the State in a specific foreign policy process?

5. What is to be done to work out the universal United Nations code on Behaviour in the Information Space that would define the provisions on free, uninterrupted and non-discriminative access to the Info-Communication Technologies (ICT), including the Internet and network resources, would reproduce the need to observe the basic human rights and freedoms in the Internet space, would provide for inadmissibility of using the ICT for the purpose of interfering into the internal affairs of the states detrimental to their sovereignty and national security?

GEOPOLITICS

Vladimir Dergachev (Ukrain). LATIN AMERICA'S GEOPOLITICAL TRANSFORMATION

Latin America's geopolitical transformation is of interest to Russia and the post-Soviet space due to wide try-and error experience along the way of liberalization of economic relations and contradictory integration projects.

The Monroe Under Doctrine viewed the Latin America as Washington's "backyard", where the US exercised the military and political, economic and democratic control.

After the USSR collapsed, the USA have not played more important role in the region. Now the Latin American zone of the US "vital interests" is under surveillance of the Southern Command of the US Armed Forces in the zone of Central America (USSOUTHCOM) that has its headquarters in Miami (Florida).

The geopolitical transformation and regional integration are being influenced by the natural factors — not just the geographical remoteness from the Old World, but also the tectonic specifics of the continent. Territories of Peru and Chile are located in exclusively earthquake-prone zone. Governments of these states have to consider this natural factor in their geopolitical priorities. Therefore, in their integration projects they are going by the economic superpowers capable to render not just the humanitarian help.

The ideas of integration in order of strengthening the economic power, including slithering out of the US hard embrace, are popular in the Latin American countries. Thus, the Bolivarian Alliance for the Peoples of Our America (ALBA) was set up in 2004 under the initiative of the "sworn friends" of the USA, presidents Hugo Chavez of Venezuela and Fidel Castro of Cuba. Though this subregional grouping's goals are to promote trade and cooperation between the countries, the ALBA is following the strict anti-USA policy.

In 2011, in Caracas (Venezuela), the leaders of 33 American states signed the agreement to set up the Community of Latin American and Caribbean States (CELAC) that stands up for complete abolishing the US "backyard" in the region.

To counterbalance the Bolivarian Alliance, the Pacific Economic Alliance Mexico, Colombia, Peru and Chile) was established in 2012, with the population over 200 million and 40 percent of Latin America's GGP (2011). The new Alliance's strategic target is to develop the economic relations

with the Asian-Pacific Region countries, especially with China, the USA, Australia and New Zealand. Mexico, Peru and Chile are the APEC members as well. There is also a geopolitical shift or Mexico coming back to Latin America.

(To be completed in the next issue)

FOREIGN AFFAIRS

John Carlson (Australia). DPRK AND IRANIAN NUCLEAR CHALLENGES — POLITICAL ASPECTS

The DPRK and Iran present major challenges for regional and global peace and security. The DPRK has produced nuclear weapons in violation of the NPT — so far the only state to have done so, has withdrawn from the NPT — also the only state to have so, has conducted three nuclear tests, and has threatened others with nuclear attack. Iran was found to have a secret nuclear program with military dimensions, is clearly pursuing at least a nuclear weapon break-out capability, if not more, and has also threatened other states. Both states have active ballistic missile programs, in violation of Security Council resolutions, and are collaborating in missile development. Both have engaged in military attacks, directly or through proxies, against neighbouring states.

The DPRK and Iran have been able to take advantage of reluctance to support stronger sanctions. Pursuit of nuclear weapons is a political decision, which ultimately must be addressed in political terms.

Ultimately the DPRK and Iran have to be persuaded that their security interests are best served by building relationships and alliances, not by isolation and confrontation. All states should reflect on the words of President Nazarbayev — the best guarantee of national security lies in sustainable social and economic development and peaceful coexistence.

Georgy Mirsky. THE ISLAMIC COMMUNITY AND THE ARAB SPRING

The Islam is “more than a religion”, it is the identity factor as well. The Muslim civilization brings together peoples who, whatever their distinctions are in the mentality and traditions, realize their belonging to some not just religious community.

The terms of the “Islamic fundamentalism”, “Islamism”, “political Islam” have become of common use long ago, recently they are often refer to some “Islamic terrorism”, that is absolutely incorrect. The fundamentalism is not an equivalent to political radicalism, less so it gives birth to terrorism by itself. One may be a fundamentalist and at the same time condemn the extremism, and all the more so the terrorism. The Islam as the religion makes no calls for violence and terror, in no way encourages them, and bears no responsibly whatsoever for the crimes of terrorists.

The Islamic radicalism draws its force out of the burning sense of injustice.

The Muslims are proud of their ancient and rich civilization, but they are obvious of the fact their countries are at the lowest level of the world hierarchy compared with the West aspiring “to suppress and dissolve in its godless materialistic civilization” the traditional values of the Muslim world.

The Muslims have never claimed the Christianity as religion to be their enemy. The Islamists hating America as the avant-guard of the godless, impious, hostile West, reject, naturally, the western democracy as the system incompatible with the Sharia.

To answer the often asked question, What is out of order in the Islam world?; it may be said there is something out of order in the spiritual leadership of the Muslims who failed to prevent the cancerous tumor of jihadists in the entity of their religion.

The Arab Spring is not some uniform stream, is not one and the same model, but a whole number of specific situations. But they have one thing in common — the want of freedom. It was not a class revolution, not a war of the poor against the rich, nor intertribal and inter-confessional feuding. Simply, the desire of changes has ripened up.

Would Egypt be turned into the Islamic state, and the Muslim Brothers become domineering? The optimists are sure, that, having come to power, the Brothers would be guided by pragmatism, paying just a rhetorical tribute to their religious beliefs.

To get funding by the West and to prevent the collapse of the economy and the people’s discontent explosion, the new Egyptian regime would have to give up the radical Islamization. The Islamic community experiences the moment of truth. The matter goes to no more and no less than the most important principal problem, Is the Islam compatible with democracy?

Terrorism remains a major security challenge in the Middle East. Given the transitional period post the revolutions that some of the Middle Eastern countries are going through, there are fears that the cooperation in fighting terrorism might not reach its maximum capacity, due to some Middle Eastern Countries focusing on internal economic, political, and social challenges.

Iran, nuclear ambitions remain to be perceived as a major security challenge in the Middle East. A nuclear Iran, is a possibility that presents great security challenge to the international community, however, these ambitions are highly accepted behind some of the closed doors in the Middle.

Arab Israeli conflict, remains a main source of security challenges in the Middle East. The conflict has deep historical roots and overwhelming vested major power interests

On the newly Islamic regimes post the Arab revolutions, the international community, need to be tolerant to political Islam going forward.

Each country in transition has its own security challenges, and therefore each needs support in different aspect, apart from Libya, international economic support would be of great impact to limit chances for breaching peace in the Middle East.

Valery Bondarenko (Belarus). THE EURASIAN INTEGRATION
AND PUBLIC OPINION IN BELARUS

1. The course of Eurasian integration caused coming up views and positions that reflect many countries' usual concern for the fate of their national identity and national self-consciousness. But there sprang a no less natural question, Well, could these normal processes be kept in the 'normal frameworks' by themselves? Would not they lead to such a growth of the nationalism, both ethnic and political, that could really prevent some deeper integration? Or would all the integration be limited to the Customs Union or even a free trade zone?

2. For last 10 years, in Belarus, the number of the citizens who support the Union of Belarus and Russia has been halved.

3. Nowadays, three principally different positions, or three groups of views, have come into distinct picture in the Belarusian civil society. To be short and visual, they, by the historical analogy, may be called the Westerners (those who support entering the EU and categorically oppose the Eurasian integration), the Slavophiles (or the Eurasians, i.e. those who support the Eurasian Union), and the Centrists (those whose geopolitical centrists position fully conforms the Belarusian leadership's guideline towards the multi-vector foreign policy, and who consider the present Belarus model of domestic socio-economic policy to be the most acceptable to Belarus and, perhaps, for neighboring countries).

4. These positions, or groups of views, might serve as unifying ideas to form public and political movements.

Ksenia Borishpolets , Stanislav Chernyavsky.
THE UKRAINIAN ELITE'S INTEGRATION ZIGZAGS

1. Despite the Ukrainian leadership's trend to sizably decrease their participation in the economic cooperation with the CIS, and the growth of the economic relations with Europe, the share of trade with the CIS (where Russia is Kiev's dominating trading partner) in the Ukrainian total turnover makes up 40 % , while the trade with the EU member-states about 28 % .

2. The oligarchic capital keeps under its control the production sector up to 90 % the Ukrainian GNP (in Russia, by assessments of authoritative experts, the figure is about 35 %), but the capital assets have in main exhausted their resource, so the competitiveness of the Ukrainian produce is constantly decreasing.

The Ukrainian oligarchs have strong connections both in the governmental and oppositional bodies, thus enhancing their possibilities to influence the decision-making, but in the economic sense they are increasingly evident turn into ballast parasitizing on the outside raw and financial resources.

There is a stalemate in the sphere of formal and informal Ukrainian politics which prevents the national economy both to be functioning and develop. The Europe-faced turn-about, mediated by the position of the majority of oligarchic groups, first, may lead to the accelerated destruction of the country's economic system, and, second, provoke an instability wave due to the European vector conjugated projects of radical redistribution of the land property, de facto becoming Ukraine's principal national wealth.

3. Changes in the informal regional balance, in fact, make the central administrative apparatus more controllable, but they block the social base expansion of the V. Yanukovich regime, strengthen oppositional attitudes among the Kiev nomenclature.

4. The current positive shifts in the Ukrainian approach to integrative cooperation within the CIS may, at the moment, hardly be considered the definitive stage in working out the country's foreign economic policy course, which is still pointed to cooperation with the EU. To Ukraine, the problem of choosing the way of integrative movement is to eradicate the illusions caused by the country's geographical position and the local oligarchs' hopes to obtain the status mediator in regulating the flows of resources between various regions of the European continent.

ECONOMICS & FINANCE

Valery Paulman (Estonia). THE CRISIS DARK SIDES

The contemporary financial and economic crisis, besides its economic side has also the other, no less important, sides — political and social.

While in crisis, the problem of revenue redistribution has sharply become aggravated: the states, in order to fill up treasury and reduce the debts burden, had to raise taxes on the incomes of the richer strata of the population, what, naturally, caused their desperate resistance. Simultaneously the increasing number of the working classes make the protest against cuts in the social programs.

The crisis, that blown up the economy of Cyprus in March, has all negative factors focused in itself: uncontrollable speculative elements in competitive struggle, especially in the capital market, state bodies inability to control banking activities, financial cross-border flows, and euro monetary circulation within the borders of the state, instability of the whole economic system based on domination of the fictitious capital.

The EU summit on the draft budget for 2014–2020, held in the last November, resulted in a shattering failure, for the leading EU member-countries, which contribute to the revenue part of the Community budget more, than receive from its expenditure part through the European programs, had demanded radical reduction of expenses in the spirit of budgetary discipline policy.

The EU President, Herman Van Rompuy, suggested to make up the budget expenditure of about 960 billion euro, and its revenues of about 900 billion euro (the policy of pre-estimated budget deficit has never been known in the UE history before!). The trick of the cunning Flemish politician is that the sum of 960 billion euro is close to the claims of the receiving countries, while the sum of 900 billion euro is about to be granted by the donor-countries. Thus, on this basis, the compromise could allegedly be reached. However, it is not clear, how the European Union is going to pay off the 60-billion-euro deficit of the Community budget? All the key factions in the Euro-Parliament without exception have considered the Van Rompuy project insufficient, comparing it to "bankruptcy" or "suicide" of the European Union.

It is the second years in a row, while the USA tries to prevent the technical default caused by the budget unreasonably increased expenditures and the huge public debt.

It may be said, that the whole global capitalist system «has fallen from top to the very bottom».

Debut

*Natalia Protopopova. SPECIFICS OF THE CURRENT RENEWAL
OF EGYPT'S POLITICAL ELITE*

The revolution in Egypt has brought in not just the change of the ruling elite empowered for almost 30 years, but also introduced a new player on the political scene, the Muslim Brothers, having made them an important part of the country's new political elite.

No other political party just had enough time to be prepared for elections, to work out the program topical for that period. The Egyptian people's disappointment with modernization models of development has also played no small role here. It was advantageous for the Muslim Brothers, too, that they had been banished of the political activities for many years, so they had no time either to be distinguished in political governance or to discredit themselves before the eyes the Egyptian electorate.

However, having gained so long-awaited power, the Muslim Brothers made several mistakes, and the country was once again seized with protest actions.

Having gained tremendous experience in infiltrating their followers into the governmental bodies, the Brothers and their leader, Mohammed Morsi, have proved to be laymen in governing the country.

Neither had the Muslim Brothers been imbued with the spirit of the "revolution" itself. The Egyptian people wanted not just a change of the political elite unchangeable for decades, but thought to get more opportunities to take part in the country's political life, but the new political elite, eager to strengthen their political position, failed to provide for such expectations.

Thus, the optimistic expectations accompanied the parliament and president elections, that were to if not to remove then at least to ease the political tension in the country, were not justified with the appearance of the new political elite. The opposition declare, the "revolution" in Egypt goes on.

THE «ROUND TABLE»

WHAT IS IT A SOCIAL STATE?

The participants in the discussion were Academician L. P. Buyeva of the Russian Academy of Education, Professor, Dr.Sc. (Philosophy), Chief Researcher at the RAS Institute of Philosophy; G. V. Saenko, Dr.Sc. (History), Professor, Assistant to the Rector of the Russian State University of Trade and Economics, the Russian Federation Government Award in Education Winner.

The Round Table is hosted by Professor P. S. Gurevich, Dr.Sc.(Philosophy).

After the World War Two, Germany laid in ruins, its economy being crushed. The German people paid off for devastations brought in by Nazism. The country needed to be recovered, the optimal social project had to be searched for. This mission was assigned to the second FRG Chancellor, Ludwig Erhard, who has been rightly called the creator of German Economic Miracle. He suggested the social state project. Its major elements provided for population standard of living. The social market economy was considered by Erhard the engine of public well-being. This course caused fierce disputes. But the measures suggested by the economist, had revived the country. He managed to create the air of solidarity in the society. Following such a policy resulted in the 1956 double German GNP compared with the pre-war the best of 1936, while the 'private consumption' went up from DM 29 billion in 1950 to DM 51 billion in 1955, that is, almost doubled in 5 years. Russia and Germany began their economic recovery in similar social conditions. But the economic miracle had taken place in Germany, not in our country.

The following questions were under the discussion —

1. May a social state be considered an ideal solution of public problems?
2. Why such a social project is being criticized?
3. Has a social state been made up in Russia?

PUBLICATIONS

Boris Chernyshev. ALTERNATIVE AS THE STATE DECISION-MAKING TOOL IN RUSSIA'S HISTORY

Russia is passing through regular choice of the historical alternative — either to go on moving by inertia with the outdated economic model or to start advancing with the model of the economy consistent with the modern realities. In Russia, there had developed practice to forget using the alternative, which resulted in authorities' inability to duly reveal all the options to solve the problems in the national agenda, to choose the only one appropriate for the specific historical situation subjected to the country's material and financial capabilities.

For a hundred years the model of economic development was changed four times, at that, all decisions were taken by the ruling power alone, with no public assessment of the alternatives available at that time.

The new leadership have found themselves facing the regular historical choice.

Forgetting the alternative in the state decision-making process had been traditionally compensated by Russia's supreme power at the expense of the academics' intellectual potential to "scientifically" substantiate the decisions already made by the authorities.

Back in the USSR, that was the special task for the CPSU CC Academy of Social Studies to bring up a stratum of theorists copying the Soviet leaders' political thinking. In contemporary post-Communist Russia these functions are successfully executed by the scholars the Higher School of Economy, and the Russian Academy of National Economy and Governmental Service, who uphold the existing economic policy having based on the ideology of neo-Liberalism.

To preserve the priority of monopoly for truth in the state decision-making mechanism is to constantly block the way of considering the alternative options, to search most effective methods to solve the pressing problems of the social development.

The unlearned lesson of historical experience takes vengeance on the political elite with failures in their reformatory activities. Throughout 20 years of the market transformations, none of the suggested reforms — administration, taxation, education, public health services, military, police — had brought in positive outcome for the greater part of the Russian society.

Rasim Agayev (Azerbaijan). THE FLICKERING 'IDEAS OF EURASIAN INTEGRATION'
From personal archive...

In August, 2015, the 110th anniversary of the First Congress of Russia's Muslims will be marked. At the Congress, the petition, written by the prominent Azerbaijan public figure of the early 20th century, Ali Mardan bek Topchibashev (Topchibashi), was presented: the equalization of "general civic property rights of the Muslims and those of the Russian population, and the admissibility to the public and civic positions" (p. 11) had been thus petitioned. The Congress approved the program achieving the religious and cultural autonomy, being considered the primary objective.

The beginning of the 20th century, like the beginning of the democratization beginning in the USSR, were the times of new public ideas, new political forces, new leaders. In the first instance they were stimulated with the elections to the Duma, in the second, the stimuli were elections to the reformed USSR Supreme Soviet.

In 1918, A. M. Topchibashev initiated establishing the Azerbaijan Democratic Republic (ADR). He became the head of the Parliament of the first republic, the first not just in the history of Azerbaijan, but of the Muslim East as a whole. As far as democratic procedures, tolerance, and political pluralism concerned, the ADR Parliament still is unsurpassed by the subsequent two Azerbaijan republics legislatures, the Azerbaijan SSR Supreme Soviet and the Millie Majlis of the today's Azerbaijan Republic.

Now, after the USSR disintegration which had been openly opposed by the deputations of the Muslim republics and autonomous entities in the USSR Supreme Soviet, the Russian society has been presented with a new geopolitical project of common Russian-Muslim coexistence, the Eurasian Union. Some people see beyond the outlines of this not so much clear-cut idea of the Eurasian integration some dreamed-of Eurasian civilization, others consider it to be some modernized commonwealth of the post-Soviet space former states.

The West has detected in the first outlines of this unifying project the old Russian superpower mentality or an attempt to resuscitate the USSR. Anyway, once again the issue of harmonization of relations between the Muslim world and the very same geopolitical space becomes topical, as we are reminded by the entries to the archives of those who headed the Muslim movement in the Russian Empire almost a hundred years ago.

No doubt, in Russia the phenomenon of the culture resisting the ideocracization is possible, and the philosophers can do much, both by means of their professional texts, and also by other means of representation in the so-called public space, whatever scanty and disappointing it may seem to us sometimes.

Eye Witnessing

Maria Kortunova. CHESS TOURNAMENT
IN MIKHALOVSKY PALACE OF RUSSIAN MUSEUM

What does the Chess and the Art have in common? Is it possible to revive the interest and to return bygone popularity to the game that was the passion of millions of people? Why Alekhine? Why have they gotten down to this difficult and completely non-profitable business?

To get the answers to these questions I went to St.-Petersburg to cover the Alekhine Memorial, the international chess tournament in the memory of Alexander Alekhine, the first Russian chess world champion.

Philosophy and politics

Alexey Kara-Murza. THE WAY THOUGHTS TURN INTO DOCTRINES

1. The core of Vladimir Veidle's concept of culture is contrasting the world outlook, which is always developed by a personality's creative effort, with the ideology, that is always have a propensity to enmasseness and some partial simplification.

2. For the whole 20th century, Russia has been experiencing “ideas-turned-into-ideologies” “recasting”. We know the way the Leftist Communist ideas had mutated in Russia: first, it “puffed up” ideologically and then burst. Something of the kind, less tragic, but much more farcical, has happened to the Liberal idea. Both the processes, being so much differently ideologically stuffed, have developed under one and the same scenario.

3. There is a splendid article by V. S. Solovyov on the Slavophilism and Its Degeneration. Solovyov marked the Slavophiles’ contradiction between civil-legal universalism, on the one hand, and the apologia of the Russian Exclusiveness, on the other. The outcome of all those contradictions, according to Solovyov, was that the Slavophilism has been sort of pre-prepared for ‘degradation’.

As a result of all these contradictions славянофильство, it agree Соловьёву, in the development was as though *приурочено* to “degeneration”.

4. Vladimir Solovyov’s ruthless analysis consistently calls for studying another most important process in the Russian Thinking, those of degenerating the Leftist idea and building up the Left-wing radical ideology in Russia. The most interesting analysis to the case has been made by N. A. Berdyaev in his work on *The Philosophical Truth and Truth of the Intellectual’s*.

5. Berdyaev’s general conclusion on the intellectual catcher which –the Russian hobby group so called intellectuals were entrapped was as following, ‘The Philosophy is a school of loving the truth... The intelligentsia were unable to unselfishly treat the Philosophy, for they selfishly treated the truth itself, demanded the truth to become a tool of public overturn, people’s well-being, human happiness. They yielded to be tempted by the Grand Inquisitor who demanded to refuse the true for the sake of the human happiness.’

NOTES ON A BOOK’S MARGINS

PANEGYRIC ON CAPITALISM

Hirschman, Albert Otto. *The Passions and the Interests: Political Arguments For Capitalism Before Its Triumph*. (Translated into Russian.) M., 2012. 200 pp. (circ. 1,000 copies).

This book’s author glorifies Capitalism from the positions of philosophy and anthropology.

A. Hirschman talks of those human passions that have been brought up by Capitalism. Reflecting on interest as a new paradigm, he, at the same time, analyzes human nature through the prism of economic bliss. The book mentions the three society’s clamps — the interest, passion and moral. The author reconstructs the intellectual climate of the 17th and 18th centuries to clarify the complex ideological transformation of that time, which made the pursuing material interests, that had been condemned before as a mortal sin, to play an important role in restraining the uncontrollable and destructive human passions. The modern economy consecrates the egoistical interests. The steady pursuing one’s own benefits is being considered a blessing for all.

Moreover, in the contemporary public consciousness, the egoistical interests have gained the cultural indulgence.

What is able to tame the passions? According to the author of the monograph, such a role might be played by the interests expressed in cares and expectations, answering to the total human aspirations, and by the way these aspirations going to be achieved.

Some thinkers see no special distinction between interest and passion. But by the end of the 17th, and ever more fully during the 18th century, the passions had been exonerated. They had been recognized as the life’s essence and its potential creative force. However, simultaneously there came a belief, that, while the interest is featured with constancy and predictability, the passion, on the contrary, is irrational.

The most interesting thing in the monograph is the differentiation of passions. The author exonerates money-grabbing as eternal and universal, but stigmatizes envy and vindictiveness. Insatiability was quite often considered the most dangerous and reprehensible side of avidity. But some curious inversion caused by the human inconstancy has resulted in man’s insatiability becoming a virtue just because it did mean constancy. The author of the monograph sees, that money-grabbing is harmful to people, it gives rise to unpredictable horrors. But both insatiability and striving for wealth are being exonerated by the overall triumph of Capitalism.

True, without striving for wealth, without human avidity Capitalism would not manage to solve its historical problems. But it is this passion’s transformation that makes people enter the discourse on historical destiny of Capitalism today.

Elvira Spirova

REVIEW

Aristart Kovalyov. SCIENCE ON INTERACTION OF UNIVERSAL AND GENERAL CATEGORIES AND REGULATIONS

On Professor V. F. Paulman's, Dr. Sc. (Economics), monograph on Towards the General Theory of Political Economy. Lambert Academic Publishing, 2013.

The monograph attempts not just to trace the natural historical process of formation and development of various forms of categories and the laws, that bring together all the modes of production, but also to consider, as a very rough approximation, their interconnection that is really making up the system being the essence of this or that mode of producing the means to satisfy the economic requirements of members of the given society. In a sense, it may be said, the general theory of political economy is more a science on interaction of universal and general categories and laws, than a science on categories and laws.

ОБ АВТОРАХ

Агаев Расим Гусейнович (*Азербайджан*) — заместитель председателя Союза журналистов Азербайджана. По образованию филолог — окончил Азербайджанский государственный университет. С 1964 года в журналистике — Азербайджанское радио, собкор Агентства печати Новости, газеты «Труд» по Азербайджану, заведующий Бюро АПН в Ливии. Кандидатская диссертация посвящена проблемам политических союзов в Ираке. В разные годы работал заведующим идеологическим отделом ЦК Компартии Азербайджана, руководителем пресс-службы Президента АР. Автор ряда работ по проблемам Ближнего Востока, стран Южного Кавказа.

Бакр Ноха (*Египет*) — доктор политологии, профессор кафедры политической науки Американского университета в Каире.

Занимает ряд должностей и постов, связанных с экспертной, научной и консультативной деятельностью в области международных отношений и политической науки, в том числе: помощник Министра международного сотрудничества (область ответственности: экономическое сотрудничество с США); член Правления Арабского фонда сотрудничества в сфере культуры, а также Арабского демократического центра; член Египетского совета по международным отношениям; консультант Лиги Арабских государств; член Арабской сети в поддержку толерантности политики; обозреватель телевидения по политическим проблемам на каналах ВВС, Египетском национальном телевидении, спутниковом телеканале «Орбита».

Бондаренко Валерий Семёнович (*Беларусь*) — кандидат географических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой Белорусского торгово-экономического университета потребительской кооперации.

Выпускник МГУ им. М.В. Ломоносова. В конце 1980-х гг. — докторант МГУ и консультант Инновационного Совета при Правительстве РСФСР. В начале 1990-х гг. — сотрудник Администрации Президента РФ. В середине 1990-х гг. — начальник управления экономики Гомельского горисполкома.

Боришполец Ксения Петровна — кандидат политических наук, профессор кафедры мировых политических процессов МГИМО (У), ведущий научный сотрудник Центра постсоветских исследований МГИМО (У). Ведет лекционные курсы по актуальным аспектам мировой политики. Автор и участник ряда прикладных проектов в области исследования международных отношений и политической стабильности стран с переходной экономикой, участвовала в представительных международных научных конференциях в России и за рубежом, стажировалась в Китайском институте международных проблем (Пекин).

Бочаров Геннадий Николаевич — член Союза писателей Москвы, автор многих документальных книг, изданных в разное время общим тиражом полтора миллиона экземпляров. Большинство его работ переведено на основные языки мира.

В течение ряда лет Геннадий Бочаров работал специальным корреспондентом «Комсомольской правды», обозревателем «Литературной газеты», политическим обозревателем при генеральном директоре ТАСС, политическим обозревателем «Известий» и «Российской газеты». В качестве специального корреспондента побывал более чем в 50 государствах мира, в том числе во всех его «горячих точках».

В советское время был удостоен высших профессиональных наград: премии Союза журналистов СССР, премии им. Михаила Кольцова, премии им. Владимира Гиляровского, премии Ленинского комсомола. За репортажи с космодрома Байконур удостоен почетных знаков им. Ю.Гагарина, академика С. Королева и т. д. Награжден орденами и медалями СССР, включая боевой орден Красной Звезды.

Недавно Г. Бочаров «по совокупности творческих достижений» был удостоен премии Союза журналистов Российской Федерации «Золотое перо России».

Книга Бочарова «Русская рулетка» в начале девяностых годов стала подлинным мировым бестселлером — ее издали крупнейшие издательства Лондона, Парижа, Нью-Йорка, Берлина, Стокгольма, Люксембурга и др. Тема большинства книг Г. Бочарова — человек преодолевающий. Лучшие работы Г. Бочарова составляют учебное пособие: книга «Чистые вершины» — для отделений иностранных университетов, на которых изучается современный русский язык.

В течение последних 20 лет Г. Бочаров переизбирается членом Правления Международного фонда авиационной безопасности. В этом качестве он участвует во всех международных семинарах, которые проводятся в различных точках мира. Авиационная тематика занимает значительное место в его творчестве.

Гуревич Павел Семенович — доктор философских наук, доктор филологических наук, профессор, заведующий сектором Института философии РАН, заведующий кафедрой психологии Российского государственного торгово-экономического университета, директор Института психоанализа и социального управления, президент Московской ассоциации психоаналитиков.

Вице-президент Академии гуманитарных исследований, академик РАЕН, Международной академии информатизации, Академии педагогических и социальных наук. Специалист по философской антропологии, глубинной психологии, философии культуры и современной западной философии.

Главный редактор журналов «Философия и культура», «Психология и психотехника». Автор многочисленных монографий и школьных и вузовских учебников, в том числе «Философская антропология» (2008), «Основы философии» (2011), «Эстетика» (2011), «Культурология» (2011).

Гусейнов Вагиф Алиовсатович — директор Института стратегических оценок и анализа (ИСОА), главный редактор журнала «Вестник аналитики»; член Совета по внешней и оборонной политике (с 1998 года), член Российско-китайского Комитета дружбы, мира и развития; член правления Совета Средиземноморско-Черноморских исследований (Институт Европы РАН), член правления общества «Россия — Германия»; генерал-майор в отставке.

Автор книг: «Хроника тайной борьбы», «Пьянящий дурман власти», «Война компроматов», «Каспийская нефть — экономика и геополитика», «Политика у порога твоего дома» (2008), «Больше, чем одна жизнь» (книга воспоминаний в 2-х томах, 2013). Соредактор и издатель монографий: «Иракский кризис и становление нового мирового порядка» (Москва, 2004) и «Средиземноморье — Черноморье — Каспий: между Большой Европой и Большим Ближним Востоком» (2006). Соавтор, редактор и издатель книг: «Россия-Великобритания: очередное охлаждение» (2007), «Большой Ближний Восток. Стимулы и предварительные итоги демократизации» (2007), «Южный Кавказ: тенденции и проблемы развития (1992–2008 годы)» (2008), «Россия в изменяющемся мире» (2008). Член редакционной коллегии аналитических сборников: «Стратегия для России: 10 лет СВОП» (2002), «Конкурентоспособность России в условиях глобализации» (2006), «Мир вокруг России: 2017. Контуры недалекого будущего» (2007), «Россия и Мир — Новая эпоха» (2008), «Центральная Азия. Геополитика и экономика региона» (2010), «Нефтегазовый комплекс России: тенденции развития (2000–2010 годы)» (2011).

Автор многих статей по вопросам международной политики, отношений России с ЕС, энергетической безопасности, проблемам Ближнего и Среднего Востока, стран Южного Кавказа, внутренней политики и экономики России.

Кара-Мурза Алексей Алексеевич — кандидат исторических наук, доктор философских наук, заведующий отделом социальной и политической философии, заведующий сектором философии российской истории Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института философии Российской академии наук, заведующий кафедрой прикладной политологии факультета политологии Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН). Автор монографий: «Знаменитые русские в Амальфи» (2012), «Свобода и Вера. Христианский либерализм в российской политической культуре» (в соавт. с О.А. Жуковой) (2011), «Интеллектуальные портреты. Очерки о русских мыслителях XIX–XX вв. Вып. 2» (2009), «Свобода и порядок. Из истории русской политической мысли XIX–XX вв.» (2009) и др.

Карлсон Джон (Австралия) — советник фонда «Инициатива по снижению ядерной угрозы» (учредители — бывший сенатор Сэм Нанн и известный предприниматель Тэд Тернер, оба председательствуют в Совете Директоров); научный сотрудник Института международной политики Лоуи в Сиднее (ранее — генеральный директор Австралийского бюро по гарантиям и нераспро-

странению ОМУ, председатель постоянной консультативной группы МАГАТЭ по вопросам соглашения о гарантиях, Австралия). В июне 2012 г. награжден орденом Австралии.

Козлов Вячеслав Иванович — в 1990 г. окончил Всесоюзный юридический заочный институт по специальности «Правоведение», награжден юбилейной медалью «70 лет Вооруженных сил СССР». В 2006–2007 гг. — заместитель прокурора города Москвы, с 2007 г. — н/время заместитель начальника Главного управления таможенных расследований и дознания Федеральной таможенной службы России. Имеет классный чин — старший советник юстиции. В настоящее время имеет специальное звание — полковник таможенной службы.

Колташов Василий Георгиевич — руководитель Центра экономических исследований Института глобализации и социальных движений (ИГСО).

Кортунова Мария Васильевна — сотрудник Института стратегических оценок и анализа. Окончила МГИМО МИД РФ по специальности экономист-международник; фотограф, участник программ Фонда развития визуальной коммуникации «Объективная реальность».

Мирский Георгий Ильич — заслуженный деятель науки, профессор кафедры мировой политики ГУ-ВШЭ. Родился в 1926 г. Окончил Московский институт востоковедения. Доктор исторических наук (1967 г., «Политическая роль армии в развивающихся странах»). Старший научный сотрудник ИМЭМО РАН, член научно-консультативного совета журнала «Россия в глобальной политике». Сфера интересов: исламский фундаментализм, палестинская проблема, арабо-израильский конфликт, международный терроризм, страны Ближнего Востока. Автор многочисленных работ по теме «Армия и политика в странах третьего мира».

Паульман Валерий Фёдорович (*Эстония*) — доктор экономических наук, профессор. Окончил Ленинградский государственный университет им. А.А. Жданова. С 1957 по 1974 г. работал в Центральном статистическом управлении при Совете Министров Эстонской ССР. С 1974 г. — начальник Управления народнохозяйственного плана Государственного планового комитета Эстонской ССР, а с 1981 г. — первый заместитель председателя Государственного планового комитета Эстонской ССР. С августа 1983 г. — заведующий экономическим отделом ЦК Компартии Эстонии. С мая 1987 г. — заместитель председателя Совета Министров Эстонской ССР — председатель Государственного планового комитета Эстонской ССР.

С января 1989 г. — советник по вопросам планирования посольства СССР, представитель Госплана СССР в Республике Куба.

В марте-ноябре 1991 г. — министр труда и социальных вопросов СССР. Автор ряда книг, в том числе «Мир на перекрестке четырех дорог. Прогноз судьбы человечества».

Протопопова Наталия Сергеевна — аспирантка кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД РФ

Спирова Эльвира Маратовна — доктор философских наук, заместитель заведующего Клиники глубинной психологии. Автор ряда научных трудов по политической психологии и философской антропологии. Член Российского психоаналитического межрегионального общества.

Чернышёв Борис Васильевич — доктор исторических наук, профессор, декан юридического факультета Саратовского государственного социально-экономического университета.

В 1972 г. после окончания исторического факультета Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского работал комиссаром областного штаба студенческих строительных отрядов, зав. отделом студенческой молодежи обкома ВЛКСМ, инструктором отдела науки и учебных заведений горкома КПСС. Лауреат Всесоюзного конкурса молодых ученых по общественным наукам 1977 г. С 1985 г. — на преподавательской работе. В 1988–1990 гг. — старший научный сотрудник Академии общественных наук при ЦК КПСС. С 1991 года на службе в органах внутренних дел: начальник кафедры Саратовского юридического института МВД России.

Автор монографий: «Осмысление исторического опыта в трудах В.И. Ленина. О методологических категориях политического анализа», «Проблемы методологии исторического анализа при разработке политических решений. 1924–1990 гг.», «Разработка и принятие государственных решений в России: уроки истории XVIII–XX вв.», «Исторический анализ политической ситуации в решениях правителей России XVIII — начала XXI вв.», а также ряда статей по истории

государственного управления России. Лауреат конкурса на лучшую научную книгу 2004 г. среди преподавателей вузов России.

Область научных интересов: модернизация российского общества; история и теория подготовки, принятия и реализации государственных решений в России XVIII — начала XXI вв., правители и политическая элита общества в механизме подготовки государственных решений. Заслуженный работник Высшей школы Российской Федерации.

Чернявский Станислав Иванович — доктор исторических наук, профессиональный дипломат (Чрезвычайный и Полномочный Посланник в отставке). Работал в Посольствах СССР в Канаде, Бельгии, Алжире, представительстве при ООН в Женеве. В 2000–2004 гг. — советник-посланник Посольства России в Азербайджане, в 2005–2006 гг. — заместитель директора Первого департамента стран СНГ МИД России, в 2007–2009 гг. — заместитель Генерального секретаря Межпарламентской ассамблеи стран-участниц СНГ. В настоящее время — директор Центра постсоветских исследований МГИМО (У), Москва, Россия.

OUR AUTHORS

Rasim G. AGAYEV (*Azerbaijan*) — Deputy Chairman of the Azerbaijan Union of Journalists. Graduated from the Azerbaijan State University (the Philological Department). Since 1964, engaged in journalism as correspondent of the Azerbaijan Radio, the Novosti Press Agency's own correspondent, the Trud newspaper's correspondent for Azerbaijan, the Chief of the Novosti PA Bureau in Libya. His Cand. Sc. (History) thesis explored on problems of political alliances in Iraq.

In divers years, hold positions of the Chief of the Ideological Department at the Communist Party of Azerbaijan Central Committee, the Head of the Press Service of the President of the Azerbaijan Republic. Authored some publications on problems in the Middle East and the Southern Caucasus countries.

Noha BAKR (*Egypt*) — PhD, is currently Assistant Professor in Political Science at the American University in Cairo.

Holds a number of posts and the positions as expert, researcher and advisor in the field of international relations and political science, including: Assistant to the Minister of International Cooperation (Director of US Cooperation Department in the Ministry); member of the Board of the Arab Foundation for cooperation in the sphere of culture, and also the Arab Democratic Centre; member of the Egyptian Council on the international relations; adviser to the League of Arab States; member of the Arabian network in support of tolerance of politics; political commentator on the BBC, Egyptian National TV, the Orbit satellite TV channels.

Gennady N. BOCHAROV — member of the Moscow Union of Writers, authored many non-fiction books with total circulation of a million and a half; most of them were translated into main world languages.

For a number of years, was a practical journalist of note — special correspondent of the *Komsomolskaya Pravda* newspaper, columnist of the *Literaturnaya Gazeta* weekly, political analyst at the TASS news agency Director General, political columnist of the *Izvestia* and *Rosyiskaya Gazeta* newspapers. In his professional capacity visited more than 50 countries all over the globe, including all its “hot spots”.

In the Soviet times, became holder of the highest awards in the trade: the USSR Union of Journalists Prize; the Mikhail Koltsov Prize; the Vladimir Gilyarovskiy Prize, the Lenin Komsomol Prize. His reports from the Baikonur space launch-site brought him, among the others, the Yury Gagarin and the Academician Sergey Korolev honorary badges, etc. Awarded with the USSR state decorations, including the Red Star Order for service in battle.

Recently, G. Bocharov “by the aggregate creative achievements” was honored by the Union of Journalists of the Russian Federation with the title of The Russia's Gold Pen”.

Early in 1990s, *The Russian Roulette* — the book by Bocharov proved to become a true world-wide bestseller, put into print by the most prominent publishing houses in London, Paris, New York, Berlin, Stockholm, Luxembourg, and so forth. The chief subject of the most of his books is a person overcoming.

The Bocharov's best made up the Pure Tops text-book for the modern Russian language studies at the foreign universities.

For the last 20 years, holds position of a member at the Board of the International Foundation for the Aviation Safety. In this capacity, participates in all international seminars which are being held world over. The aviation is an ever-present subject in his writings.

Valery S. BONDARENKO (*Belarus*) — Cand.Sc. (Geography), associated professor, Deputy Head of the Chair at the Belarusian Trade and Economic University of Retail Cooperative Society.

Graduated from the M. V. Lomonosov Moscow State University. In the late 1980s, was doctoral candidate at the MSU and advisor to the Council for Innovations at the RSFSR Government. In the

early 1990s was an employer at the RF President's Administration. In mid-1990s, hold post of the Head of Department of Economy at the Gomel City Executive Committee (Belarus).

Ksenia P. BORISHPOLETS — Cand. Sc. (Politicalology), Professor of the World Political Processes Chair at the RF Ministry for Foreign Affairs MGIMO University (Moscow), leading researcher at the Center of Post-Soviet Studies at the MGIMO University (Moscow). Directs lecture courses on topical aspects of the world politics.

The author and participant of some applied research projects on the international relations and political stability of the countries with transitional economy, took part in major international scientific conferences in Russia and abroad, worked on probation at the Chinese Institute of International Problems (Peking).

John CARLSON — Current appointments: Counselor, Nuclear Threat Initiative (NTI); Advisory Council, International Luxembourg Forum; Associate, Project on Managing the Atom, Belfer Center, Harvard University; Nonresident Fellow, Lowy Institute; International Verification Consultants Network, VERTIC; Adviser, Asia Pacific Leadership Network for Nuclear Non-Proliferation and Disarmament. Formerly Director General, Australian Safeguards and Non-Proliferation Office 1989–2010; Chairman, IAEA Standing Advisory Group on Safeguards Implementation 2001–2006.

Stanislav I. CHERNYAVSKY — Dr.Sc. (History), carrier diplomat (the Plenipotentiary Envoy in resignation). Hold positions at the USSR embassies in Canada, Belgium, Algeria, the USSR Representation at the United Nations in Geneva. In 2000–2004, was Charge D'affaires at the Russian Federation Embassy in Azerbaijan; in 2005–2006 — Deputy Director, the Russian Federation Ministry for Foreign Affairs First Department of the CIS countries.

In 2007–2009, the Deputy General Secretary of the CIS Inter-Parliament Assembly. At present is Director of the Center of Post-Soviet Studies at the RF Ministry for Foreign Affairs MGIMO University (Moscow).

Boris V. CHERNYSHEV — Dr. Sc. (History), Professor, the dean of faculty of law of the Saratov State Socio Economic University

In 1972 was graduated from the N.G. Chernyshevsky Saratov State University (Department of History). Later, was appointed the Commissar of the Oblast HQ of the Student Construction Teams, then headed the Department of Student Youth at the Young Communist League (Komsomol) Oblast Committee, then employed as the Instructor of the Science and Educational Establishments Department at the Communist Party (the CPSU) City Committee. The prize-winner of the 1977 All-Union Contest for Young Researchers in the Social Sciences. Since 1985, engaged in high school lecturing. In 1988–1990 — Senior Researcher at the CPSU Central Committee Academy of Social Sciences. In 1991, entered the law-enforcement service as the Chair Head at the RF Ministry of Internal Affairs Saratov State Law Institute. Authored the monographs on The Interpretation of the Historical Experience in V.I. Lenin's works. Methodological Categories of Political Analysis; The Problems of Methodology of Historical Analysis In Political Decision-Making. 1924–1990; the State Decision-Making in Russia: History's lessons of the 18th to 20th Centuries; the Historical Analysis of Political Situation in Russia's Rulers Decisions of the 18th to early 21st Centuries; and a number of articles on history of Russia's state governance. The prize-winner of the 2004 Best Scientific Book contest among Russia's high school lecturers.

The sphere of research interests includes the Russian society's modernizing; the history and theory of Russia's state decisions being worked out, passed and implemented in the 18th to early 21st centuries; the society's rulers and political elite in the mechanism of the state decision-making. Holds the title of the Honored Educationalist of the Russian Federation Higher School.

Vagif A. GUSEYNOV — Director of the Institute of Strategic Studies and Analysis (ISOA), Editor-in-Chief of the *Vestnik Analytiki* bulletin. Holds membership in the Council on Foreign and Defense Policies (since 1998), the Russian-Chinese Committee on Friendship, Peace and Development, Board of the Council on Mediterranean and Black Sea Studies (the Russian Academy of Sciences Institute of Europe), Board of the Russia-Germany Society. Ranked Major-General (rtd).

Authored books, including *Chronicle of Secret Struggle; Intoxicating Dope of Power; War of Compromats; The Caspian Oil: Economics and Geopolitics; The Politics at Your House Threshold* (2008). Co-edited and published the monographs on *The Iraq Crisis and Development of the New World*

Order (Moscow, 2004); *The Mediterranean — Black Sea Coast — Caspian Region: Between the Larger Europe and the Greater Middle East* (2006). Co-authored, co-edited and published books on *Russia — Great Britain: Another Cooling* (2007); *The Greater Middle East. Stimuli and Preliminary Results of the Democratization* (2007); *The South Caucasus: Trends and Problems of Development (1992–2008)* (2008); *Russia in Changing World* (2008). Hold membership in the editorial boards of the analytical collections on *The Strategy for Russia: 10 Years of CFDP* (2002); *Russia's Competitiveness under Globalization* (2006); *The World Around Russia: 2017. The Outlines of the Not-So-Far-Away Future* (2007); *Russia and the World: New Epoch* (2008); *The Central Asia. The Region's Geopolitics and Economics* (2010), *Russia's Oil and Gas Complex: Trends of Development (2000–2010)* (2011).

Authored many articles on the international politics, Russia's relations with the European Union, energy security, the Near and Middle East problems, on the Southern Caucasus countries, Russia's domestic policy and economy.

Vladimir A. DERGACHEV (*Ukraine*) — Dr.Sc. (Geography), Professor, the Russian expert in Geopolitics, the founder of the Institute of Geopolitics internet portal. On the basis of the geopolitical theory on the Big Multidimensional Spaces, developed by professor Dergachev, a series of interdisciplinary works and textbooks on Geopolitics, focused on formation of analytical thinking were published. Authored 40 books, including *Geopolitics* (2000, 2004); *Geo-economy* (2002); *The Civilization Geopolitics: Geophilosophy* (2004); *Religion Studies* (2004, 2010, co-authored by L. B. Vardomsky); *The International Economic Relations* (2005); *Global Studies* (2005), *The Geopolitical Dictionary-Directory* (2009), *Geopolitics. Geophilosophy. Geo-economy* in 27 volumes (the electronic edition on CD, 2009), the *Geopolitical Encyclopaedia* (2010–2012, www.dergachev.ru). Personal site www.dergachev.farlep.net

Pavel S. GUREVICH — D.Sc. (Philosophy), D.Sc. (Philology), professor, Sector Head at the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy, Head of the Psychology Chair at the Russian State Trade and Economic University, Director of the Institute of Psychoanalysis and Social Management, President of the Moscow Psychoanalytical Association, Vice-President of the Academy of Humanitarian Studies. Holds full-fledged membership as Academician at the Russian Academy of Natural Sciences, International Academy of Informatization, the Academy of Pedagogical and Social Sciences. Expert in philosophical anthropology, deep psychology, philosophy of culture and modern Western philosophy. Chief Editor of the *Filosofiya i Kultura* (*Philosophy and Culture*) and *Psikhologiya i Psikhotehnika* (*Psychology and Psychotechnics*) journals. Authored numerous secondary and high school text-books, including *The Philosophical Anthropology* (2008), *The Fundamentals of Philosophy* (2011), *The Aesthetics* (2011), *The Culturology* (2011).

Alexey A. KARA-MURZA — Dr.Sc. (Philosophy), Cand.Sc. (History), Chief of the Social and Political Philosophy Department, Head of the Philosophy of the Russian History Sector at the Federal State Budget Academic Institution of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy; Head of the Applied Politology Chair of the Political Science Department at the State Academic University of Liberal Sciences (SAULS). Authored monographs on *The Russian Celebrities in Amalfi* (2012); *The Freedom and Faith: the Christian Liberalism in the Russian Political Culture* (co-authored by O. A. Zhukova) (2011); *The Intellectual Portraits: Essays about the Russian Thinkers of the 19th–20th centuries*. Issue 2 (2009); the *Freedom and Order: Extracts From the History of the Russian Political Thought of the 19th–20th centuries* (2009); etc.

Vasily G. KOLTASHOV — Head of the Economic Research Center at the Institute for Global Research and Social Movements (IGSM).

Maria V. KORTUNOVA — the employee at the Institute of Strategic Studies and Analysis. Graduated from the Russian Federation Ministry for Foreign Affairs MGIMO University with the diploma in international economics; photographer, participating in programs run by the Objective Reality Foundation for Development of Visual Communications.

Vyacheslav I. KOZLOV — In 1990 graduated from the National postal tuition Juridical Institute on Jurisprudence specialty; from 07.2006-02.2007 — deputy Public Prosecutor of Moscow; since 02.2007 up to now — deputy Head of General Customs Investigation Service of Federal Customs Service of Russia.

Georgy I. MIRSKY — Dr. Sc. (History), the professor at the World Politics chair of the Department of World Economy and World Politics of the State University — Higher School of Economics (SU HSE). Research interests include the Islamic fundamentalism; the Palestinian problem; international terrorism; the Middle East countries.

Natalia S. PROTOPOPOVA — postgraduate student, Comparative political science department, MGIMO.

Elvira M. SPIROVA — Ph.D, deputy Chief of the Deep Psychology Clinic. Authored some scientific works on political psychology and philosophical anthropology. Holds membership in the Russian Psychoanalytical Inter-Regional Society.

*Институт стратегических оценок и анализа
Бюро социально-экономической информации*

ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ

№ 2(52)

Перевод с английского — Владимира Мисюченко

*Корректурa А.Панюгиной
Верстка Л.Листвина*

*Издание зарегистрировано в Министерстве РФ
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-5981 от 22 декабря 2000 года*

*Адрес редакции:
109004 Москва, ул. А.Солженицына, д. 40/14, стр. 1
Телефоны: (495) 911-97-78, (495) 912-39-88
Факс: (495) 911-92-77
www.isoa.ru
E-mail: info@isoa.ru*

Тираж 1200 экз. Цена свободная

*Подписано в печать 23.05.2013 г. Формат 70×100/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,5. Заказ № 520.*

Отпечатано в ОАО «Издательский дом «Красная звезда».

*ПОДПИСНЫЕ ИНДЕКСЫ ИЗДАНИЯ
в Объединенном каталоге
«Пресса России» — 44351, 44339.
Электронный адрес подписки в Интернете:
www.presscafe.ru*

ПОДПИСКА НА «ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ» ЗА РУБЕЖОМ:

*через ЗАО «МК-Периодика» или фирмы-партнеры.
тел. +7 495 681-91-37, 681-97-63;
факс +7 495 681-37-98.
E-mail: info@periodicals.ru
<http://www.periodicals.ru>*

SUBSCRIPTION TO VESTNIK ANALITIKI ABROAD

*Via MK-Periodika or its partners:
Tel.: +7 495 681-91-37, 681-97-63;
fax: +7 495 681-37-98
E-mail: info@periodicals.ru
<http://www.periodicals.ru>*

ПОДПИСАТЬСЯ И ПРИОБРЕСТИ ОТДЕЛЬНЫЕ НОМЕРА ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ» МОЖНО В РЕДАКЦИИ.
Телефон: 912 39 88, 911 97 78, электронная почта: issa@umail.ru

Стоимость одного номера журнала в редакции (без доставки) – 100 рублей,
для пенсионеров и студентов – скидка 50 %.

Квитанция для оплаты в Сбербанке

Извещение	Форма № ПД-4
	ЗАО «Институт стратегических оценок и анализа» (наименование получателя платежа) ИНН 7718163808 (ИНН получателя платежа) № р/с 40702810900000080011 (номер счета получателя платежа) в АКБ «Росевробанк» г. Москва (наименование банка и банковские реквизиты) к/с № 3010181080000000777 в отделении 2 Московского ГТУ Банка России, БИК 044585777
Кассир	Подписка на журнал "Вестник аналитики" (период подписки, номер журнала) Дата _____ Сумма платежа _____ Руб. _____ коп. Плательщик _____ (Ф.И.О. почтовый адрес, телефон)
	ЗАО «Институт стратегических оценок и анализа» (наименование получателя платежа) ИНН 7718163808 (ИНН получателя платежа) № р/с 40702810900000080011 (номер счета получателя платежа) в АКБ «Росевробанк» г. Москва (наименование банка и банковские реквизиты) к/с № 3010181080000000777 в отделении 2 Московского ГТУ Банка России, БИК 044585777
Квитанция	Подписка на журнал "Вестник аналитики" (период подписки, номер журнала) Дата _____ Сумма платежа _____ руб. _____ коп. Плательщик _____ (Ф.И.О. почтовый адрес, телефон)
Кассир	